
МОСКВА
МОСКВА
АЭРОФЛОТ
ОГОНЁК
№ 5 ЯНВАРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 5 (1702)

31 ЯНВАРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЯРОСЛАВ ЧИЖ И ГОСТИ

Георгий РАДОВ

На первой странице обложки: Москва. Внуковский аэропорт.

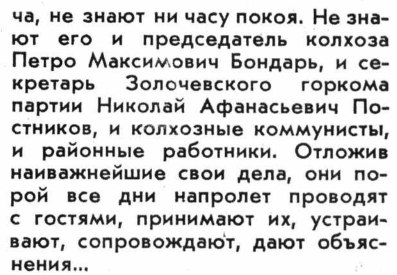
•

— О чем тебе пишут, батько?
Ярослав Семенович Чиж с детьми Галей, Володей и Надей.

Фото Н. Козловского.

1

Трудно Чижу! С того самого дня, как воротился он с Пленума ЦК партии, ни сам, ни жена, ни «чижемята», как ласково зовут пятерых детей Ярослава Семеновича, не знают ни часу покоя. Не знают его и председатель колхоза Петро Максимович Бондарь, и секретарь Золочевского горкома партии Николай Афанасьевич Постников, и колхозные коммунисты, и районные работники. Отложив наиважнейшие свои дела, они порой все дни напролет проводят с гостями, принимают их, устраивают, сопровождают, дают объяснения...

А тут, как на грех, дороги хороши! Из Львова — отличный асфальт, и из Тернополя — отличный асфальт. И поезда останавливаются на станции Золочев. И чуть забрезжит над лесистыми холмами синий рассвет, подкатывают к Чижовой ферме и «Волги», и «Победы», и «газики», и грузовики, и в колхозной конторе спозаранку толпится пришлый народ в полушубках и в бекешах, в пальто и в полупальто, в сапогах и в щегольских остроносых туфельках, и в валенках с резиновыми калошами...

— Вы откуда, товарищи?
— Из Казахстана.
— А вы?
— Чечено-Ингушетия, дорогой.
— А мы сусиды, тернопольцы...
— Из Белоруссии.
— Из Черкасс.
— Я фотокорреспондент из Тбилиси, а эти товарищи — грузинские журналисты. Одну минуточку, дорогой Чиж, повернитесь вот так. Улыбнитесь, пожалуйста. Познакомьтесь: это наш грузинский Чиж, Давид Сепиашвили. Обменяйтесь опытом! Еще минутку! Снимаю...

И уже кто-то нетерпеливый тянет Чижа за рукав.

— Простите, товарищ, я приехал за тыщу километров. Поскорей поделитесь опытом, спешу на поезд...

И уже несут телеграмму: приготовьтесь к приему киноэкспедиции! И несут новую пачку писем. И звонят: пожалуйста, приезжайте, поделитесь, научите...

В этой невероятной сутолоке, когда человека, что называется, рвут на части, кто хошь бы, кажется, растерялся. Но Чиж держится как рыба в воде! Невысокий, головастый, удивительно подвижной — вероятно, именно за живость натуры его и в тридцать семь лет зовут «хлопцем»,— он терпеливо несет тяжкое бремя славы. Не робеет перед вспышками «блицев», не теряется ни перед учеными, ни перед заезжим начальством, а корреспондентам диктует, как стенографисткам, и все косится в их раскрытые блокноты (не напутали бы чего!). Кстати, однажды его одновременно атаковали двенадцать корреспондентов — Чиж снес и это.

(Продолжение на стр. 17).

К. Е. Ворошилов и Е. А. Фурцева у Президента Индийской Республики Р. Прасада.

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

Ник. **ДРАЧИНСКИЙ**,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора. (Приняты по фототелеграфу.)

На холме в самом центре Нового Дели стоит монументальное здание. Это президентский дворец Раштрапати Бхаван. Издалека видно, как на одном его куполе развевается флаг Президента Индии, на другом реет флаг Советского Союза. Дворец этот — резиденция советской делегации.

Вот уже вторую неделю стоят эти флаги рядом, вторую неделю гостит Председатель Президиума Верховного Совета СССР у главы индийского государства. Здесь происходит много официальных встреч и простых, задушевных бесед.

Давным-давно сложена русскими людьми былина о славном герое Илье Муромце. Но и в этом древнем сказании поется о крепкой дружбе русского богатыря с индийским гостем Дюком. Эта былина — поэтическое свидетельство того, сколь глубоки истоки дружбы наших двух народов. Где бы ни появлялись члены нашей правительственной делегации, их

В советском павильоне Международной сельскохозяйственной выставки премьер-министр Неру и Ф. Р. Козлов осматривают макет механизированной животноводческой фермы.

В этом номере:

Посланцы советского народа поздравляют индийских друзей с 10-летием Республики Индии. ★ Корреспонденция из Асуана рассказывает о начале строительства высотной плотины. ★ Фотоочерк «Небо, небо...» посвящен советским воздушным гигантам. ★ На цветной вкладке воспроизводятся картины американских художников. ★ Корреспондент «Огонька» рассказывает о колхозе, где работает Ярослав Чиж.

Советская делегация возле мавзолея Тадж Махал.

всюду окружает атмосфера дружбы и сердечности.

26 января в столице Республики Индии был праздник.

По Большой площади Дели прошли десять великанов-слонов в ярких попонах и звездах. Они символизировали 10 лет свободной, независимой Индии. Несметное количество народа, запрудившего от края до края огромную площадь, от величавых башен президентского дворца до тающей в утренней дымке монументальной арки «Ворот Индии», встретило бурными овациями нашу делегацию.

Торжественно и радостно отметил индийский народ десятую годовщину своей независимости. Праздник был по-восточному пышен, цветист и ярок. Проскакали гвардейцы в традиционных алых мундирах с галунами и позументами. Колонну танков сменил отряд кавалерии на верблюдах. Во главе марширующих войск шли в пестром облачении, отбивая такт, барабанщики в леопардовых шкурах.

Президент Прасад стоит под золотым зонтом на высоком постаменте, накрытом пурпурным ковром, и принимает парад. По правую руку от него в специальной почетной ложе советские гости.

Вот на смену барабанщикам в ярких мундирах на площади появились движущиеся платформы. На одной из первых огромный ковш, из которого льется раскаленный металл. Это индийская сталь. Молодая металлургия стала гордостью всей страны, приступившей к индустриализации своего хозяйства. В создании тяжелой промышленности Индии оказывает большую помощь Советский Союз.

24 января сюда возвратился из поездки в Бхилаи первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Ф. Р. Козлов. Имя еще недавно безвестного городка Бхилаи стало ныне символом братского экономического сотрудничества наших стран. Здесь с помощью Советского Союза, его инженеров и машин создан крупнейший металлургический комбинат.

Показывая советскому гостю плоды совместного труда, бхилайские металлурги сказали много сердечных слов благодарности советским людям за бескорыстную помощь в строительстве новой Индии.

...По площади одна за другой движутся платформы. На каждой из них изображены сцены из жизни всех штатов Индии. Трудятся в джунглях лесорубы на склонах Гималайских гор, выходят в море отважные бенгальские рыбаки. Плывут над шествием макеты самолетов, которые производят в городе Бангалуре, модели гидростанций... Вот трактор везет платформу, изображающую поле зреющих хлебов. На машине большая надпись: «Советский трактор».

Вот штат Раджастан... Суровая, пустынная земля, иссушенная безжалостным зноем. Здесь зарождаются пылевые бури, которые иной раз черной стеной обрушиваются даже на индийскую столицу. Но о чем же говорит этот зеленый стенд? Несколько лет назад Советское правительство преподнесло в дар машины и оборудование для большой сельскохозяйственной фермы. Ее решили создать на трудной земле Раджастана, в местечке Суратгарх. И вот советский плуг проложил там первую борозду. Здесь работали советские трактористы и комбайнеры, обучавшие индийских друзей управлять новыми машинами.

25 января в Суратгархе побывали члены советской делегации Ф. Р. Козлов и В. В. Кузнецов. Директор государственной фермы Синг показал гостям хозяйство. Да, земля Раджастана может стать плодородной! Этот край может превратиться в житницу всей Индии! На ферме ныне собирают рекордные урожаи. Она стала примером и школой для многих индийских земледельцев. 13 тысяч гектаров пустыни превращает ферма в плодородные поля. Уже на половине этой площади зреет урожай.

Директор фермы — бывший генерал, ныне в отставке. Он решил посвятить себя освоению раджастанских пустынь.

— Теперь вы стали генералом мирных механизмов и полей пшеницы. Это очень благородное дело! — сказал директору на прощание Козлов и пожелал ему наилучших успехов.

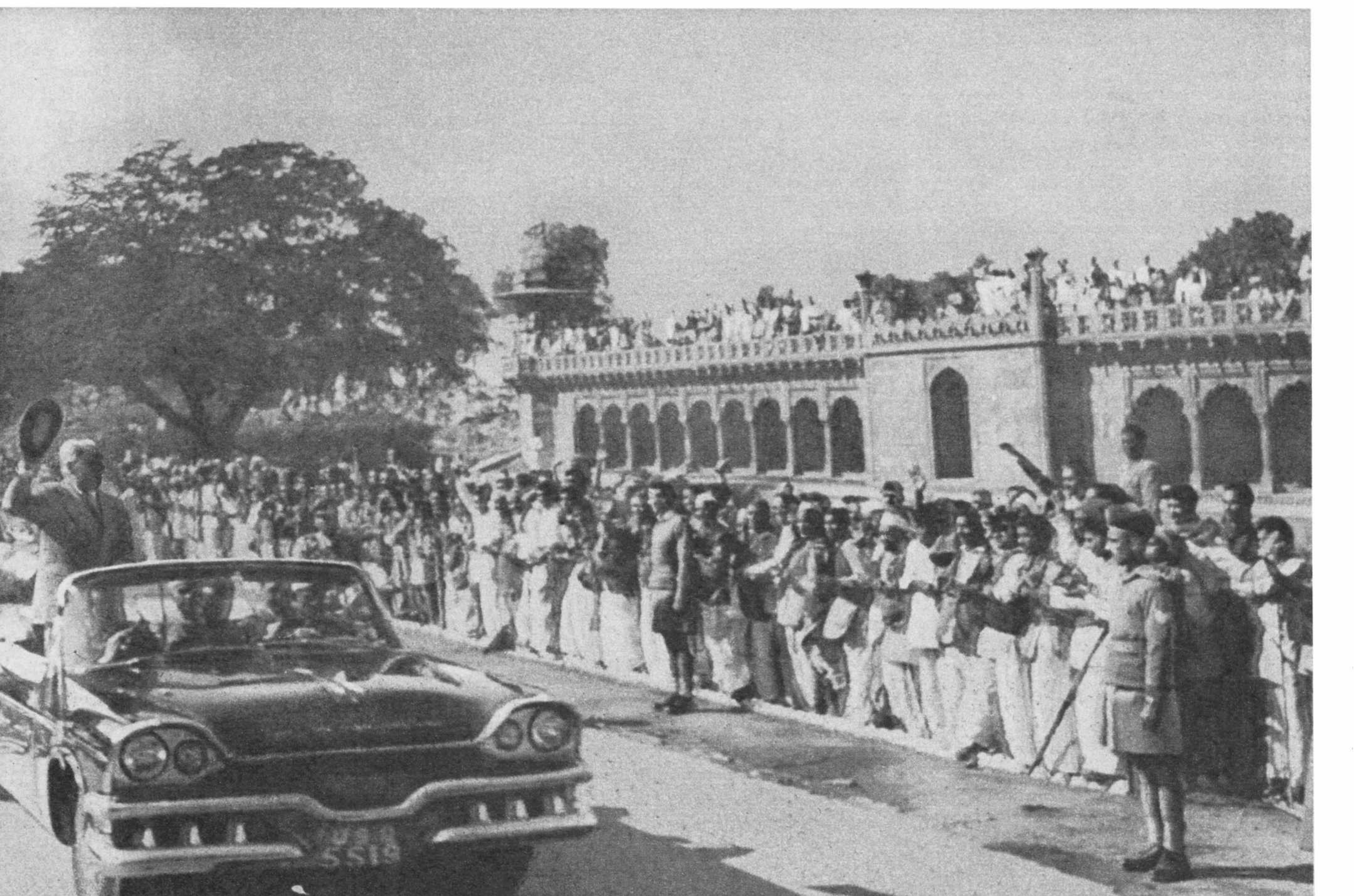
Вот почему, когда на празднестве появилась зеленая платформа-нива с трактором, сработанным Минским заводом, зрители стали аплодировать, их глаза светились благодарностью за дружескую помощь советского народа и верой в будущее изобилие на всей индийской земле.

...«ИЛ-18» держал путь на юг. Когда он вынырнул из облаков, показалось, что под крылом совсем уже другая страна. Серо-бурые тона окрестностей Дели сменились сочными и густыми красками тропического края. Внизу в пышном зеленом наряде лежал жаркий Мадрас — жемчужина Южной Индии. Здесь начинал свою работу очередной съезд Всеиндийской женской конференции.

Руководители организации пригласили Е. А. Фурцеву приехать и выступить перед делегатами.

Говорят, что в Мадрасе только два сезона в году: жаркий и очень жаркий. Едва самолет приземлился, как все тотчас оценили справедливость этих слов. В открытый люк самолета дохнуло за-

Так встречают советских гостей.

стоявшимся жаром. Но еще горячее зноиной зимы оказались сердечные приветствия многочисленных жителей города, пришедших встретить гостей из Советской страны. Гирлянды из живых роз появились на плечах Е. А. Фурцевой, едва она сошла с самолета,— это были подношения от устроителей конференции, преподавателей и студентов колледжа, киноработников, различных организаций, обществ.

...Просторный белоколонный зал Государственного собрания в Мадрасе. Он похож на яркий цветник. На фоне белых стен — сари, легкие одежды индийских женщин, всех цветов радуги. Здесь, под четырьмя десятками огромных, как ветряные мельницы, вентиляторов, расположились делегации всех штатов республики и зарубежные гости.

По традиции к микрофону подошли три девушки и спели протяжную мелодию. Это звучал гимн богине — покровительнице школ и просвещения. Индийская женская конференция — организация, которая ставит своей основной задачей развитие образования и подъем культуры населения.

Председатель съезда госпожа Шаран представила собравшимся иностранных гостей. Когда она назвала имя представительницы советских женщин, в зале раздалась бурная овация.

Е. А. Фурцева кратко приветствовала делегатов и преподнесла конференции подарки — библиотечку и модель искусственного спутника Земли.

— Слушайте, слушайте, — заговорила госпожа Шаран, подойдя к микрофону.

И на весь зал раздались характерные позывные «пик, пик...»

— Слушайте эту музыку прогресса! — воскликнула госпожа Шаран.— Она напоминает нам о замечательном примере наших русских друзей.

На следующий день Е. А. Фурцева по просьбе участников конференции выступила с речью. Она рассказала гостям об успехах образования в Стране Советов, о женщинах — ученых, педагогах, инженерах, о тесной семье строительниц коммунизма, о роли женщин в благородной борьбе за мир и дружбу между народами. Простые цифры, которые она приводила, слушательницы то и дело встречали аплодисментами.

— Пусть всегда ярко сияет солнце мирной, радостной жизни! — сказала Е. А. Фурцева.

* * *

По светлым и радостным дорогам дружбы пролегает путь находящихся в Индии высоких советских гостей. Советские гости приехали в далекую Индию, ставшую теперь такой близкой, привезя с собой сердечные приветствия и наилучшие пожелания великому индийскому народу от народа Советского Союза. Они приехали как друзья, и их встретили как друзей, верных, надежных и искренне любимых.

«Сегодня весьма приятно отметить,— заявил К. Е. Ворошилов в Индии,— что с первого дня провозглашения независимости Индии взаимоотношения наших стран и народов развиваются в духе доброжелательства и дружбы. Прошедшие годы показали, что дружба наших стран нерушима». Так же оценил советско-индийские отношения и премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Он сказал: «Отношения между Индией и Советским Союзом — это отношения тесной дружбы и любви».

Посланцы Советского Союза. Их всюду встречают цветами и улыбками.

Нельзя не радоваться такому единодушию во мнениях государственных деятелей наших стран. Наша дружба — это прочный камень в фундамент мира, а мир — это сокровенная мечта народов всей земли.

Всюду, где бы ни проходил путь советских гостей, звучит лозунг, ставший давно знакомым, который не нужно переводить на русский: «Хинди, руси — бхай, бхай!».

Дели, 27 января.

МЯТЕЖ В АЛЖИРЕ

В Алжире снова пролилась кровь.

Фашистские организации, объединяющие отъявленных реакционеров, сторонников колониального грабежа, тех, кого во Франции называют «ультра́», подняли мятеж. Они недовольны: политика французского правительства в Алжире кажется им слишком «мягкой», они хотят продолжения алжирской войны, чтобы сохранить свои колониалистские привилегии. Те же силы, которые организовали путч в Алжире в 1958 году, затеяли новую авантюру. На этот раз во главе их не стоит надежда и идол ультраколониалистов — генерал Массю. Накануне мятежа он был смещен со своего поста, вызван в Париж и «ограничен в свободе передвижения».

Политбюро Компартии Франции в связи с мятежом, устроенным ультраколониалистами, заявило: «Единственная возможная позиция по отношению к ним — это обезвредить их раз и навсегда, наказать фашистских главарей, разоружить и распустить их организации как в Алжире, так и во Франции».

Так они начинали в 1958 году. Во время путча в мае 1958 года парашютисты генерала Массю расположились в библиотеке. →

Фото из журнала «Пари матч».

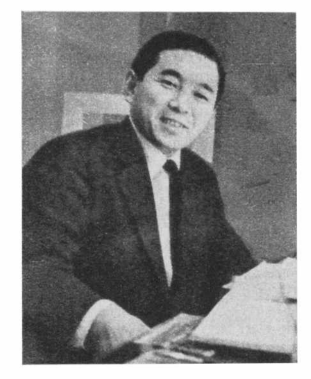

↓ Так они продолжают сегодня. Мятежники строят баррикаду на улице Алжира.

Фото из газеты «Юманите».

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ШАГ ПО ПУТИ К РАЗОРУЖЕНИЮ

ГЛАЗАМИ ЯПОНЦЕВ

Масанори Иосио

Мы решили выяснить, как относятся к решению Советского правительства о сокращении Вооруженных Сил представители Японии, которая испытала на себе все ужасы атомной войны и теперь снова вовлечена в военный союз. Наши собеседники — люди разных профессий и возраста. Все они деловые люди и представляют различные фирмы. Предоставим им слово.

Масанори Иосио, представитель крупной торговой фирмы «Дайити»:

«Предложение господина Хрущева — очень хорошее дело. Мир может вообще обходиться без солдат. Вот почему сокращение их количества, которое проводится в вашей стране,— хороший пример для других. Я верю, что войны не будет. Война чужда человечеству и только тормозит его прогресс. Тем более атомная война.

Сейчас сложилась очень благоприятная обстановка для развития торговли. Еще два года тому назад в Японии говорили, что лучше всего торговать с Соединенными Штатами. Теперь же свыше тридцати японских торговых фирм заключили торговые сделки с Советским Союзом. Возникла даже острая конкурентная борьба.

Я не сомневаюсь, что японская национальная выставка, которая будет открыта в Москве, еще больше укрепит торговые связи между нашими странами.

Я очень доволен, что Советский Союз именно в этот момент принял миролюбивое решение о сокращении своих Вооруженных Сил».

Хироси Иидзука, специалист по электронике, представитель фирмы «Джэпен электрон оптикс»:

«Я не политик, но думаю, будет очень хорошо, если войны исчезнут раз и навсегда. Я приветствую решение о сокращении Советской Армии. Ведь сокращение военных расходов приведет к большому росту мирного производства. Это значит, что увеличится спрос на электронные микроскопы, которые производятся нашей фирмой. Мы уже установили в Советском Союзе 17 таких микроскопов. Кто знает, может быть, с их помощью будет разрешена, например, проблема излечения рака! Человеческий глаз стал видеть гораздо лучше, и новые достижения в оптике помогли открыть завесу над некоторыми доселе неизвестными тайнами природы.

Я бы хотел, чтобы и в моей стране последовали вашему благородному примеру, чтобы расходы на вооружение стали меньше».

Хироси Кимура, инженер-химик, представитель компании «Нада Хоро»:

«Предложение г-на Хрущева представляет большой интерес для дела мира. Оно свидетельствует о величии задач, которые поставил перед собой советский народ. Совершенно очевидно, что более интенсивное мирное строительство позволит вам успешно выполнить семилетку и догнать Соединенные Штаты. Японцы особенно заинтересованы в бурном техническом прогрессе и политике мира, которую проводит Советский Союз, так как мы являемся вашими соседями».

М. ЕФИМОВ

«ПОДЛИННОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К МИРУ»

Члены греческого парламента К. Цигарас и К. Хиотакис присутствовали на четвертой сессии Верховного Совета СССР. В беседе с нашим корреспондентом г-н К. Цигарас заявил:

— Считаю долгом и делом чести высказать свое мнение по поводу смелого и исключительно гуманного решения Верховного Совета о новом значительном сокращении Вооруженных Сил.

Этот миролюбивый акт имеет всемирно-историческое значение. Он ярко свидетельствует о подлинном стремлении Советского правительства к миру и, безусловно, сыграет огромную роль в осуществлении благородной идеи всеобщего разоружения, инициатором которой является Советский Союз.

Путешествуя по вашей стране, мы видели высокий уровень жизни людей, их заботу о том, чтобы создать себе еще лучшие материальные и культурные условия. Сокращение расходов на содержание Вооруженных Сил даст возможность советскому народу жить еще лучше.

Решение сессии Верховного Совета — прекрасный пример для других государств, оно зовет все страны к всеобщему разоружению, ведет к торжеству мира и дружбы между народами.

Пристрелка по Марсу началась

Вперед и выше!

Профессор Н. Д. АНОЩЕНКО,
первый красный пилот-воздухоплаватель

Мощная баллистическая ракета, предназначенная для запусков тяжелых спутников, взмыла над землей и, проглотив за каких-нибудь полчаса расстояние в полпланеты — 12 с половиной тысяч километров,— упала вблизи расчетной точки падения.

Район «приводнения» баллистической ракеты.

Весь мир радуется вместе с нами, советскими людьми, рукоплещет нашим ученым, инженерам, рабочим... И, видя все это, нельзя не поразиться тем невероятно быстрым темпам, которыми шел советский человек вперед и выше.

Теперь все, особенно молодежь, не только мечтают, а говорят, как о чем-то почти обычном, о новых спутниках и даже о межпланетных кораблях. Реальной становится мечта о путешествии на Марс. А мне невольно вспоминается начало этого пути — 1920 год.

...Еще не отгремели бои гражданской войны. Голод. А мы, первые красные пилоты, уже тогда дерзнули поднять красное знамя нашей Родины на небывалую по тому времени высоту — почти в 5 километров!

Я хорошо помню тот день. В Москве проходил Второй конгресс III Коммунистического Интернационала, на котором присутствовали представители трудящихся, члены коммунистических партий многих стран. И мы специально приурочили полет к этому времени. В свой первый полет мы поднялись с Красной площади на стареньком трофейном аэростате. Этот аэростат был всей нашей «космической» техникой.

Вспоминаю, с каким чувством волнения и гордости мы с места спуска аэростата посылали телеграмму: «Москва, Кремль, Владимиру Ильичу Ленину...»

Кончилась «гражданка». И красные воздухоплаватели стали прокладывать первые пути к завоеванию стратосферы, в которой сегодня так свободно проносятся, оставляя за собой на синем небе белую дорожку, быстрокрылые истребители, спокойно летят по дальним трассам гигантские пассажирские лайнеры.

3 сентября 1933 года. Первый советский стратостат «СССР-1» прорывается в стратосферу и поднимает красный стяг на небывалую тогда высоту — почти 19 километров! А через несколько месяцев славные герои стратосферы мой ученик П. Ф. Федосеенко, А. Б. Васенко и И. Д. Усыскин поднимаются еще выше — на 22 километра. Высота была взята, но за эту победу герои заплатили своими молодыми жизнями. Прах их будет вечно храниться в Кремлевской стене, рядом с Мавзолеем...

Вот что я вспомнил, когда вместе со всеми слушал сообщение ТАСС о запуске ракеты в Тихий океан.

От того первого нашего полета с Красной площади нас отделяет меньше 40 лет. Но это были не просто 40 лет, а 40 лет Советской власти...

ПУСТЬ И ДРУГИЕ ПОСЛЕДУЮТ СОВЕТСКОМУ ПРИМЕРУ

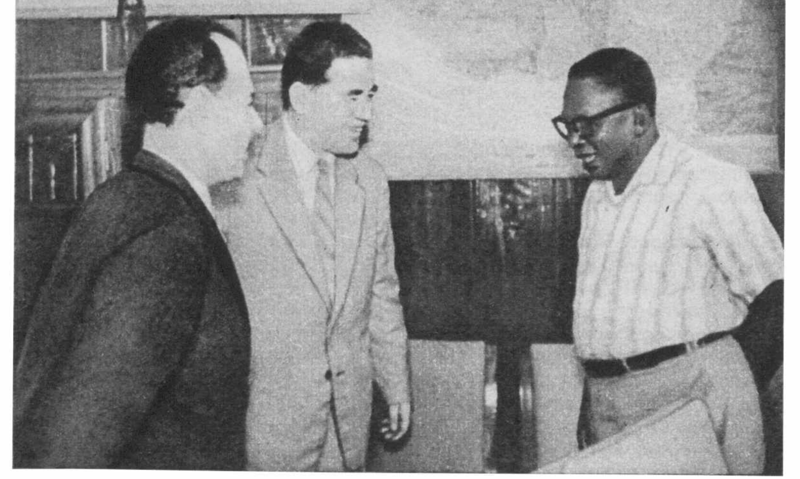
Гостем Москвы был на днях канадский фермер Э. М. Уорвик, известный своими опытами по гибридизации кукурузы.

— И в прошлую поездку и сейчас,— заявил он в аэропорту корреспонденту «Огонька»,— мы вместе с женой побывали на юге и на севере Советской России. Мы находим, что многое сближает наши народы. Природа у нас почти одинаковая, и люди приучены ее побеждать и преодолевать трудности. Уже два поколения моей семьи заняты выращиванием и улучшением кукурузы, и мы по достоинству оцениваем то отношение к этому важнейшему продукту, которое проявил советский премьер-министр. Мы можем лишь приветствовать крупные успехи, достигнутые вашей страной в этой области. Как, впрочем,— добавил гость,— и все другие мирные успехи советских людей, которые сейчас просто невозможно перечислить.

На этот раз я уезжаю из Москвы,— продолжал канадский фермер,—под глубоким впечатлением того, что ощущал у вас повсюду в последние дни. Заявление, сделанное премьер-министром Хрущевым в Верховном Совете, я воспринял как рядовой гражданин моей страны, как «человек на улице», если выражаться по-нашему. Мне кажется, что мои сограждане с единодушным одобрением встретят мирные призывы Н. С. Хрущева, подкрепленные фактом столь крупного сокращения Советских Вооруженных Сил. Все, что мы с женой пережили в Москве после речи Н. С. Хрущева, вселяет в нас надежду на закрепление наших мирных связей.

Г. ГЕРОНСКИЙ

Н. А. Мухитдинов беседует с президентом Либерии У. Табмэном.

Члены советской правительственной делегации и официальные представители УССР и БССР присутствовали на открытии памятника первому президенту Либерии Джозефу Дженкинсу Робертсу.

26 января в Кремле открылся III съезд Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Приветствие съезду от Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза огласил секретарь ЦК КПСС тов. П. Н. Поспелов.

С докладом о работе Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний выступил председатель правления общества академик М. Б. Митин.

Фото А. Новикова.

СОВЕТСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В ЛИБЕРИИ

В начале января Либерию посетила правительственная делегация Советского Союза во главе с председателем Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР Н. А. Мухитдиновым. Советская делегация присутствовала на торжественной церемонии вступления на пост президента страны избранного в четвертый раз Уильяма Табмэна.

Гости из Советского Союза были приняты президентом. Во время беседы президент выразил надежду, что приезд в Либерию советских официальных лиц послужит делу дальнейшего укрепления дружественных связей между Либерией и Советским Союзом.

Фото Е. Яцуна.

«Свобода и единство!» — говорит Африка

Все выше поднимается над африканской землей солнце свободы. Цепи колониализма, в которые так долго был закован огромный континент, порваны во многих местах, и никому не удастся соединить их вновь. Весь мир слышит в наши дни голос Африки — громкий голос, который ввергает колонизаторов в дрожь и страх: «Африка должна быть свободной и объединенной!»

Эти слова стали лозунгом Второй конференции народов Африки. Местом работы этой конференции стал Тунис. Среди тридцати стран, которые представлены на конференции, еще немало таких, где продолжается борьба, где империализм хочет оружием и кровью сохранить свое «право» грабить. Наши симпатии на стороне борющихся народов. На конференции в Тунисе прозвучали яркие слова привета, которые направил участникам ее Н. С. Хрущев: «Неотвратимый процесс ликвидации позорной колониальной системы идет полным ходом, приближая тот день, когда вся Африка станет свободной и ее народы сами будут решать свою судьбу».

К свободе!

Рай ОТРА (Мамаду Траоре),
гвинейский поэт

Торговля чужеземцев с нами
Началась с простого обмана.
За тряпки, стекляшки, водку —
Проклятую, подлую водку! —
Они увозили алмазы,
Золото и бананы,
Слоновую кость и кофе.
Потом наши предки познали
Оковы и горе рабства.
О, гнусная работорговля!
От нее обезлюдела Африка,
Как от столетий войн!
Говорят, миллионов двадцать,
Говорят, миллионов тридцать, —
Кто точно укажет, сколько
Погибло черных людей,
Чтоб богатели янки
И на костях погибших
Владыками стали у нас!
В мире дымили трубы,
Рождались заводы и шахты,
И стала шарить Европа
По свету новые рынки,
Новые клады сырья.
И Африка снова покорно
Давала дешевые руки,
Покорно кормила белых
Во славу «новых времен».
О, жестокая участь!
Одни господа сменялись
Другими. Шли отовсюду:
С Запада шли, с Востока,
С Севера шли и с Юга,
Португальцы, испанцы, французы,
Британцы, немцы, бельгийцы —
Переселенье народов
На древний наш континент!
Наши богатства манили
Жадные их вереницы,
И Африка стала игрушкой
Корысти их и страстей.
И каждый искал предлога,
Чтоб совесть свою убаюкать.
«Не говорят по-английски!» —
доказывали англичане.
«У них другая одежда!» —
бельгийцы вто̀рили им.
«Смотрите: едят руками!» —
негодовали французы.
«Они поклоняются камням!» —
нашептывали итальянцы.
«Боже! Они людоеды!» —
кривились испанцы, крестясь.
«Но это не все! — кипятились,
руки воздев, португальцы. —
Представьте, они не умеют
даже мочиться, как мы!»
И заключали немцы: «Что
говорить: дикари!»
В полном согласье решили:
«Цивилизации блага
Мы понесем чернокожим!
Варварству мы объявим
Новый крестовый поход!»

* * *

«Цивилизация»!
Звучное слово!
Но оно испятнано кровью.
Слышатся в нем, как эхо,
Стоны бесчисленных жертв.
Мы слово это узнали
Под грохот мушкетов и пушек,
Под пороха разговор.
У нас же были лишь стрелы,
Камни, ножи и копья.
У нас была наша Африка,
Страна бессчетных сокровищ,
А это большая вина!
Они всегда побеждали
В неравных, подлых сраженьях,
Хотя и они, бывало,
Перья свои оставляли
На нашей гордой земле!..
Назавтра после «победы»
Они возглашали нагло:
«Земля — без хозяев! Пустая!»
Так они говорили,
Когда по закону сильных
Топтали очаг автохтонов [1] —
Родину наших отцов.
О, вопиющее дело!
Многострадальную Африку
Рвали и рвали на клочья,
Снова кроили в угоду
Фирмам, банкам и трестам,
Зажав в пятерню богатства
Нашей доброй земли.
Не правда ли, звучное слово:
«Цивилизация — диким!»
Право же, есть чем гордиться
Гуманнейшим господам!
Все началось с обмана.
А продолжалось кровью,
Цепями, голодом, смертью,
Травлей псами людей.
«Цивилизация» силы,
Грубой звериной силы,
«Цивилизация» пушек,
Горя и темноты,
Мы на собственных спинах
Все твои «блага» познали.
Слушай! Тебя мы знаем!
Помни! И берегись!

Перевел с французского
А. КОНДРАТЬЕВ.

[1] Древнее коренное население (прим. переводчика).

На праздник приехали рабочие.

СТУПЕНЬ К НОВОЙ ЖИЗНИ

И. БЕЛЯЕВ

Фото автора.

В Асуане

В Асуане у всех на устах «Ас-Сад аль-Али». В переводе это значит «Высотная плотина». Мыслями о плотине, которую строит здесь Египет с помощью Советского Союза, живет весь Асуан, вся страна.

Границы Асуана небывало расширились. Город стремительно двинулся на юг, перешагнул на левый берег Нила. За последние три года на его новых окраинах появились цехи мощного завода азотных удобрений, принадлежащего египетской компании «КИМА», возникла Малая асуанская ГЭС, энергия которой будет использована частично заводом, частично на строительстве плотины.

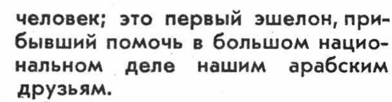
Как стальная рука, протянулись к будущей строительной площадке первые километры новой железнодорожной ветки, которая свяжет ее со всей страной.

На левом берегу Нила, недалеко от нового большого Асуанского аэродрома, быстро растут этажи аккуратных домиков для технического персонала стройки, стены автомастерских и других подсобных предприятий. Вокруг них, как часовые, выстроились высокие мачты высоковольтной сети.

Теперь туристы, которые еще совсем недавно рассматривали только музейные древности, стремятся узнать все возможное о высотной плотине. Спокойным и равнодушным в Асуане кажется один Нил. Сквозь тесный гранитный каньон он несет, пока еще не спеша, свои воды на север.

«Волга» на берегу Нила

Первое, что я увидел, сойдя с самолета в Асуанском аэропорту, была наша синяя «Волга». Это была машина управления строительства высотной плотины. В ней приехали встречать своих коллег советские инженеры, начавшие здесь работать около двух месяцев назад. Их пока всего два десятка

человек; это первый эшелон, прибывший помочь в большом национальном деле нашим арабским друзьям.

Очень жарко, хотя на дворе январь. Невольно думается: что-то будет в июле?! Многие из наших успели загореть так, как никогда не загорали даже в Сочи. Вместо привычных привольных русских просторов каменная Нубийская пустыня. Стóит с маячащих вдали фиолетовых гор подуть даже легкому ветерку, как глаза засыпает мелкий, как пудра, песок. Такова зима в Африке.

К работе наши инженеры приступили сразу. Уже разгружено все советское оборудование, автомашины, тракторы, бульдозеры. Вызывая всеобщее восхищение, по Асуану прошли четыре минских 25-тонных самосвала. Подтягиваются к строительной площадке первые экскаваторы.

Все наши товарищи — главный советский эксперт на строительстве И. В. Комзин, его заместители инженеры Г. А. Радченко и Г. И. Сухарев, прославленные механизаторы Герои Социалистического Труда В. Клементьев и Д. Слепуха, проектировщики В. Каратаев и А. Горьков,— все советские специалисты хотят одного: помочь народу ОАР скорее построить высотную плотину. В это они вкладывают свои знания, свой большой практический опыт — словом, работают по-советски. За короткий срок установилась атмосфера доверия и деловой дружеской взаимопомощи между ними и их египетскими коллегами и товарищами по работе. А это стоит очень многого. Западные эксперты, приезжавшие в прошлом году в Каир, нападая на советский вариант проекта высотной плотины, прежде всего старались посеять недоверие к советским специалистам. Теперь, познакомившись с такими гигантами, как Кременчугская ГЭС, поработав с советскими инженерами, египетские инженеры, что называется, нутром ощутили их высокую квалификацию и громадный опыт.

— Как вам нравятся советские машины?— спросил я Абдель Азиза Фуада, одного из директоров компании «Уилад Абдель Фаттах», которая получила первый подряд на строительстве.

— Превосходные механизмы! — ответил он. И тут же добавил: — Но гораздо больше мне нравятся ваши инженеры. Они не только превосходные мастера своего дела. Они живая частица большой руки братской помощи, протянутой нам Советским Союзом еще в 1956 году.

Строительство началось

Такого утра, как утро 9 января, Асуан, вероятно, не переживал за всю свою двухтысячелетнюю историю. Солнце едва только выкатило на небосклон, а асуанские улицы бурлили, словно Нил в дни разлива. Тысячи людей направлялись к месту торжества, готовили традиционные жертвоприношения, которые делаются только по самым большим праздникам.

В большом цветном шатре на площади, на правом берегу Нила, рядом со створом будущей плотины, собрались многочисленные гости. Здесь были министры центрального и провинциальных правительств ОАР, послы и посланники, инженеры, арабские и иностранные журналисты. На возвышении, где разместились самые почетные гости, специальное место было отведено для министра строительства электростанций СССР И. Т. Новикова.

Министр общественных работ Египетского района ОАР Муса Арафа приглашает президента Насера, короля Марокко Мохаммеда V, приехавшего в ОАР с официальным визитом, и других почетных гостей к большому гранитному постаменту, установленному на самом берегу Нила.

В специальную нишу закладываются три памятные грамоты о начале строительства высотной плотины, подписанные Насером, Мохаммедом V и Шукри Куатли. Туда же кладут ларец с золотыми, медными и латунными монетами, имеющими хождение в ОАР, всего на 34 египетских фунта, все каирские газеты, вышедшие 9 января 1960 года, коран в зеленом кожаном футляре и, наконец, три камня из голубого гранита. Потом нишу закрывают доской из розового асуанского мрамора. На ней красивой арабской вязью выведено, что 9 января 1960 года президент ОАР Гамаль Абдель Насер заложил первый камень высотной плотины. Края мраморной доски замазываются бетоном. Кругом звучит «Мабрук!» — так по-арабски выражается поздравление с началом какого-либо дела.

Когда министр Арафа, воздавая должное советским инженерам, начавшим работать на строительстве плотины, предоставил слово министру строительства электростанций СССР И. Т. Новикову, присутствующие встретили его бурными аплодисментами. Бурные аплодисменты вспыхивали всякий раз, когда оратор, а затем и переводчик упоминали имя главы Советского правительства Н. С. Хрущева.

В своей речи президент Насер поблагодарил Советский Союз за помощь, которая «была абсолютно не связана какими-либо условиями или оговорками».

По сигналу сирены президент Насер, а вместе с ним король Мохаммед V, Шукри Куатли и присутствовавший на торжестве министр ирригации Судана Макбуль подходят к специальной кнопке, нажимают ее. На трассе будущего водосбросного канала плотины в воздух взлетают десятки тысяч тонн скалы. Густое желтое облако заволакивает ярко-голубое небо. Гремит гимн ОАР.

Гул мощного взрыва еще не утих, а волны безграничной радости уже залили всю площадь, на которой проходило торжество, и покатились к Асуану. Они с быстротой молнии достигли Каира, Александрии, облетели всю ОАР, неся с собой весть, которую многие годы ждала вся страна: строительство высотной плотины началось...

Спустя несколько дней республика узнала, что Советский Союз выразил согласие участвовать в строительстве и второй очереди Высотной Асуанской плотины. У миллионов арабов и их друзей эта весть вызвала радость, а в сердцах недругов и врагов отозвалась похоронным звоном. Им не удастся сорвать строительство, которое призвано стать великой ступенью к новой жизни народа Объединенной Арабской Республики.

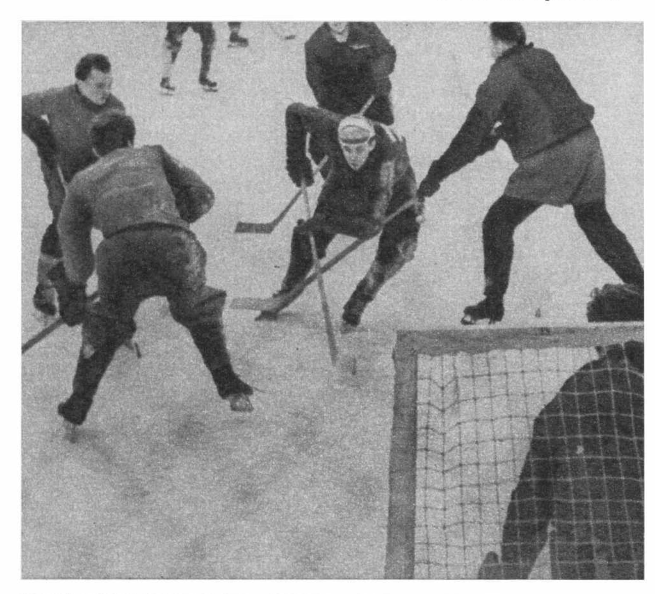
Президент Насер и почетные гости король Марокко Мохаммед V, Шукри Куатли и министр ирригации Судана Макбуль нажимают кнопку взрыва.

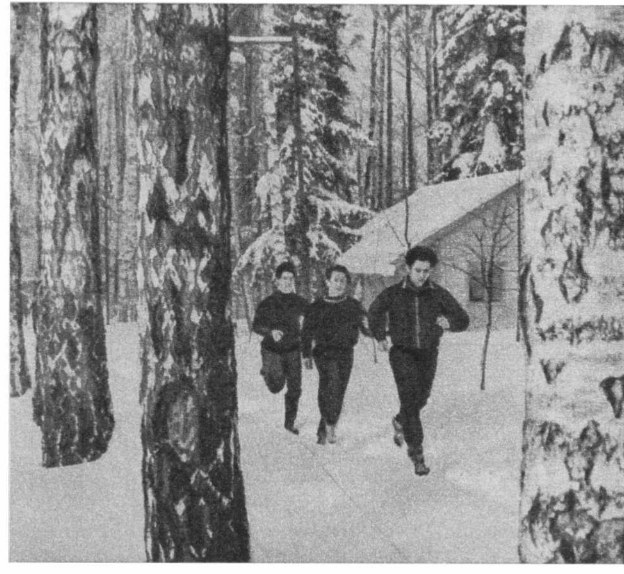
СТУДЕНТЫ ОТДЫХАЮТ

Студенты в дни каникул отправились в дальние и ближние туристские походы, разъезжаются по домам отдыха, устраивают загородные вылазки. Учащиеся Института международных отношений имеют свой лагерь под Москвой.

Чем же занимаются студенты в этом лагере? О некоторых занятиях рассказывают наши снимки: день начинается с зарядки; хоккеисты атакуют ворота; совершают прогулки по березовой роще; снежок попал в цель!

Фото И. Тункеля.

ПРАКТИКАНТКА

Рассказ

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Узкая доска — сходни,— круто опущенная на берег, всегда наперед сообщала экипажу настроение капитана.

Если сходни, мягко скребанув о железный фальшборт, тут же пружинисто выпрямлялись,— значит, Сизов весело взлетел на катер, он всем доволен: Клава его любит, показатели по перевозкам не снижаются, и он рвется в рейс.

Если сходни скрипели нехотя и долго,— у Сизова плохое настроение: он взбирается не торопясь и подбирает самые злые слова для подчиненных...

В носовом кубрике заканчивался ужин, и механик Гоша Банченко, услышав чересчур длительное поскрипывание, отложил ложку в сторону:

— Предсказываю шторм. Не менее двенадцати баллов.

Прогремев сапогами по трапу, Егор Сизов вошел в кубрик и швырнул на койку чемоданчик с Клавиными пирожками особенной выпечки:

— Доигрались!

Гоша невинно поглядел в потолок:

— Узнали о драке в Синичках? Но я ж тебе объяснял: он первый начал...

— Хуже! — отмахнулся Сизов и одним духом выпалил: — Практикантка! К нам! На месяц! Из речного техникума!

Секунду в кубрике царило молчание.

— «Женщина в море», сочинение писателя Новикова-Прибоя,— сказал Банченко неопределенно.

— А там про что? — поспешил поинтересоваться самый юный член команды, шестнадцатилетний кок Алик Жучков.

— О неприятностях,— дал исчерпывающий ответ механик.— Удивляюсь капитану: почему он расстроился? Корабль наш не военный, дамам на его борту присутствовать разрешается, а ежели дама еще приятно смотрится, то вообще роскошь! Плавучий дом отдыха!

— Я тебе покажу «смотрится»! — повернулся к механику капитан.— Посмей только! Никаких шур-мур! Понял?

— Нет,— сознался Гоша.— Прошлым летом, насколько мне память не изменяет, везли мы одну гражданочку со спекулятивной рыбой, и она...

— Заткнись! — гаркнул Сизов.

— Хватит вам! — миролюбиво усмехнулся старший матрос Моргун.— Лиса не пришла, а куры раскудахтались...

В каюте Сизов, не раздеваясь, в сапогах, упал на койку. Его бесил только что состоявшийся разговор с диспетчером порта.

— Были бы сегодня другие катера, ни за что бы к вам порядочного человека не направил,— сказал диспетчер.— Вроде и работать умеете, но шуму-буму от вас на весь речной бассейн. То механик кулаками побалуется, то матроса из пивной вперед ногами вынесут. Даже кок, мальчишка,— и тому пальца в рот не клади! Матом ответит! Пираты копеечные!

Прощаясь, диспетчер пригрозил:

— Запомни: практикантка пожалуется — и твоему капитанству конец!..

Она пришла на катер через полчаса. Первым увидел ее, конечно, Гоша и закривлялся:

— Привет вам, леди и Гамильтоны! Прошу в адмиральский салон!

Она спустилась в носовой кубрик, и потом никто из команды, включая капитана, не мог толком понять, почему они все смутились. Девушка как девушка, с простым именем Марина, с открытым румяным лицом, со спортивной, сбитой фигурой. Ничего сверхъестественного в ней не было, а вот на тебе — ни с того ни с сего растерялись...

Виноваты в этом, пожалуй, были глаза Марины. Большие, темно-золотистые, они смотрели из-под густых ресниц строго и грустно, в глубине зрачков пряталось какое-то затаенное, гордое счастье, и каждый, встретившись с Мариной взглядом, сделал для себя самый неожиданный вывод.

«Шуры-муры не состоятся,— промелькнуло у Гоши.— Чересчур задавака!»

«Больна, что ли?» — подумал Сизов.

«Наверно, очень она уважительная»,— решил молчаливый матрос Моргун.

А что касается Алика, то он громко шмыгнул носом и петушиным голосом выкрикнул:

— Кушать хотите?

— Спасибо,— улыбнулась Марина.— Я поужинала в столовой порта.

— Правильно поступили! — опомнился Гоша.— Там пища съедобная, не то что у нашего кока.

Чтобы окончательно вернуть прежнее душевное равновесие, механик легонько щелкнул по стриженному под бокс затылку Алика. Но не терпящий фамильярностей, крайне самолюбивый кок не услышал Гошиной издевки и не обратил внимания на обидный щелчок.

Капитан Сизов нервно кашлянул в кулак и строго приказал:

— Пора отправляться! Запаздываем!

Подтянутым и строгим Сизов оставался и в рубке за штурвалом, когда в густых сумерках, расталкивая железной грудью космы ночного тумана, катер прицепил две баржи и взял курс на перевалочный шлюз.

Сияя сплошной россыпью огней, город медленно поплыл назад, и Марина, ни к кому не обращаясь, негромко сказала:

— Похоже, звезды упали. Упали и не гаснут...

«Ну и ну! — покосился на Марину Алик.— Я на город и внимания не обращал. Мигают огоньки, и ладно. А она сразу звезды увидела. Красиво сказала!»

Из машинного отделения поднялся Гоша, вытер ветошью ладони, закурил и присел на носовой кнехт.

Мерно постукивал дизель, с легким шелестом журчала вода вдоль бортов, и, если не смотреть на берег, катер, казалось, замер на месте и ворчит, специально разгоняя дремотную тишину реки.

Но вскоре выполз встречный буксир; обходя друг друга сторонкой, катера взорвали тишину пронзительным воем сирен. Встревоженная речная гладь зашумела, с сочным причмокиванием всплеснулись волны, вверх и вниз заходила под ногами палуба.

Марина пошатнулась, отступила от борта и прижалась спиной к рубке. Так она постояла минут пять, провела рукой по лицу и виновато сказала Сизову:

— Извините, товарищ капитан! Что-то мне не по себе. Разрешите сегодня отдохнуть, а практику начать с завтрашнего утра.

— Валяйте! — облегченно высунулся из рубки Сизов.— У нас и аптечка есть. Какие-то там капли...

— Капли не помогут. Спокойной ночи.

Глядя, как она поспешно спускается по трапу в капитанскую каюту, предоставленную ей за отсутствием другого отдельного помещения на катере, Гоша сквозь зубы сплюнул за борт:

— Хлипкая особа! Укачало на зеркале! Ее бы к нам на Балтику, совсем бы загнулась!

Давным-давно все знали, что представление о морских волнах у Гоши чисто теоретическое, что служил он слесарем в ремонтных мастерских флотского экипажа. Знали, но великодушно не оспаривали его права считаться бывалым морским волком. Поэтому от внезапной ярости Алика Жучкова остолбенели и Сизов и Гоша.

— А сам ты кто? — возопил кок.— В кино море видел! Тоже мне капитан Соляник!

Алик круто повернулся и исчез в носовом кубрике. Изумленный Гоша дернул шеей:

— Что с нашим салагой, Егор? А?

— У него спроси,— не пожелал поддержать разговор капитан.

* * *

На рассвете Гоша сменил Сизова за штурвалом. Их команда давно работала по методу комплексного обслуживания: каждый был обязан уметь нести вахту и в штурвальной рубке и в машинном отделении.

Солнце еще не вставало, но ночной туман уже нехотя уползал со средины реки, прятался в прибрежных зарослях камыша.

Отгоняя сон и просто ради собственного удовольствия, Банченко вполголоса выводил «Подмосковные вечера». Чтобы песня не убаюкивала, он упрямо экспериментировал: исполнял ее на разные мотивы.

Когда в десятый раз Гоша безуспешно пытался загнать слова «Подмосковных вечеров» в мелодию «Раскинулось море широко», в боковом окне рубки показалось улыбающееся лицо Марины. Гоша прекратил музыкальные упражнения и лихо вскинул ладонь к сбитому набок козырьку.

— Рановато поднялись, товарищ практикант! Побудки не было!

— Не желаю, чтобы меня считали хлипкой особой! — продолжая улыбаться, отпарировала Марина.— Позвольте постоять у штурвала. Мне разрешается вождение судна в легких условиях и при наличии на совместной вахте опытного рулевого. Вы, надеюсь, не новичок?

— Пожалуйста! — быстро согласился Гоша и коварно обрадовался: «Сейчас начнет узор вязать...»

Марина твердо уперлась низкими, квадратными каблучками в палубу и взяла штурвал. Ее маленькие, полудетские пальцы цепко обхватили желтоватые рукоятки, и она без излишней торопливости уверенно возвратила в центр фарватера чуть вильнувший в сторону катер.

— Перед излучиной берите вправо! — сердито приказал Гоша, не желая в душе примириться с тем, что у девчонки все пошло сразу гладко.

Разминая папиросу, он небрежно, с усмешечкой произнес:

— Я беспокоюсь не о катере и баржах. В случае чего я рядом. Другое меня волнует. Здоровье у вас для нашей профессии слабовато. Ведь укачало вас вчера, факт?

— О моем здоровье тоже напрасно переживаете. Меня не укачало. В конце года я жду ребенка. Вот и случаются иногда неприятности.

— А!.. — ошалело выдохнул механик, едва не проглотил незажженную папиросу и закашлялся.

Марина, будто не замечая Гошиной растерянности, объяснила:

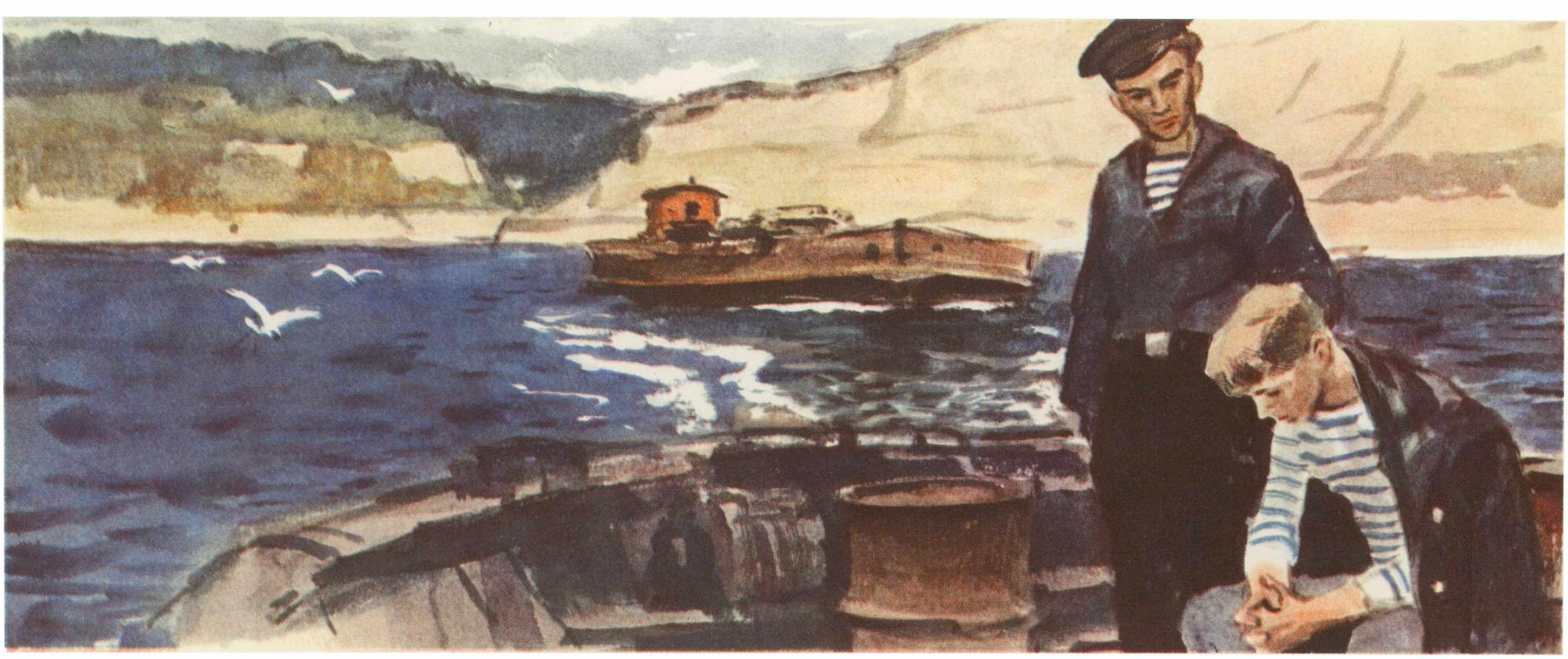
— Мужа моего Петей зовут. Петр Петрович Симаков. Наш техникум окончил. Теперь помощник капитана на паровом буксире «Пенза». Здесь, в низовье. Возможно, и встретимся у шлюза. Как полагаете?

— Знаю я «Пензу»... Видали...

Банченко был растерян до крайности. Больше всего механика поразило, что женщина говорит все это с откровенной гордостью в голосе, даже с нарочитым, спокойным вы-

Иллюстрации П. ПИНКИСЕВИЧА.

зовом. Гоша сразу почувствовал себя почему-то моложе своих лет; последние нотки насмешливости пропали; в одно неуловимое мгновение Марина из бойкой на язык девчонки превратилась в человека недосягаемо взрослого...

Перед завтраком, улучив минуту, Гоша Банченко отозвал капитана Сизова и матроса Моргуна. Взяв с них клятву сохранить тайну, он сообщил им о разговоре с Мариной. Все единодушно решили, что практикантку нельзя нагружать тяжелой работой и придется полегче быть с лексиконом.

— Мы коллективно несем ответственность за будущего ребенка! — назидательно заключил Гоша и добавил: — А нашему салаге Алику об этих вещах знать еще рано. Ему ни звука. На него и так, непонятно почему, придурь напала...

* * *

Если бы спросить у самого кока, что с ним произошло, он не смог бы объяснить. Пожалуй, нагрубил бы или замахнулся половником...

Родители Алика Жучкова погибли во время войны; он воспитывался в детском доме. Жизнь оттаивала в мальчишке слишком медленно; рос он угрюмым и диковатым. Ему ни разу не пришлось переслать соседке по парте записку, вложенную между страницами учебника, и, покраснев от счастья, прочесть многозначительный ответ, вроде: «Я согласна дружить. Кто из актеров тебе нравится? Я обожаю Михаила Кузнецова».

Алик таких записок не получал, не было у него и свиданий у кинотеатра перед дневным сеансом, не делил он по-рыцарски и порцию пломбира, купленного в складчину...

Всех этих обычных признаков близкой юности нынешний кок «БТ-340» не испытал. Они прошли мимо него, и, наверное, поэтому когда он увидел Марину, ему показалось, что он глотнул слишком много воздуха и нет ни сил, ни желания выдохнуть его обратно...

Ночью Алик лежал на койке с открытыми глазами, переворачивался с боку на бок, вздыхал и вдруг понял, что не спит он от испуга. Что-то большое и тревожное ворвалось в душу, прежняя беззаботная жизнь внезапно переломилась, он словно прыгнул в пропасть, и никто не может ему помочь, протянуть для спасения руку...

Обеспокоенный возней кока, его сосед по койке, матрос Моргун, участливо спросил:

— Ты что, животом маешься? Поди, снова забортную воду пил?

Яростно скрипнув в темноте зубами, Алик плотно, до боли в переносице зажмурил глаза и нарочито громко захрапел. И тут вдобавок ко всем переживаниям внезапно возник новый вопрос:

«Интересно, сколько ей лет? Уверен: не больше двадцати. А мне через десять месяцев исполнится семнадцать. Можно считать, всего на три года старше...»

Неизвестно почему, но такая небольшая разница в возрасте слегка успокоила кока. Глаза уже больше не открывались, вздохи прекратились, и к сознательному существованию Алика вернуло не особенно вежливое потряхивание за левое плечо.

— Ей-ей, ты хворый! — будил его Моргун.— Половина восьмого, команде завтракать пора, а кок дрыхнет!

«Балда ты! — захотелось Алику обругать Моргуна.— Ничего ты не понимаешь! Я не уснул, я забылся».

Но он промолчал и мрачно отправился на камбуз.

На палубе Аликом опять овладел страх.

«Неужели я ее сейчас встречу? Она со мной заговорит, а что мне отвечать?»

В три прыжка Алик преодолел расстояние между кормовым кубриком и камбузом, но все же успел услышать переливчатый смех Марины и хриплый голос Гоши.

«Они вдвоем в рубке! Гошина вахта! — догадался Алик.— Охмуряет ее, гад балтийский! Я ему покажу!»

Страх пропал и сменился жгучей ненавистью к механику.

В камбузе Алик тяжело опустился на табурет, уткнулся локтями в колени и обхватил руками голову.

Больше его нервы не выдержали, и первый раз после далеких лет детства он громко всхлипнул. Сквозь выступившие слезы он равнодушно обвел взглядом все свое немудреное хозяйство. Поблескивали алюминиевыми боками кастрюли, сквозь приоткрытую дверцу плиты серебрился остывший пепел, в плетеной корзине топорщились разлохмаченными листьями кочаны капусты.

«Еще не хватало! — вскочил кок.— Нюни распустил! Она, наверно, давно есть хочет! Наши гаврики только языками почесать здоровы!..»

Он очистил плиту от пепла, заложил аккуратно наколотых березовых чурок и, разжигая огонь, вспомнил, что «Книгу о вкусной и здоровой пище» забрал после свадьбы капитан Сизов для своей Клавы на несколько дней, да так и не вернул...

Обычно Алик жарил по утрам молодую картошку. Но теперь подать Марине это сверхпримитивное блюдо показалось ему кощунством, а все сложные рецепты, которые он зубрил на курсах поваров, давно выветрились из головы...

Впрочем, утраченного пособия по кулинарии он не пожалел:

«Черт с ней, с книгой! Она за пятнадцать рублей. Надо купить ту, толстенную, за семьдесят пять. Но что сейчас изобрести?»

В памяти всплыло худое, с пучком волос под костистым носом лицо учителя, шеф-повара Елизара Дементьевича, и Алика будто пронзило током: «Бефстроганов! Его экзаменационное блюдо! Он за него получил пятерку с плюсом!»

Быстро натянув на голову помятый колпак, кок придирчиво потыкал пальцем в мясо, очистил его от малейших признаков сухожилий и, прежде чем нарезать тонкие ломтики, тщательно наточил нож. С не меньшей требовательностью выбрал самые золотистые луковицы, достал из шкафчика сметану и до сих пор не использованную бутылку соуса «Южный».

Пока он жарил бефстроганов, все треволнения как-то отступили, и было лишь одно желание — не ударить лицом в грязь, порадовать Марину. Даже Гоша Банченко не смог испортить его вдохновения. Механик заглянул на камбуз и возмущенно рявкнул:

— Ты кок или овес, пропущенный через лошадь? Люди с голода помирают, гостья у нас на борту, а он и не чешется!

— Одну минуточку! — с удивительной покорностью отозвался Алик.— Всего одну минуточку потерпите, пожалуйста!

Как только Алик снял со сковороды крышку, Гоша потянул ноздрями воздух и изумленно осмотрел всех по очереди.

— Я не сплю, случайно?

— Что с тобой? — спросил капитан Сизов.

— Головокружение. Ты понюхай! Пахнет рестораном «Неман» в городе Гродно.

Механик отправил в рот изрядную порцию мяса и круто повернулся к Алику.

— Давай начистоту: ты до сегодняшнего дня симулировал! Абсолютно точно! А за симуляцию в нашем уголовном кодексе есть статья. Соображаешь?

— Пошел ты!..— вырвалось у Алика. Спохватившись, он прикусил губу: «Пропал! Теперь никогда она уважать не станет!»

— Гоша, вы плохо воспитаны,— сказала Марина.— За вкусное блюдо принято благодарить. От меня лично большое спасибо...

После завтрака Алик растирал чеснок для борща и неожиданно увидел в дверях камбуза Марину. Чесночная долька вывернулась из пальцев, и он резко скользнул ногтем по терке.

— Я не помешаю?

— Нет! — насупившись от волнения, угрюмо ответил кок и смахнул с табуретки картофельную шелуху.— Садитесь.

— Ничего, постою.— Марина заглянула в кастрюлю.— Это что будет?

— Борщ. Украинский называется. Вы проголодались? Можно бутерброд сделать...

— Ой, нет! До завтра сыта! — замахала руками практикантка и внезапно смутилась, нервно затеребила верхнюю пуговицу на легкой вязаной кофточке.— Мне бы хотелось попросить... если вам не в тягость, конечно... Я совсем, ну, совсем никудышная кулинарка. Подучиться бы у вас, пока я здесь, на катере...

Алик изумленно посмотрел на Марину:

— Зачем вам? У меня так вышло, профессию приобрел, а вам ни к чему. Вы в техникуме...

— Вот здорово! — засмеялась Марина.— С каких пор мужчины у женщин кухню отобрали? — Марина, заметив насупленные брови кока, перестала смеяться.— Не обижайтесь. Мне срочно, очень срочно надо стать хорошей хозяйкой! Я вам сейчас все объясню...

И не объяснила, запнулась, поспешно отвела в сторону взгляд. В глазах Алика Жучкова она прочла всю несложную тайну его бессонной ночи. Глаза светились откровенной, полудетской любовью, в которой вместо страсти — счастливое обожание, вместо требовательного, чуть злого мужского огня — наивный, бескорыстный восторг.

Она почувствовала себя беззащитной и беспомощной перед такой любовью и невольно вздрогнула.

«Рассказать ему сейчас правду — все равно что убить!» — пронеслось в голове у молодой женщины.

Алик уже успел забыть свою оплошность и деловито повернулся к плите:

— Ладно! В борщ украинский рекомендуется хлебный квас добавлять. Но у меня нету. Гоша последнюю бутылку выдул...

* * *

За две недели Алик окончательно измучился.

Он каждую ночь по-прежнему не смыкал глаз до рассвета, похудел, осунулся, на щеках пропал вишневый румянец. Кок «БТ-340» лихорадочно обдумывал все новые, беспрерывно возникающие «почему?».

Почему, например, он сразу же перестал ревновать Марину к Гоше и ко всем остальным? Разве правильно он стерпел, когда капитан Сизов, не предупредив его, минуя камбуз, принес глиняную миску с малосольными огурцами и поставил перед Мариной?

— Клава прислала,— выдавил побагровевший капитан.— Домашний засол, попробуйте...

А Гоша? На стоянке в городе он вдруг сунул в руки Алика бумажный промасленный сверток.

— Селедочку достал! Первый сорт! Изготовь на ужин, с лучком. Наша практикантка любит.

— Откуда ты знаешь? — насторожился кок.— Она мне не говорила...

— И не скажет! — отрезал механик.

По-своему заботился о Марине и матрос Моргун. Если она несла вместе с ним вахту, он обязательно втаскивал в ходовую рубку табуретку и настойчиво предлагал:

— Присаживайтесь...

Марина, слегка краснея, охотно принимала все эти знаки внимания, с улыбкой благодарила, но странное дело: Алик ни на кого не злился, никто не вызывал в нем чувства раздражения или зависти...

А он ведь готовился защищать ее от назойливых ухаживаний, не щадя жизни и не боясь народного суда, броситься в драку при первом нахальном приставании. Ничего похожего от него не потребовалось.

Почему? Ответа он не находил...

Не было ответа и на более тревожное «почему?».

Марина попросила обучать ее кулинарии, он обрадовался, что будет с ней наедине, пусть в камбузе, среди кастрюль и чада плиты, но все же наедине. Она пришла на камбуз всего-навсего еще один раз и больше не приходила...

Возможно, виноват он сам...

Он начал объяснять, что нужно для настоящей окрошки, и нечаянно, исключительно из-за тесноты камбуза, на мгновение дотронулся до ее обнаженной руки повыше локтя. У Марины побелело лицо, она как-то странно глотнула и выскочила из камбуза.

— Я не нарочно! Вернитесь, Марина! — с отчаянием бросился за ней Алик.

Она не вернулась. А уже к вечеру Алик обнаружил, что Марина избегает его.

Расстелив на носовой палубе ватник, она сидела, подобрав под себя ноги, листала подшивку прошлогодних журналов. Алик подо-

шел, и глаза у Марины обеспокоенно сузились, она крикнула Сизову:

— Товарищ капитан! Выручайте! Кроссворд трудный попался.

Алик опешил. Он успел заметить, что Марина просто разглядывала цветные фотографии и никакого кроссворда не решала. Кроссворд она нашла, когда уже рядом стоял капитан Сизов.

Значит, Марина солгала? Почему?

Неужели она догадывается о его любви и тоже боится откровенного объяснения?

Но попробуй объяснись! Может, он и наберется храбрости выпалить: «Я люблю вас!»?.. Но что он скажет дальше? Разве она согласится соединить свою жизнь с жалким поваренком буксирного катера? Смешно и горько! Вот после окончания вечерней школы и высшего мореходного училища — другое дело...

Но сможет ли Марина ждать его, хватит ли у нее мужества отказаться от соблазна выйти замуж? Чтобы не стряслось такой непоправимой беды, ей надо немедленно доказать, что никто никогда не полюбит ее сильнее, чем он. Но Марина упорно и вежливо уклоняется от разговора...

Когда он пригласил ее в Дом культуры пароходства на новую кинокартину, она немедленно окликнула Банченко:

— Вы идете с нами, Гоша?

Механик охотно пошел в третьи лишние...

* * *

У перевалочного шлюза, среди болотистой равнины с желтыми лысинами песчаных бугров, река резко мелела, и большие паровые буксиры поворачивали обратно. Баржи подхватывали дизельные катера вроде «БТ-340» и тянули дальше, в порты верховья.

Сегодня по вине диспетчера барж у шлюза не оказалось. Август кончался, и план перевозок был под угрозой.

— Прощай, почетная! — дернул за козырек кепки Гоша.— А еще в коммунистический экипаж метили!

— Не каркай! — буркнул капитан Сизов.— Пошли!..

Алик не выдержал и отвернулся. Он втайне несказанно обрадовался простою у шлюза. По давней традиции катера, если случались простои, все, кроме кока, отправлялись собирать для камбуза щавель, росший в изобилии на прибрежных лугах. Кок обязан был оставаться на катере и вовремя предупредить сиреной о приближении парового буксира с баржами.

Алик понимал, что он оторвался от интересов коллектива, что радость его подлая и эгоистичная, но ничего не мог с собой поделать...

Он останется вдвоем с Мариной!

Она не пойдет на луга, она измучилась прошлой ночью и уже спит в каюте.

Ночь была тяжелая. Крепкий боковой ветер сносил их караван с фарватера в сторону, на крутых излучинах приходилось лихорадочно вертеть штурвал, беспрерывно регулировать обороты дизеля, опасаясь, что лопнет гудящий от напряжения трос и тупоносая баржа накроет крохотный катерок...

Каким молодцом держала себя Марина! Сколько ее ни уговаривали спуститься в каюту отдохнуть, она возмущенно отвечала:

— Перестаньте! Первый за практику полезный для меня рейс, а вы хотите прогнать! Не выйдет!

Она пробыла в рубке до рассвета, пока не ослабел ветер...

Уходя последним с катера, Сизов предупредил кока:

— Ты ее зря не тревожь. Умаялась девка.

— Но она должна позавтракать! — поспешно напомнил Алик.— У меня все остынет!

— Насчет завтрака — ладно. А потом опять отправишь на боковую.

Слова Егора Сизова прозвучали приказом, они прибавили Алику решительности, и он постучал в каюту к Марине немедленно, едва затихли шуршащие по траве шаги капитана.

— Не заперто.

При виде Алика практикантка приподнялась на койке, торопливо запахнула на груди пестрый ситцевый халатик; глаза ее настороженно метнулись в сторону.

— Ну, вот,— не узнал своего голоса кок,— завтракать надо...

Горноспасательная служба

Яков КОЗЛОВСКИЙ

Ты знаешь, что такое дружба?..
Людей в горах застиг обвал.
Горноспасательная служба
Тревоги приняла сигнал.

И, время выиграть стараясь,
Внизу
тропы оставив нить,
Отряд в ночи пошел на траверз,
Чтоб за хребет перевалить.

И на ветру метался факел,
И озарял багровый свет
То выступ каменный во мраке,
То спящей птицы силуэт.

Карабкались по скалам голым.
И сердце каждого в пути
Подвластно было трем глаголам:
«Добраться,
выручить,
спасти!»

В дороге иль под отчим кровом,
Пусть за окошком день иль ночь,
Но если можешь другу словом
Или участием помочь,—

Спеши!
Раздумывать не нужно.
Спеши, чтобы товарищ знал:
Горноспасательная служба
Тревоги приняла сигнал.

— Не могу,— даже не поблагодарив, отказалась Марина.— Мне скверно. Знобит...

— Вы простудились? — всполошился Алик и подавил вздох облегчения: нельзя же в самом деле объясняться в любви больной девушке.— У нас часто случается. Река среди болот, сырость. Вчерашний ветер...

Марина грустно усмехнулась и ничего не ответила. У нее снова не хватило сил рассказать этому взъерошенному пареньку всю правду о себе. Ее мутило сегодня особенно сильно, и она, наконец, пожалела, что скрыла в техникуме свое состояние. Непонятный стыд и ощущение какой-то странной виноватости перед Аликом сковывали Марину.

Переминаясь с ноги на ногу, Алик, чтобы только не молчать, робко предложил:

— Я задраю иллюминатор. Дует.

— Не надо. Удивительный запах. Что это?

— Сено. Свежее сено сохнет. После ветра всегда так...

— Словно теплый мед. Верно?

— Верно,— покорным эхом отозвался кок, хотя не имел ни малейшего представления о запахе теплого меда.

Они опять замолчали, и Алик с отчаянной отвагой облизнул пересохшие губы.

— Марина, вы видели море? — спросил он, дипломатично подготавливая ее к самому главному.

— Нет.

— И я не видел. Но увижу. Хочу после вечерней школы в мореходное училище поступать... На капитана дальнего плавания.

— А почему обязательно в мореходное? Там пять лет учиться. Лучше в наш техникум. И опыт речной пригодится.

Марина посоветовала по-деловому, без всякого намека на романтику, и, возможно, из-за ее обстоятельного тона и пропала заранее приготовленная речь.

Алик собирался сказать Марине, что, если она поверит в его любовь, он переквалифицирует ее в моряка, и будет корабль в Индийском океане, и будет внезапно налетевший ветер под названием «тайфун»... Волны яростно обрушиваются на палубу, он вторые сутки не покидает мостика, и рядом с ним Марина. Вдвоем им ничего не страшно, они победят тайфун, и на рассвете сквозь дымку покажется полоска берега с пальмами, прорежутся в небе голубые зубцы гор...

Вместо всех этих очень убедительных, выстраданных ночами слов Алик неожиданно для себя с тупым самодовольством заявил:

— Опыт не пропадет! Кок на морском корабле имеется? Так? Ну и если он вздумает кормить команду халтурными обедами, я ему сразу фитиль вставлю! Меня не обманешь!

«Что я ей говорю?» — похолодел он, еще не успев закончить фразу.

Спасение пришло неожиданно: басовитый настойчивый гудок поплыл над рекой, и Алик рванулся из каюты:

— Я сейчас! Ребят надо предупредить! «Пенза» на подходе!..

* * *

Темная вода густой пеной бурлила вокруг винта, кипящие, пенистые дорожки косо разбегались к берегам, и кверху летели колючие брызги.

Алик сидел на самом краю кормы и не замечал, как брызги жалят лицо, простреливают насквозь тельняшку. Он ничего не замечал.

...Если бы он заранее знал, кто этот белобрысый помощник капитана с «Пензы», так лихо прыгнувший на борт катера! Впрочем, все равно: что он мог бы изменить? Помощник с «Пензы» нетерпеливо и весело сразу потребовал:

— Где жинка? Соскучился!

Алик недоуменно уставился на него, хотел было посоветовать протрезвиться, но уже мчалась к катеру команда и из каюты выпорхнула Марина. Она вмиг вся переменилась, стала какой-то невесомой, будто по воздуху перелетела к белобрысому, задыхаясь, обвила его шею руками.

— Петя! Петечка!

А помощник с «Пензы» по-хозяйски, никого не стесняясь, припал к губам Марины долгим-долгим поцелуем...

Что было дальше? Кажется, Марина засмеялась и одновременно вытерла слезы, кажется, что-то говорил Сизов, которому белобрысый Петя протянул бумажку. Сизов прочел бумажку вслух, и Алик смутно понял, что пароходство радиограммой разрешает практикантке Симаковой последние две недели практики провести на паровом буксире «Пенза»...

Потом они спускались по сходням с катера, и, бережно поддерживая Марину за локоть, Петя всем подмигнул:

— Приглашаю на крестины! О событии информирую через диспетчера. Будьте здоровы, хлопцы!

Поглупевшие и жестокие от счастья, муж и жена Симаковы мгновенно забыли о существовании катера «БТ-340» и его команды. Приминая сочную, ярко-зеленую траву, они спешили к закопченному, старому буксиру «Пенза»...

Бурлит пена вокруг винта, и очень трудно жить дальше...

Зачем Марина утаила, что она замужем? Зачем не сказала, что ждет ребенка?

Горькая, похожая на удушье обида подкатывала к горлу. Марина считала его всего-навсего мальчишкой.

Может быть, он и вправду пока мальчишка, но разве он виноват, что полюбил ее? Полюбил навечно и — страшно признаться! — любит и теперь, когда она там, на «Пензе», с мужем...

За спиной кашлянул Гоша, и Алик сжал кулаки. Он выдал себя, они догадались о его любви, и механик сейчас начнет издеваться, по привычке вышучивать.

— На бушлат! Озябнешь...— тихо и мягко сказал Гоша. Он набросил на него бушлат и легонько придавил ладонью плечо.— Сиди. Ужином Моргун занялся...

Алик вздохнул и вдруг быстро прижался щекой к шершавой, едко пахнущей солидолом руке механика. Рука чуть вздрогнула, но Гоша ее не отнял и присел рядом...

За кормой по-прежнему косо бежали к берегам две пенные дорожки.

ЦИФРЫ ДАЮТ ИНТЕРВЬЮ

Я. МИЛЕЦКИЙ

...Когда кондуктор автобуса, объявляя очередную остановку, произнес слово «Шарик», до дома Павловых оставалось две остановки. Вдоль улицы тянулись большие жилые дома подшипникового завода, который в округе ласково называют «Шариком».

Лифт поднял нас на седьмой этаж. Мы прошли в скромную, опрятную и благоустроенную квартиру. В ней Павловы занимают большую комнату в соседстве с молодой семьей Николая Павловича Ермакова, литейщика с того же «Шарика».

В семье наладчика Первого государственного подшипникового завода Владимира Петровича Павлова ведется подробный и точный учет всех семейных доходов и расходов. Записи наглядно показывают бюджет средней рабочей семьи, без прикрас, только на основании цифр. И я решил взять у цифр интервью...

Из четырех членов павловской семьи дома оказались трое: сам Владимир Петрович, жена его, Таисия Ивановна, и младшая дочь, семиклассница Ольга. Не было только старшей, Татьяны, студентки пятого курса Московского химико-технологического института: она уехала на практику в город Киров.

Таисия Ивановна выложила на стол записи за весь 1959 год. Они велись изо дня в день и включали в себя положительно все расходы, вплоть до трамвайных билетов.

— Вас удивляет такая точность? — спросила она.— Во-первых, я люблю аккуратность, и, во-вторых,— тут она весело рассмеялась и лукаво взглянула на Владимира Петровича,— это лучший ответ мужьям на их вечный вопрос, куда девались деньги.

Мы начали с доходной части семейного бюджета. Владимир Петрович работает на «Шарике» с 1931 года. У него восьмой разряд. Заработок его слагается из повременной оплаты, дополнительной оплаты за ночные часы, прогрессивки (премии за хорошую работу) и других премий. Поэтому заработок неодинаков: в апреле, например, он составил 1 882 рубля 27 копеек, в июне — 1 418 рублей 45 копеек. Просматривая расчетные листки Павлова, мы видим в них цифры месячного заработка в 1 600, 1 700 и 1 900 рублей.

Таисия Ивановна — табельщица на Первом часовом заводе. Ее оклад — 500 рублей, плюс прогрессивка 50—60 рублей в месяц. В течение некоторого времени она заменяла плановика цеха, и тогда ее заработная плата составляла 700 рублей.

Студентка Татьяна получает стипендию 290 рублей. Включим и эту сумму в бюджет семьи. Таким образом, общий доход Павловых за 1959 год составил: январь — 2 340 рублей, февраль — 1 915, март—2 432, апрель—2 722, май—2 878, июнь — 2 268, июль — 2 660, август — 2 490, сентябрь — 3 308, октябрь — 1 898, ноябрь — 2 394 и декабрь — 2 474 рубля.

Таисия Ивановна переходит к расходной части бюджета.

— С чего начнем? — спрашивает она.

— Давайте с первой записи!

Первой шла мука. В январе ее купили три килограмма, в феврале — шесть, в марте — семь (женский день!), апреле — семь (снова к празднику!)... И тут выясняется, что дом Павловых славится своими пирогами, тортами и пирожными. Их печет сам Владимир Петрович: в молодости он работал кондитером.

Цифры показывают интересную деталь: мясных продуктов покупается почти столько же, сколько и хлеба,— восемнадцать — девятнадцать килограммов ежемесячно. Потребление молока меняется в зависимости от времени года. Так, в январе оно ограничивается пятнадцатью литрами, а в апреле возрастает до сорока.

— Давайте проверим, сколько у нас уходит масла,— говорит Таисия Ивановна,— мне самой интересно знать.

Начинаем делать выборки по месяцам, складывать. Берем только сливочное и топленое. Оказывается, шесть килограммов в месяц. Сюда надо еще прибавить подсолнечное масло и маргарин. Делать эти выборки за год долго, и Таисия Ивановна машет рукой:

— Ну, все ясно: разных жиров уходит килограммов семь в месяц.

Листая записи, мы безошибочно определяем приближение праздников. Ага, появились лососина, утка, судак! А вот и конфеты, вино, водка...

— Это для гостей,— замечает Владимир Петрович,— я больше одной — двух рюмок не пью, да и то ради компании...

Действительно, вино в бюджете занимает весьма скромное место, но все же оно, пусть и в небольших количествах, проходит почти из месяца в месяц.

Зато часто мелькают фрукты.

А вот запись: «Грибы — 15 килограммов». И никакой цифры их стоимости.

— Откуда же грибы? — спрашиваю.

— Сами набрали. Два раза ездили. На заводской машине. Грибы замариновали. Одна банка еще сохранилась.

От грибов перешли к варенью. Собственно, началось с сахара. Подсчет показывал, что его потребляют пять — шесть килограммов в месяц. И вдруг — двадцать.

— Варенье?

— Да, сварили двадцать пять килограммов. Отличное, скажу, не хвалясь... Может, попробуете?

— А фрукты для варенья откуда?

— И в Москве купили, и Татьяна с юга прислала...

Тут разговор зашел о проведенном лете. Татьяна путешествовала по Военно-Грузинской дороге. Туристская путевка на 24 дня стоила 700 рублей. Это без скидки. Путевку со скидкой получил в завкоме Владимир Петрович в подмосковный дом отдыха. Стоила она ему всего 72 рубля. За путевку для Таисии Ивановны уплатили 300 рублей, и супруги отправились вместе. Ольга была в пионерском лагере близ Сочи.

Семья Павловых каждый год хорошо отдыхает. Так, в прошлом году Татьяна ездила в Геленджик по путевке, которую дал со скидкой завком «Шарика». Владимир Петрович побывал по заводской путевке в Кисловодске.

— Как видите,— говорит Владимир Петрович,— в наших летних расходах немалую роль играет «Шарик».

Просматривая записи дальше, я натолкнулся на такую строку: «Лотерейные билеты — 12 рублей».

— Выиграли?

— Нет, не повезло...

— Кое-что выиграли,— поправляет Таисию Ивановну ее муж.— Только не на эти билеты, а на другие. Наша бригада получила премию в две тысячи рублей. Это на десять человек, по двести каждому. Ну и решили денег не брать, а купить на них лотерейные билеты. Так и сделали. Кое-что выиграли, но пустяки, а думали, автомобиль или дом...

— А холодильник не планировали? — спросил я.

— Это у нас есть!

Большой холодильник «ЗИЛ» стоит в коридоре. Купили его еще в прошлом году, когда переехали в этот новый заводской дом. А телевизор за 1 750 рублей приобрели несколько месяцев назад. Вообще обставили они квартиру заново, ничего не взяли со старой квартиры, где жили вместе с родными. Это обошлось им в кругленькую сумму, близкую к 10 тысячам. Конечно, пришлось прибегнуть к сберегательной книжке. Еще кое-какой должок остался в кассе взаимопомощи. Зато есть все необходимое.

— А как, кстати, с квартплатой?

— Это ерунда. Вот посмотрите.— Она протянула жировку.— Платим мы 74 рубля 21 копейку. Это два — три процента нашего дохода. Собственно говоря, сама квартирная плата составляет только 35 рублей 1 копейку. Видите, какая точность! Отопление стоит 14 рублей. Дороговато обходится горячая вода: 23 рубля 20 копеек. Правда, удобство большое, спору нет. А в общем, расход на квартиру незначителен.

— Недавно мы с женой смотрели фильм «Н. С. Хрущев в Америке»,— говорит Владимир Петрович.— Конечно, уровень жизни там высокий. Но многое у нас лучше, чем у них. Вот квартплата, путевки, стипендия студентам. Наша Оля учится второй год на курсах фигурного катания в Парке культуры и отдыха, а мы за это ничего не платим. Я уже не говорю о медицинском обслуживании. Слава богу, у нас все здоровы, но к нашим услугам две отличные поликлиники — моя и жены. Ну, а то, что мы спокойны за свою судьбу и судьбу наших детей,— разве это мало стоит?! Ты когда перешла на семичасовой? — обратился он к жене.

— С нового года.

— А я уже давно на семичасовом. Мой сосед, литейщик, шесть часов работает... А зарплата та же.

...Мы снова обратились к цифрам, продолжая наше интервью. Среди других расходов были и такие: на подписку «Комсомольской правды» и приложений к ней, на абонемент в филиал народного университета культуры в клубе Первого часового завода, на билеты в театры и кино, на покупку книг, на абонемент в бассейн для плавания и много других, говоривших о разносторонности интересов членов семьи рабочего Павлова.

Такое интервью дали мне цифры.

— Ну, что же, подсчитаем, чтобы потом не говорить: «Куда девались деньги?..» — И семья наладчика В. П. Павлова принялась за цифры.

Фото Ф. Короткевича.

НЕБО,

Генрих **БОРОВИК**

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

«ТУ-104» идет на посадку.

Помните, было время? Перелет Чкалова, перелет Громова, перелет Гризодубовой, Осипенко, Расковой! Сколько волнения, сколько романтики! Весь мир впивался глазами в географические карты. А теперь по маршруту трех летчиц-героинь летит старушка, бабушка к внучке в Хабаровск. И надеется, что пирожки с малиной — гостинец внучке — не успеют остыть в дороге.

В общем, привыкли к небу. Привыкают к великолепным самолетам, привыкают к невероятным скоростям. Небо, так сказать, спустилось на землю. И никто об этом не жалеет. Наоборот, это очень хорошо! Значит, наступает расцвет гражданской авиации.

Но все-таки хочется поговорить о нашем привычном небе.

Может быть, нам удастся показать маленькую частицу того огромного, умного труда, который стоит за привычным словом «полет» и часто скрыт от глаз пассажиров.

Стрелочник неба

Диспетчер службы движения Аэрофлота — это стрелочник неба. И небо для него не воспетый поэтами эфир, а четко организованная прозаическая система магистралей, дорог, дорожек, тропок, которые просматриваются, прощупываются, прослушиваются, прочитываются бесчисленным множеством радиолокаторов, радиопеленгаторов, радиопередатчиков и радиоприемников.

Самолет набрал высоту 200 метров и прекратил связь с диспетчерами, командующими взлетом. Ну, казалось бы, перед пилотом необъятная ширь неба — выбирай самый короткий путь, набирай какую хочешь высоту, развивай какую хочешь скорость и лети: ты вольный сын эфира!

Но, оказывается, он полностью во власти умных и внимательных диспетчеров.

Еще до отправления самолета служба движения, посовещавшись с синоптиками, точно определила, по какому маршруту, на какой высоте и с какой скоростью следует проводить полет. Как только самолет набрал высоту 200 метров, шефство над ним берет командный пункт, расположенный в просторной круглой стеклянной комнате на здании аэровокзала.

Два диспетчера под наблюдением старшего смены, вооружившись цветными карандашами, склонились над целлулоидной картой, одновременно внимательно наблюдая за лучиками пеленгатора и радиолокатора. Беспрерывно щелкает радиоприемник, с «бортов», то есть с самолетов, поступают донесения: «Дунай», я борт триста восьмой, прошел сию Ивановку («сию» — значит в данную минуту). Высота — тысяча двести. Прием...»

И немедленно надо оценить обстановку и дать «борту 308» приказ, который будет беспрекословно выполнен командиром корабля. А оценить обстановку, принять правильное решение и сообщить его на борт — дело далеко не легкое. Ведь в зоне действия командного диспетчерского пункта находится одновременно иногда несколько десятков самолетов — транзитных, идущих на посадку или только что взлетевших. А если иметь в виду, что не меньше половины из них — машины реактивные или турбовинтовые, двигающиеся с огромной скоростью, то будет ясно, как быстро, четко и совершенно безошибочно должен работать диспетчер, чтобы передать на «борт» хотя бы такое простое указание: «Вас понял. Займите 1 800. Следуйте Луговку. Проход доложите». Недаром диспетчер — это обычно опытный летчик в прошлом, получивший специальное образование.

Выйдя из центральной зоны, самолет попадает к следующему диспетчеру, который ведет его до границы своей зоны, а там бе-

режно, как младенца, запеленатого в пушистую ткань облаков, передает в руки соседа по этой трассе. Так и путешествует четырехмоторный «малютка» из рук в руки, не смея изменить высоту и направление без приказа «воздушного стрелочника».

Диспетчеры окружили самолет нерушимой воздушной «броней», которая исключает столкновение с другими машинами. Эта «броня» создается из четырех факторов: времени, направления, высоты и скорости.

За «броней» неустанно следит с земли служба движения при помощи радиолокаторов и пеленгаторов.

Но вот самолет пошел на посадку.

Очень многое нужно учесть службе движения, чтобы самолет, войдя в «зону ожидания», зря не утюжил воздух, не жег впустую горючее. Ведь каждая лишняя минута над землей — это 80—130 килограммов топлива, в буквальном смысле выброшенных на ветер. Поэтому еще на дальних подступах к аэродрому самолету диктуется нужная скорость. А скорости теперь громадные. Одна минута движения по горизонтали — это 15 километров. Одна секунда набора высоты — это 5—12 метров. Решение нужно принять быстро и при этом учесть силу и направление ветра, видимость, атмосферное давление и многое другое, о чем мы, удобно расположившись в креслах самолета, и не думаем, не вспоминаем.

Небо для диспетчера — «рабочее место», вещь строгая, серьезная и деловая.

Капризы тропосферы

Новых самолетов ждали все: летчики, курортники, командированные, бортпроводницы, работники туристских бюро и сами туристы, дальневосточники и северяне, ученые и члены правительства. Но, наверное, больше всех, нетерпеливее всех ожидали скоростных самолетов метеоработники. И заинтересованность их носила несколько «личный», я бы сказал, даже «эгоистический», характер.

Новые самолеты приносили с собой огромную скорость, огромную высоту полета, огромные вместимости, а это означало добавочные хлопоты всем труженикам гражданской авиации: службе перевозок — больше перевозить, службе движения — ускорять темп работы, строителям — строить новые взлетно-посадочные полосы, расширять аэровокзалы, бортпроводникам — «справляться» не с 12 или 18, а с сотней пассажиров.

И только метеорологам новые самолеты, по их расчетам, сулили спокойную жизнь. Награжденные в Аэрофлоте дружеским прозвищем «гидромудрослужба», они надеялись, что на высоте 10—11 тысяч метров, на которой летают новые пассажирские самолеты, полеты будут проходить при постоянно благоприятных условиях. Это значило бы, что метеорологам не придется волноваться за погоду и предсказывать ее по трассе полета «ТУ-104», «ТУ-114», «ИЛ-18» и «АН-10», кроме, конечно, тех участков, где самолеты снижаются на обычную высоту.

Но «эгоистические» надежды синоптиков — этих физиков атмосферы — не оправдались.

Оказалось, что в верхних слоях тропосферы есть свои, недостаточно изученные капризы погоды. Прежде всего это очень сильные ветры — струйные течения,

Много их здесь, воздушных лайнеров, на летном поле Внуковского аэропорта.

которые в одних случаях добавляют скорость самолету, в других, наоборот, пожирают ее в колоссальных размерах.

Синоптики полагали раньше, что грозовые облака осмеливаются подниматься максимум до 6—8 километров над уровнем моря. Но на практике оказалось, что в теплый период года грозы бушуют и на высоте в 10—12 тысяч метров и выше.

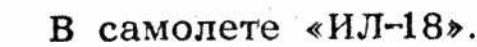
И новые самолеты потребовали от синоптиков не только приземных карт погоды, но и высотных карт, графиков и разрезов; потребовали, чтобы карты эти делались в несколько раз быстрее, чем раньше, потому что скорости теперь иные.

И такие карты надо готовить не только для внутренних авиалиний, но и для международных. Пилоту, летящему в Лондон, нужно совершенно точно знать погоду и над Варшавой, и над Берлином, и над Люксембургом, и над Амстердамом. В двадцать четыре страны летают самолеты Аэрофлота. И со всеми этими странами и многими другими государствами, лежащими на трассе, связываются советские метеорологи, обмениваются информацией.

«Гидромудрослужба» действительно оказалась мудрой, потому что со всеми новыми требованиями справилась с честью. На помощь ей пришли счетно-электронные машины, фототелеграф и многое-многое другое современное техническое оборудование.

На командном диспетчерском пункте.

В самолете «ИЛ-18».

Еще об одной профессии

Без нее любой полет стал бы скучным, холодным, а самолеты, даже самые комфортабельные, оформленные с безупречным вкусом, потеряли бы уют и, что называется, «домашность». Профессия эта на Западе определяется звучным, красивым словом «стюардесса». У нас она зовется проще и строже — бортпроводница.

Это немного сухое слово заключает в себе массу обязанностей, которые, может быть, незаметны постороннему глазу.

Вы входите в блистающий чистотой самолет, вам указали ваше место (100 мест!), повесили на вешалку ваше пальто и затем убрали его в гардероб (100 пальто!). Вы с наслаждением положили голову на белоснежную крахмальную наволочку и приготовились приятно провести шестичасовой полет. Знайте, что трое бортпроводниц за это время ни разу не присядут, кроме тех случаев, когда это требуется строгой лётной инструкцией (при взлете и при посадке). Надо представиться пассажирам, надо рассказать коротко о маршруте полета, о правилах «самолетного поведения», надо успокоить старушку, летящую впервые, надо разнести перед взлетом «ВПК» — взлетно-посадочные конфетки,— как называются здесь леденцы. Надо раздать целлофановые футлярчики для авторучек.

Все эти «надо» множатся на число 75 или 100— соответственно числу пассажиров.

Самолет взлетел, и начинается подготовка к кормлению. Весь «пищесервировальный» комплекс ложится на плечи трех бортпроводниц. Нужно установить 100 столиков, сервировать 100 подносов, разложить горячее блюдо по тарелочкам, разнести подносы и поставить их на столики, потом эти подносы и столики убрать.

Где-то в промежутках надо выкроить время и подбодрить вон того пассажира: что-то уж он очень скучен. А вон тот иностранец, говорящий только по-английски, просит справку о населении города, который остался где-то внизу, а через три кресла от него сидит любитель «морского козла», который просит найти партнеров для партии в домино. И все надо делать с улыбкой, быстро и споро.

А что испытывает бортпроводница, когда заграничная коронованная особа, перед которой изгибаются дипломаты, равнодушно рассматривая бортпроводницу, вдруг требует: «Милочка, снимите мне туфли»! «Может быть, так надо? — несутся мысли.— Может быть, это международный этикет? Может быть, если я откажусь, будет скандал?! Ведь особа-то коронованная!» Но достоинство советского человека берет верх. С напряженной улыбкой следует ответ: «Я позову ваших фрейлин, мадам»...

* * *

Вот крохотная частичка того, что кроется за привычным теперь словом «полет».

«Хорошо, но где же?..» — задаст недоуменный вопрос читатель.

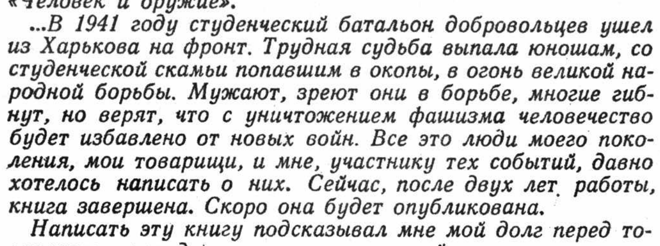
Да, мы рассказали самую малость. Не упомянули о многих, очень важных в авиационном деле профессиях: о пилотах, о штурманах, о техниках, о ремонтниках, о шоферах, да мало ли о ком!.. Ведь невозможно журнальный репортаж делать таким же большим, как наше небо!

ПИСАТЕЛИ и КНИГИ

ДОЛГ ПЕРЕД ТОВАРИЩАМИ

Каждый советский человек своим трудом укрепляет позиции мира, это должен делать и писатель своим пером — с такой мыслью работал я над новым романом «Человек и оружие».

...В 1941 году студенческий батальон добровольцев ушел из Харькова на фронт. Трудная судьба выпала юношам, со студенческой скамьи попавшим в окопы, в огонь великой народной борьбы. Мужают, зреют они в борьбе, многие гибнут, но верят, что с уничтожением фашизма человечество будет избавлено от новых войн. Все это люди моего поколения, мои товарищи, и мне, участнику тех событий, давно хотелось написать о них. Сейчас, после двух лет работы, книга завершена. Скоро она будет опубликована.

Написать эту книгу подсказывал мне мой долг перед товарищами, перед теми, кто на заре своей юности, в расцвете сил погибал на раскаленных рубежах сорок первого года, кто сегодня присоединил бы свой голос к голосу живых, борющихся за мир на планете, за то, чтобы смертоносные тучи войны никогда не заволакивали горизонт.

В творческих планах на будущее — книга рассказов о тружениках Украины, о людях, которые своей щедрой силой, умом, дарованиями украшают родную землю и порываются к звездам.

Олесь ГОНЧАР

Публикуется в журнале ОКТЯБРЬ

В январской книжке журнала «Октябрь» опубликовано начало романа Александра Андреева «Грачи прилетели». Вот что ответил писатель на наш вопрос о том, какие мысли и чувства побудили его взяться за новую книгу.

— Мне давно хотелось рассказать о жизни села, в котором вырос. Долгое время радость, довольство, достаток обходили это село стороной. Частой гостьей там была нужда. Прочно свила она гнездо в каждом доме, и, как ни бились люди, не могли ее одолеть: выгонят с одного конца, она заходит с другого. Унизили, обесценили в человеке священное — его труд. И лишь в наши годы колхоз медленно, но все более уверенно встает на ноги. Там еще нет белокаменного Дворца культуры, там нет тротуаров, нет механизированных токов и скотных дворов. Но там совершилось главное, самое глубокое и могущественное: появилась вера человека в свой труд, в свое назначение, в свое коллективное хозяйство. Эту веру вдохнула в человека партия.

Меня всегда волновала судьба молодого человека — современника. О его жизни я собираюсь писать повесть, которая будет называться «Не судите нас, люди».

Сказка для взрослых

Ленинградский художник-сатирик Владимир Гальба закончил иллюстрирование книги Сергея Михалкова «Семейная хроника», выходящей в издательстве «Художник РСФСР». Книга по жанру своему — сказка для взрослых. На титульном листе ее написано:

Не читателям-ребятам
Сказка мной сочинена —
Людям взрослым и женатым
Предназначена она...

Здесь публикуется один рисунок Вл. Гальбы к «Семейной хронике».

Обещание, которому веришь

В Курске выходит первая книга стихов студента Литературного института Александра Говорова — «Веснянка». Мы публикуем предисловие к книге, написанное поэтом Николаем Ушаковым.

Лирика Александра Говорова привлечет симпатии читателя и непосредственностью образов, подсказанных поэту родными тимовскими местами, и той естественностью, с которой в его стихотворения входят милые ему с детства местные слова и обороты.

Поэтический мир юного автора красочен и картинен. Слышишь и звон румяного лета, и глубокий вздох гармоники, и то, как

Дрожит на нитке птичья
песня,
с шуршаньем тают
в речке льды,
а жаворонок, видно,
здешний,
по-здешнему берет лады.

Видишь и метеоритный ливень над Курской областью, и девочку, называющую куклу «моя луковка», и глухого старого солдата, который, как десять лет тому назад за «языком», крадется, чтоб только взглянуть на соловьев, если уж он не может их услышать.

Разделяешь добрые чувства поэта: хочешь зимой поставить дома вербочку в воду, «чтобы весна поскорей приходила», и унести с собой море, и поделиться хорошим слухом с инвалидом — былым любителем соловьиного пения.

Стихи Говорова еще очень молоды, не все в них совершенно, но каждое — как обещание, которому веришь.

«Мудрость вымысла»

В склепе старинной церкви на окраине Москвы, неподалеку от нынешней станции метро «Сокол», в январе 1725 года был погребен великий грузинский просветитель и гуманист, писатель и государственный деятель Сулхан-Саба Орбелиани, которого «вся Грузия считала своим отцом».

Его книга басен «Мудрость вымысла» только что снова выпущена на русском языке в Тбилиси, в издательстве «Заря Востока». Иллюстрировал и оформлял книгу народный художник Грузии Ладо Гудиашвили. Публикуем здесь одну из его иллюстраций.

Георгий Леонидзе во вступительной статье к книге пишет, что она является «высоким созданием свободной мысли, уникальным творением литературы «эпохи обновления». И, наконец, мы не преувеличим, сказав, что книга эта является катехизисом грузинского остроумия».

ПО РЕСПУБЛИКАМ И ОБЛАСТЯМ

●

Приморское книжное издательство во Владивостоке выпустило брошюру «Н. С. Хрущев в Приморье», в которой напечатаны речи Н. С. Хрущева на митинге трудящихся Владивостока 6 октября 1959 года, воспоминания рабочих Дальзавода и моряков-тихоокеанцев, с которыми встречался и беседовал Н. С. Хрущев. Книга иллюстрирована фотографиями.

●

Пьеса великого грузинского поэта Ильи Чавчавадзе «Мачанкали», написанная в 1881 году, считалась утерянной. Недавно поэт Иосиф Гришашвили нашел рукопись — подлинник пьесы — в архиве Государственного театра имени Руставели. Рукопись передана в музей Ильи Чавчавадзе в Кварели.

●

Рабочие Ереванского электролампового завода регулярно выпускают литературную стенную газету «Банвори кнар» («Рабочая лира»). Под таким же названием на заводе решили издать альманах, куда войдут лучшие произведения заводских писателей и поэтов, объединенных в литературной студии.

●

Ежегодная литературная премия имени Николая Островского, учрежденная недавно ЦК ЛКСМУ и Союзом писателей Украины, за лучшее литературное произведение о молодежи вручена в торжественной обстановке известному украинскому писателю Герою Советского Союза Юрию Збанацкому за роман «Малиновый звон».

●

«Мысли разных лет» — под таким названием в Алма-Ате вышла книга Мухтара Ауэзова. В нее вошли 17 исследований и статей художника и ученого; среди них большие работы о киргизском героическом эпосе «Манас» и о творчестве Абая. Дружески соседствуют в книге статьи на русском и казахском языках, которыми владеет Ауэзов. Больше половины казахских читателей свободно читают книги на русском языке. Русские читатели, живущие в Казахстане, смогут лучше познакомиться с литературой братского народа.

●

«Комсомольский огонек» — так назван созданный в городе Даугавпилсе клуб учащихся старших классов. В нем состоит уже около двухсот юношей и девушек. При клубе созданы литературная, драматическая и музыкальная секции. Девизом клуба взяты слова Сани Григорьева из романа В. Каверина «Два капитана»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться».

●

Остатки типографии Ивана Федорова обнаружены археологической экспедицией Киевского государственного исторического музея в городе Остроге. Эта всемирно известная типография находилась рядом с Острожской греко-славянской академией и была очагом культуры и просвещения на Украине. Здесь русский первопечатник работал с 1576 по 1581 год.

●

«Удивительный человечище», сборник воспоминаний о замечательном педагоге и писателе Антоне Семеновиче Макаренко, вышел в Харьковском книжном издательстве. Книга состоит в основном из воспоминаний бывших колонистов и коммунаров, из которых Макаренко вырастил тружеников социалистического общества.

Мамы, «стоп»!

Когда мамы приходят в книжный магазин,— значит, у них самые серьезные намерения: хотят, очень хотят купить интересную книжку для своих малышей. Глаза с робкой надеждой осматривают переплеты и вдруг останавливаются, как автомобиль перед красным глазом светофора! «Шестое», материнское чувство безошибочно подсказало: вот она, эта книжка!

«О разных разностях» написал Сергей Баруздин, и все это для малышей. Но и мамы испытают удовольствие, читая его ироническую стихотворную историю трамвая, вытесняемого все дальше на окраины автобусами и троллейбусами.

Есть в этой книжке цикл маленьких рассказов «Про Светлану», про ее жизнь в детском саду. Наряду с бесхитростными зарисовками здесь можно найти и сюжетные, даже конфликтные вещи. Очень много у Сергея Баруздина интересных наблюдений над детьми. И он рассказывает о них простыми, ясными словами. И дети, конечно, скажут ему «спасибо» за эту книжку. А еще одно «спасибо» им, конечно, захочется сказать художнику Ф. Лемкулю, который выразительно нарисовал всех героев книги.

Г. МИТИН

Сергей Баруздин. О разных разностях. Детгиз. Москва. 1959. 112 стр.

Художники Америки

А. ЗАМОШКИН,
директор Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, член-корреспондент Академии художеств СССР

Мне дважды пришлось побывать в Америке. В ее многочисленных музеях я знакомился с историей искусства этой страны. Поэтому мне особенно интересно было участвовать в организации выставки произведений американского искусства, которыми располагают Эрмитаж и наш Музей изобразительных искусств. Выставка, конечно, не претендовала на то, чтобы стать всеобъемлющей, но зато она познакомила зрителя с жизнью и историей страны, природой, человеческими характерами, отображенными в творчестве многих американских художников-реалистов.

Пожалуй, именно это и отличает ее от экспозиции отдела живописи и скульптуры на американской выставке 1959 года в Сокольниках, где представлены были главным образом художники абстракционистского направления.

Нашу выставку посетило много зрителей. Люди с интересом смотрели на произведения американской реалистической живописи. Да они и не могли вызвать иного к себе отношения: в них много поэзии, наблюдательности, мастерства, живых примет времени...

Национальное искусство США начало формироваться в годы, предшествовавшие войне за независимость. Видными художниками той поры были Б. Уэст и Дж. С. Копли. Один из них, Уэст, представлял европейскую школу в американской живописи, а другой, Копли, заложил основы американского реализма. Среди работ Уэста на выставке в Москве выделялась изысканная картина: «Венера утешает амура, ужаленного пчелой». Копли является создателем национальной портретной школы. Живопись Копли с его резковатым энергичным реализмом созвучна прозе В. Франклина.

Наибольшего расцвета американское искусство достигло в конце XVIII — начале XIX века. Крупнейший мастер-реалист того времени Г. Стюарт воссоздал в блестящих по колориту психологических портретах духовный облик людей своего времени. Будучи в Бостоне, я запомнил превосходный портрет Дж. Вашингтона, написанный Г. Стюартом. На выставке в нашем музее зрители могли видеть тонкий, одухотворенный поэтический портрет Е. И. Дашковой его работы.

Портретисты Ч. Пил и Т. Салли, а также Дж. Трамбалл — очевидец военных и политических событий американской революции — создали ряд превосходных картин; полотна Дж. Трамбалла высоко ценил Гете.

Развитие демократического движения против рабства негров определило самый дух жанровой живописи, изображающей жизнь и труд простых людей, батраков, фермеров. Полотна Маунта проникнуты глубокой симпатией к неграм («Ловля угрей»). А ранняя картина Дж. Бингема «Лодка спускается по Миссури» является как бы иллюстрацией к «Гекльберри Финну». Картины этих художников — своеобразные документы эпохи, сохраняющие до наших дней свежесть и привлекательность.

Крупнейшими художниками американской живописи, определившими новые черты искусства, его подъем, являются У. Гомер и Т. Икинс. Они в изображении народной жизни поднялись до реализма современных им могучих представителей американской литературы — Марка Твена и Уолта Уитмена.

У. Гомер создал овеянные суровой поэзией, полные душевного благородства образы моряков, лесорубов. Сильное впечатление оставляют его работы, изображающие жизнь негров, в том числе иллюстрации к известному роману Бичер Стоу «Хижина дяди Тома». Этот художник-гуманист до конца жизни оставался чужд упадочным течениям искусства начала XX века.

Очень значительны и произведения Т. Икинса, художника-демократа, лучшего мастера реалистического портрета и американского жанра. Я вспоминаю замечательный портрет великого поэта Америки — Уитмена. Икинс раскрыл в нем духовную красоту и силу ума своего друга, поэта-новатора, который посылал народам России «сердечный салют».

Во второй половине XIX века складывается национальная школа реалистического пейзажа.

Живописец тонкого вкуса, Уистлер в нашем музее был представлен пейзажами-миниатюрами и серией превосходных офортов.

Экспонировалась также «Мать и дитя» — картина, проникнутая нежным лиризмом, автором которой является известная американская художница М. Кессетт.

С начала XX века, и особенно во время первой империалистической войны, в американском искусстве распространились формалистические течения, появились художники-декаденты. Но в противовес космополитизму и упадочничеству работала «Группа восьми», развивавшая национальную тематику в реалистическом, демократическом плане. Живописцы этой группы Генри, Лакс, Беллоус, Слоан в своих городских новеллах показывали простых людей на шумных улицах Нью-Йорка, в кафетериях, на рингах. Их живопись по-своему близка к рассказам О'Генри.

В 30-е годы, когда обострилась классовая борьба, передовые американские художники разделяли позиции единого фронта рабочих, фермеров и негритянского народа. Успешно работали в области политической графики художники У. Гроппер и Ф. Эллис, сотрудничавшие в «Дейли уоркер».

Ныне в США, несмотря на засилье сюрреализма и абстракционизма, реалистическое искусство все же существует и развивается. Именно оно сосредоточивает все лучшее в искусстве США настоящего времени. Художники реалистического, демократического направления играют и сегодня в искусстве США значительную роль. Такие мастера, как Рокуэлл Кент, Уильям Гроппер, Лозовик, Хоппер, Спайкер, Барчфильд, Рафаэль Сойер, И. Олинский, Уаткинс, Рефрежье, Чарльз Уайт и Эрнест Кричлоу, продолжают развивать реалистические традиции.

На выставке в нашем музее наиболее полно было представлено творчество Р. Кента, выдающегося художника, писателя и неутомимого борца за мир, проникнутое гуманизмом и светлой верой в человека.

Я уверен, что американские и советские деятели искусств, работники художественных музеев многое могут сделать, чтобы наши народы лучше знали друг друга. Различия в государственном и социально-экономическом строе не могут помешать нам общаться, организовывать художественные выставки, спорить по принципиальным вопросам искусства.

Опыт показывает, что культурные связи между СССР и США способствуют разрядке напряженности и обеспечению мира. Громадное поле культурной деятельности лежит перед нашими великими народами.

Два стихотворения

Лэнгстон ХЬЮЗ (США)

Рисунки Р. Вольского.

Угнетение

Теперь мечты
Не дозволены
Мечтателям,
А песни —
Певцам.

В стольких странах
Темная ночь,
И холодная сталь
О головы сейчас тупится,
Но мечта
Победит,
И песнь зазвучит,
И стены тюрем
Расступятся.

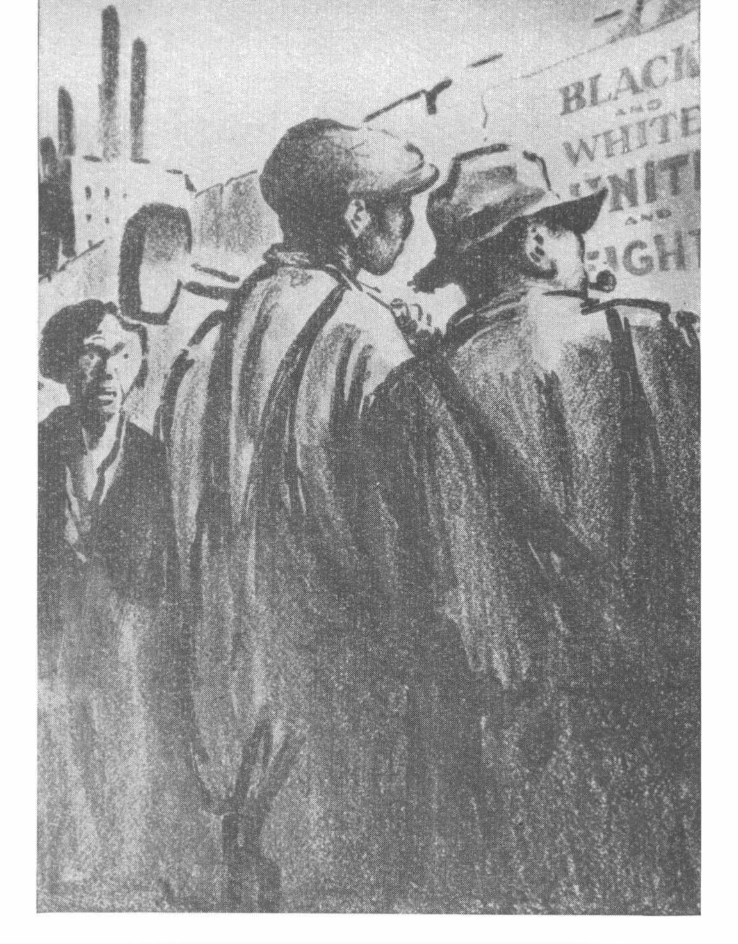
Свежа память

Вот было времечко — война!
Деньги текли в карман,
Кровь текла из ран.

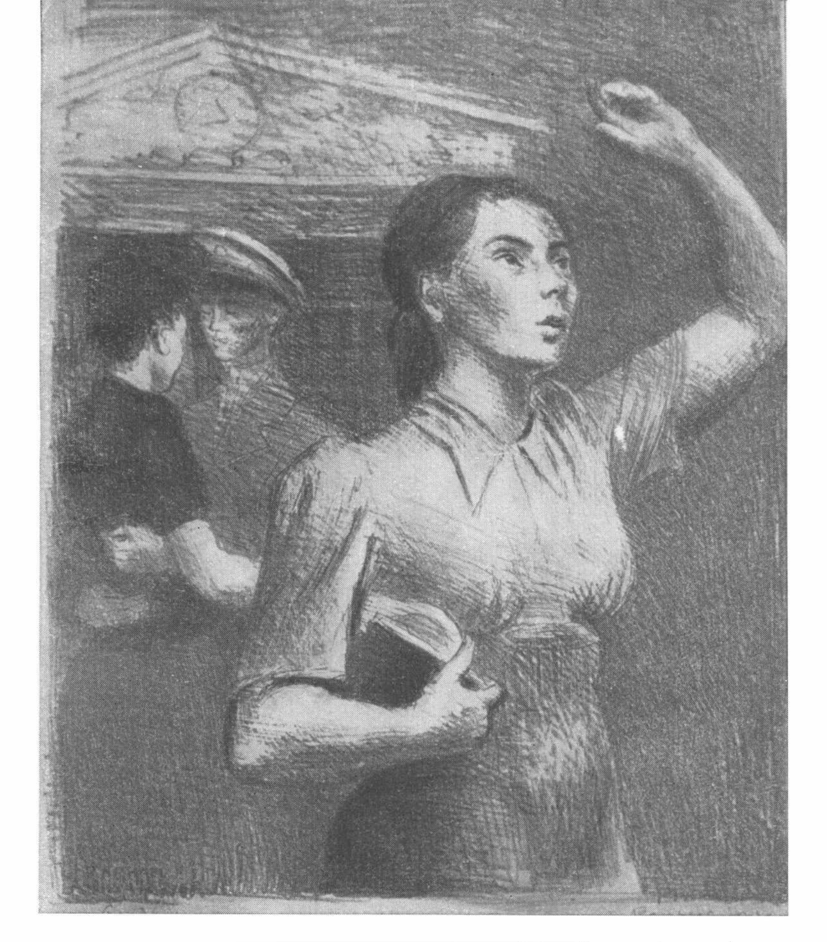
Но кровь
лилась далеко
от нас.

Деньги — близко.

Перевел с английского
Иван КАШКИН.

Фред Эллис (род. в 1886 году). ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ ДЛЯ БОРЬБЫ! Литография, карандаш и тушь.

Рафаэль Сойер (род. в 1899 году). ДО СВИДАНИЯ. Литография.

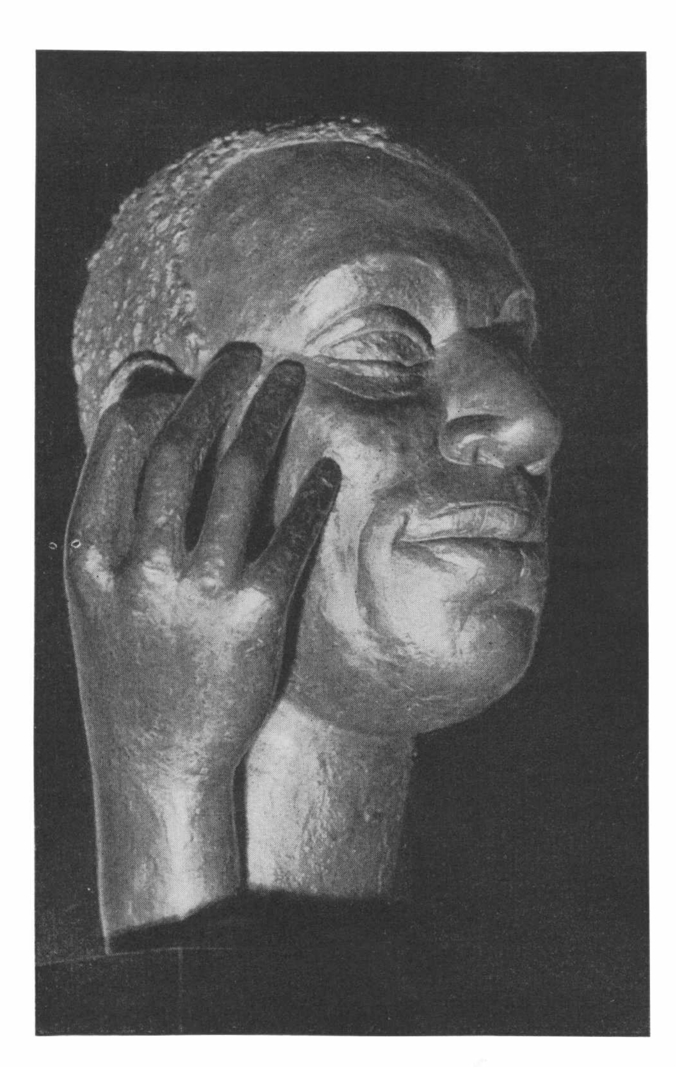
ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ АМЕРИКАНСКИХ ХУДОЖНИКОВ

Рокуэлл Кент (род. в 1882 году). ПРИБЛИЖЕНИЕ БУРИ. Государственный Эрмитаж.

Бенджамин Уэст (1738—1820). ВЕНЕРА УТЕШАЕТ АМУРА, УЖАЛЕННОГО ПЧЕЛОЙ.
Государственный Эрмитаж.

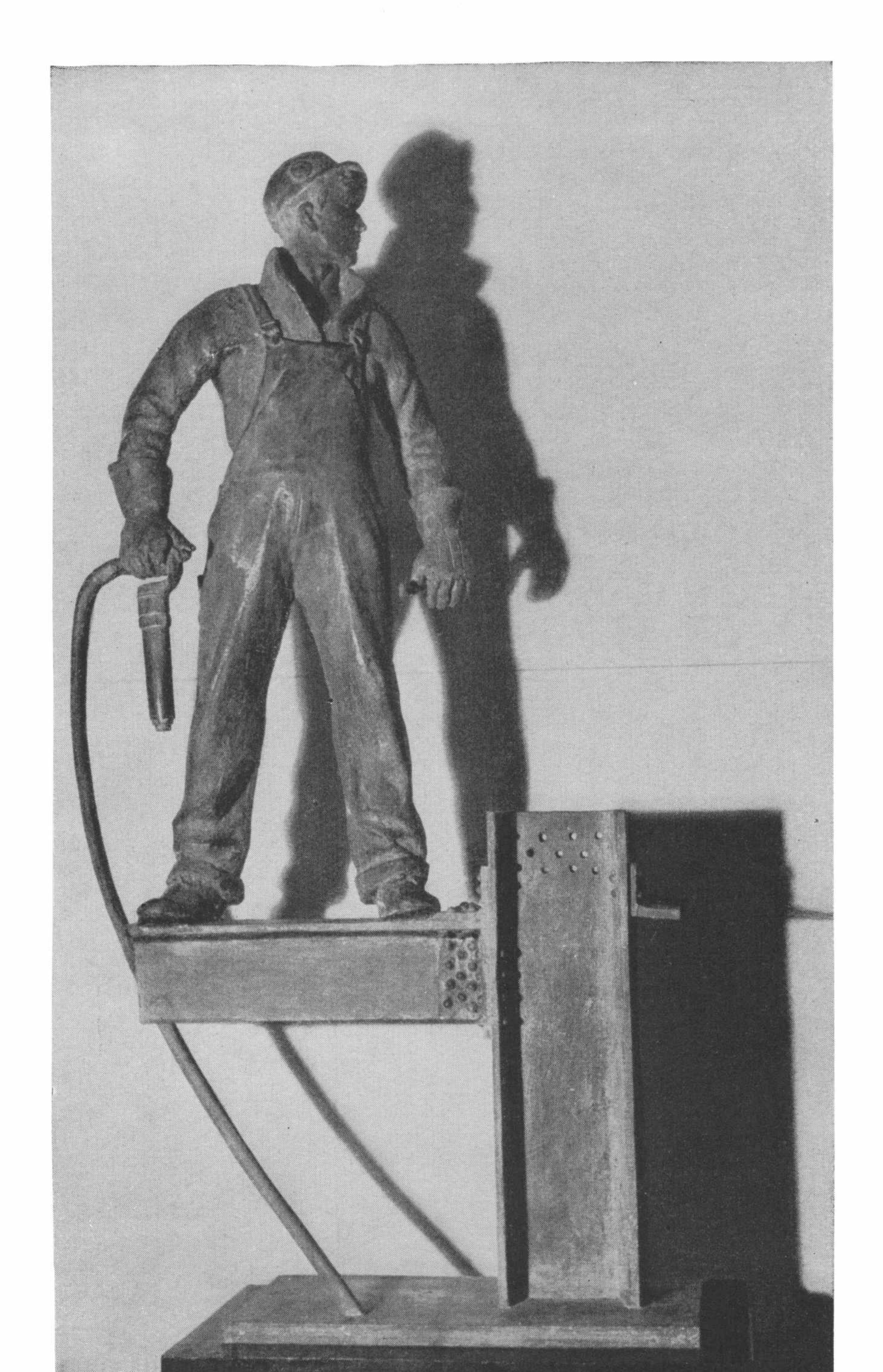
Гилберт Стюарт (1755—1828). ПОРТРЕТ Е. И. ДАШКОВОЙ.
Государственный Эрмитаж.

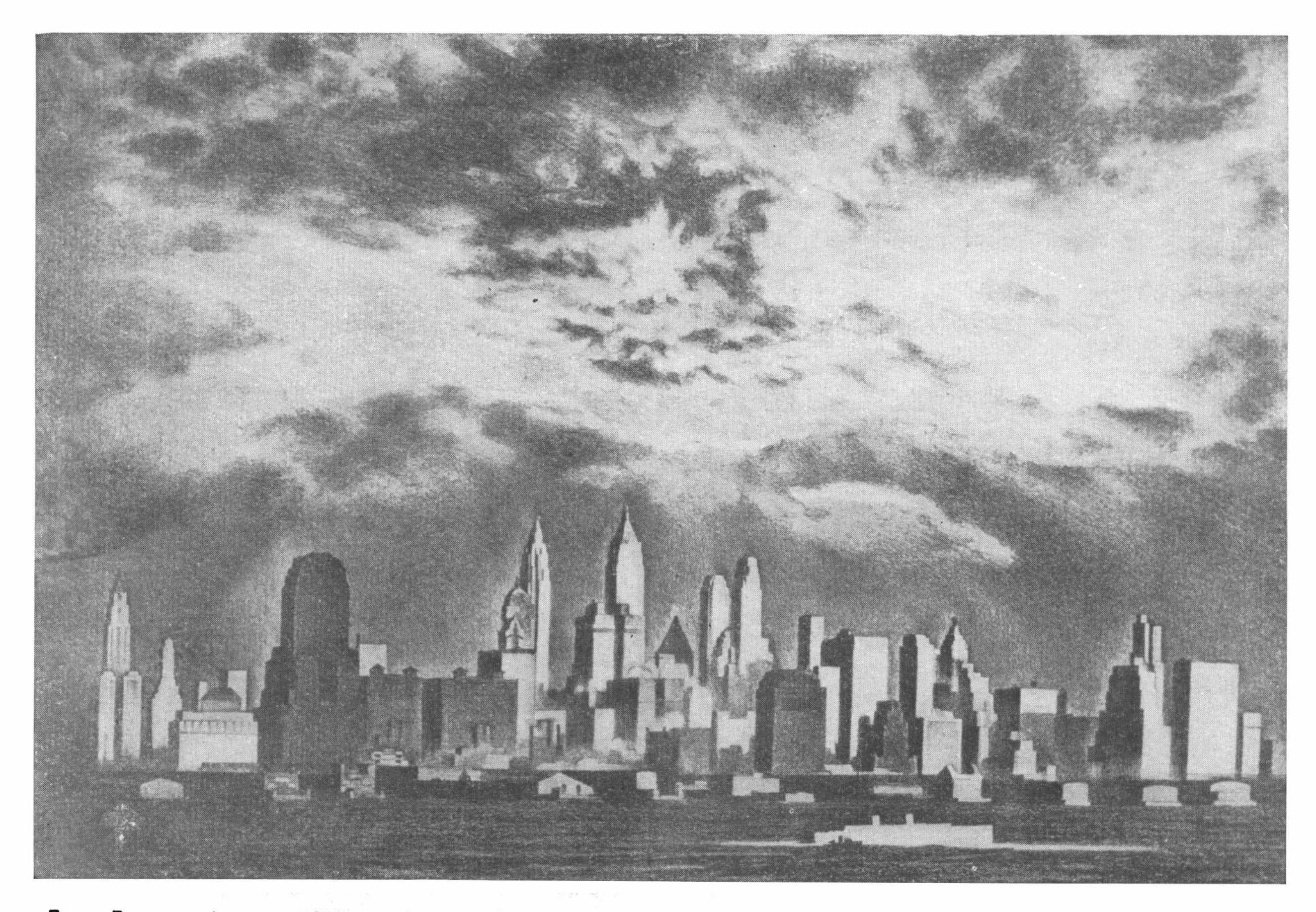
Джемс Макнейл Уистлер (1834—1903). МОРСКОЙ СМОТР В САУТХЕМПТОНЕ. Акварель. Государственный Эрмитаж.

Минна Гаркави (род. в 1895 году). ПОРТРЕТ КОМПОЗИТОРА ДЖОНСОНА. Бронза.

Пауль Херцель (род. в 1876 г.). СТРОИТЕЛЬ НЕБОСКРЕБОВ. Гипс. Государственный Эрмитаж.

Луис Лозовик (род. в 1892 году). НЬЮ-ЙОРК. Литография.

Франк Керк (род. в 1889 году). ЖИЛИЩЕ БЕДНОТЫ.

Государственный Эрмитаж.

ЯРОСЛАВ ЧИЖ И ГОСТИ

Георгий РАДОВ

Продолжение. Начало на 2-й странице обложки.

А говорит он на чистейшем и сочнейшем, притом украинском языке, вполне, видимо, зная цену и его певучести, и юмору, и меткости определений.

Рассказывал о том, как это невыгодно — строить хоромы для свиней, и заметил:

— Та в них же одной квартплаты по двисти карбованцев с головы!..

...Мы стояли у свинарника. Чижа окружили люди, а он что-то весело рассказывал им, по-ораторски взмахивая рукой. И могло показаться, что вот он, светящийся, довольный государственным признанием, красуется перед людьми, купается в лучах собственной славы.

Ох, купается ли?! Я знал, что Чиж накануне поднялся в четыре часа утра, наскоро нацепил рабочую «робу» и помчался на ферму. Он задал корм, воду, почистил помещение и еле успел это сделать, как появились первые гости. Двенадцать раз в этот день он выступал с речами, раз сорок, не меньше, «индивидуально» и мелкими группами водил гостей к себе в свинарник, и показывал, и рассказывал, а потом отвечал на письма и давал интервью корреспондентам и, так и не пообедав, уже поздним вечером вновь добрался до свинарника, чтобы управиться со свиньями: их же на его попечении пятьсот, прожорливых животных!

Нет, вовсе это не легкая штука — бремя славы! Так почему же он так внимателен, Чиж, к каждому гостю, почему он так безотказен, почему так весел, хотя приходится ему совсем не легко?

II

Вот чего не забудьте: он родился через шесть лет после Октябрьской революции, но батрачил до шестнадцати лет!

Тут у нас уже были и бесплатные школы, и институты со стипендиями, и колхозы, и платные отпуска, а там...

Там, за стертой теперь границей, были тогда и живые жандармы, и паны, и «пидпанки», и безземельные, и безлошадные...

Там Семен Чиж, батько Ярослава, не имел ни земли, ни справной хаты, ни коня, ни коровы. С малыми сынами он батрачил у помещиков, и его и сынов могли в любой миг лишить и работы и хлеба...

И вот первый просвет — осенью тридцать девятого года пришла Красная Армия. И тотчас же у Семена Чижа появились и земля, и хата, и корова. И тотчас же семнадцатилетнего Ярослава послали на курсы трактористов.

Курсы трактористов... Какое это привычное и даже будничное понятие для нашей молодежи! Иной слюнявый недоросточек, вкушающий как должное все, что заслужено кровью и потом отцов, еще и носом поведет: «По-думаешь, радость — курсы!» Но представьте себе, молодые читатели, чем они были, эти курсы, для батрацкого сына Ярослава Чижа!

Ему не удалось доучиться. Вновь мутная волна захлестнула Львовщину — пришли немцы. И невесть откуда взялась трижды клятая монашка, бывшая хозяйка хаты, и Семена Чижа потащили в гестапо...

А когда навсегда ступила на Львовщину Советская власть, Ярославу Чижу шел уже двадцать второй год!

Девятнадцать лет — все детство, всю юность — он прожил в страшном мире «свободного предпринимательства», где человек волен идти по миру либо помирать с голодухи. Этот «свободный» мир одарил Чижа рано надорванным здоровьем и неграмотностью. Но он же, этот мир, наделил его еще одним — ненавистью. Когда при нем в конторе сказали, что кто-то из односельчан получил посылку — несколько жалких тряпок — от западных «благодетелей», вы бы видели, как потемнели, как насталились обычно веселые глаза Ярослава Чижа!

— Принимать звидтиля подарунки?! — гневно воскликнул он, и с таким леденящим презрением к этому «звидтиля» прозвучали эти слова, что все притихли, а нам припомнилось, как сказал о Чиже Никита Сергеевич Хрущев: «Такой человек сумеет постоять за честь нашей Родины и в окружении врагов, а не только при разъяснении своих успехов друзьям».

А разъясняя успехи друзьям, Чиж повторяет и повторяет:

— Мене зробили Героем партия та радянська власть...

Тут не просто скромность. Тут признание истины.

Чижа «нашли» золочевские коммунисты, они открыли и поддержали его талант. Его трудовое усердие и дарование оратора приметил, будучи на Львовщине, Анастас Иванович Микоян. Его оценил по достоинству выдающийся знаток и разыскатель народных талантов Никита Сергеевич Хрущев. Он был в конце прошлого года в Золочеве...

III

Золочев — небольшой западноукраинский городок — до недавней поры был центром отстающего района. Один из его прежних руководителей все удивлялся: «Не зрозумию, що це таке: и земли чорни и ривни, а не родять». Но вот партийную организацию возглавил знающий, опытный человек — Николай Афанасьевич Постников, в колхозы пришли грамотные председатели, и «чорни и ривни» земли (кстати, не очень-то «ривни») вдруг стали родить, да еще и как родить!

А в прошлом году жизнь устроила не очень обычную проверку прочности золочевских успехов. К Золочеву присоединили соседний, Поморянский район, а эти поморяне почти неизменно занимали тридцать второе место в областных сводках и казались решительно безнадежными. Но прошел год...

Прошел год, и поморянские колхозы поравнялись с золочевскими. Да, поравнялись! Живая, горячая кровь передового района, перелившись к отсталому соседу, заставила застучать и его одряхлевшее было сердце. Золочевцы бросили на поморянскую «территорию» и лучшие свои кадры, и опыт, и культуру хозяйствования и одним рывком — за год! — вытащили отстающих.

— О, у золочевцев тот стиль! — говорили мне знакомые киевляне.

Что же это за стиль?

— Ты дывысь! — с гордостью за свой район говорил Чиж.— У нас же все учатся! Микола Афанасьевич, наш секретарь, безотрывно от праци кончил институт, и Петро Максимович, наш председатель,— заочник, и инши председатели... А раз учение — значит, наука, а раз наука — значит, мудрость...

Да, хозяйская мудрость — вот что прежде всего отличает золочевцев. Тут по-настоящему, а не для проформы оценили кукурузу, и благодарная «королева» вознаградила район урожаями в шестьсот, в восемьсот, в тысячу центнеров зеленой массы и молочно-восковых початков с гектара! И тут же вовремя поняли, что на одной кукурузе — без белков — скота не выкормишь, и, пока нет еще мочевины (искусственного белка), взялись за озимую вику, великолепный белковый корм. А ведь ее, вику-то, и не знали как следует в этих местах!

Но есть и другая, человеческая сторона здешнего стиля.

— Ты дывысь (очень уж тут любят это назидательное «ты дывысь»)! — рассказывал мне бригадир в селе Струтень.— У нас так: раз треба двинуть якую-то справу — зараз же шукают людыну для опоры. Все через людей! Нужно було пиднять кукурузу — нашли свою Долинюк...

Да, знаменитая кукурузница Евгения Долинюк живет не в Золочеве, но тут нашли «свою Долинюк», Ганну Когус, и пособили ей, и женщина эта стала первой звеньевой-тысячницей. А потом на маячный этот огонек двинулись поднятые коммунистами сто шестьдесят других звеньев района! Так, «через людей», опираясь на «людыну», коммунисты справились с кукурузным фронтом. А когда надо было удешевить кукурузу, тут опять-таки нашли "своего Гиталова", тракториста Павла Фурду, и он, этот «свой Гиталов», дал образец — начисто изгнал ручной труд с кукурузного поля. А нынче, следуя за «своим Гиталовым», шестьдесят шесть трактористов района сами выходили всю кукурузу и высвободили для других работ две с половиной тысячи колхозников! А когда надо было удешевить свинину, коммунисты

— Заглянем в завтрашний день, Ярослав Семенович!

Секретарь Золочевского горкома партии Н. А. Постников, председатель колхоза имени Шевченко П. М. Бондарь и Я. С. Чиж.

Фото Н. Козловского.

— Наш метод простой, товарищи! — Ярослав Чиж выступает перед гостями из Тернопольской области.

«нашли» Ярослава Чижа и Софью Шутяк. Впрочем, Чиж...

— Чиж такой, что он бы и сам нашелся! — весело сказал нам колхозный председатель Петро Максимович Бондарь.— У нашего Чижа характер...

Верно, характер, и проявился-то он, этот характер, задолго до того, как Чиж стал всесоюзно известен. Вы смотрите... После армии Ярослав поступил забойщиком на шахту, причем не на механизированную донбасскую шахту, а на местную, старую, и работал с таким запалом, что вскоре его приняли в партию и выбрали членом партийного бюро. Потом, воротившись в село, он был председателем сельсовета, но как только коммунисты взялись за свиноводство, Чиж отложил председательский «портфель» и без всяких «суперечек» принял трудную, запущенную ферму. А когда оказалось, что свинина дорога и ее надо удешевлять, Чиж отложил и этот «руководящий портфель» и стал свинарем, заменив десять колхозников! А потом твердый характер и государственный подход Чижа проявились в том, что он, достигнув высокого заработка, сам потребовал пересмотреть расценки...

Теперь он Герой Социалистического Труда, чья речь с высокой трибуны Пленума ЦК прозвучала на всю страну, и сотни гостей едут к нему за умом-разумом...

IV

И что же они видят, гости, тут, у Чижа, в не лучшем, заметим, колхозе Золочевского района?

— Ну и справа! — жаловался мне сбитый, как говорится, с панталыку дядько в длинном, до пят пальто.— Забрався я за тыщу километров, думав, тут щось таке, а тут же нема ничого видного...

Ну, о том, стоило ли этому дядьке «забираться» за тысячу верст, мы еще поговорим, а вот что «видного нема» — так тут уж ничего не попишешь. Чего «нема», того «нема»...

...Помню, года три тому назад в станице Павловской, за Ростовом, секретарь райкома партии показывал нам, журналистам, свинофабрику. Не ферму, а фабрику. Так он и назвал этот городок из каменных строений. Там все было помпезно: и огромные толстостенные корпуса, и двухэтажная кормокухня с колоннами, и, кстати сказать, затраты: городок обходился колхозу в несколько миллионов рублей, и, случись при этом Ярослав Чиж, он бы, к посрамлению секретаря, живо подсчитал, во сколько сотен рублей на голову обошлась тут свинячья «квартплата». Но то было три года назад, и тогда, признаюсь, нам тоже понравилась фабрика. А минувшим летом, когда мы с тем же секретарем райкома проезжали мимо этой готовой фабрики, он только вздохнул:

— Детская болезнь! Загибы...

И, не притормаживая машину, провез нас мимо «детской болезни» в другой городок; там стояли легкие низенькие строения из жердей, обложенные тюками соломы. Оказывается, именно этот ненарядный свинячий лагерь и был «на сегодняшний день» гордостью района. Тут при баснословно малых затратах откармливали больше свиней, чем на фабрике, поставленной явно в расчете на объективы корреспондентских фотоаппаратов.

«Ничего видного»... А ведь, если подумаешь, это и есть самая важная черточка современного крестьянского бытия: колхозы шагают от показного к практичному, от дорогого к дешевому!

И у Чижа, в селе под Золочевом, не стали строить хоромы для откорма свиней, а взяли да поставили вдоль старого свинарника еще одну стенку. И накрыли пристроечку дешевой кровлей. И впустили в эту копеечную пристройку полтысячи свиней. А на выгульном дворе поставили самокормушки и засыпали их сухим кормом. Сухим, заметьте! Годочков пяток назад это «сухокормление» вызвало бы сущий переполох в ученых кругах. В науке-то дело доходило до ресторанных меню для свиней! На выставках и в учебниках строжайше предлагали кормить свиней супами, кашами, киселями... Но, как верно заметил Чиж, «когда природа выдумляла свиню, ресторанов не було». Он сломал кормокухню, и «оказалось», что свинья аппетитнейше потребляет сухую пищу: дробленую кукурузу, дерть, комбикорм, сырой картофель.

Но что же, вы спросите, тут особенного? А то особенное, что новая технология несказанно облегчила труд свинарей! Не надо ни варить, ни парить, не надо и разносить корма по узким клеткам и раскладывать их по «персональным» кормушкам. Засыпь комбикорм в самокормушку, и свиньи вполне самостоятельно, без всяких расписаний будут себе питаться в охотку! И там, где еле управлялись пять, а то и десять свинарей, теперь орудует один свинарь, Ярослав Чиж...

Дешево, просто, удобно, и на все «изучение» чижовского метода надо не более получаса...

Правда, есть еще «особенное», но оно относится не столько к методу, сколько к облику Ярослава Чижа. Он отчитывается (вот он, характер!) не полным весом откормленных свиней, а привесом! Вес поросят, полученных им для откорма из чужих рук, он отбрасывает: "Це не мое!" Это и есть тот самый «товар лицом», о котором он говорил на Пленуме ЦК партии! Честнейшая арифметика, которую, ей-же-ей, следовало бы ввести во всех хозяйствах...

Но гости, гости... Зачем они едут, гости?

— Замучают человека! — с горечью сказал Петро Максимович Бондарь, глядя на Чижа, окруженного людской толпой.— По сотне в день, а то и по две сотни! А ему ж учиться? И работать! Он же обязательство взял на Пленуме, еще и какое! В том году он выходил, считайте, шестьсот центнеров свинины по двести двадцать четыре карбованца за центнер, а зараз-то замахнулся на тысячу! Тысячу центнеров по двести карбованцев — шутка? Это ж думать надо! А когда ему думать? И зачем едут по тридцать человек из района? Ну, послали бы одного зоотехника либо свинаря. Или бы он не разобрался?

Рядом с нами стоял красавец бригадир в полушубке. Свел разлатые брови, заметил:

— Еще добре, когда на пользу съезджат. А то явятся целой компанией, съедят во Львове по шашлыку, запьют вином, а возвернутся, поставят в отчете галочку, и байдуже. Мало таких туристов?

Это было сказано зло, и, может, не стоило загодя обижать людей, которых погнал за тысячи верст живой интерес к новому. Но пусть поверят товарищи, которые шумными компаниями садятся в дальние поезда и берут билеты до станции Золочев. Пусть поверят они: опыт Чижа так предельно прост и ясен, что им можно овладеть без всяких экскурсий. Великолепный оратор, умница, Ярослав Чиж так доходчиво и исчерпывающе сказал об этом опыте и в «Правде» и на Пленуме ЦК, что к его словам не прибавишь ни буковки.

Так что не докучайте Чижу без надобности, товарищи из дальних и ближних краев! Не тратьте время и деньги на веселые прогулки во Львов! Берите в руки «Правду», перечитывайте выступления Чижа, и скорее, скорее, не мешкая, гоните дешевую свинину! А еще оглянитесь окрест: нет ли у вас поблизости, как сказал Ярослав Семенович, «своих Чижей»? Да непременно же они есть поблизости! В минувшем году я видел точно такую, как у Чижа, технологию свинооткорма и в алтайском племхозе «Катунь», и в станице Платнировской, на Кубани, и в Высокополье, на Херсонщине... А разве калужанин Петр Шаршавенков — это не Чиж? А калининская свинарка Валентина Белова? А омская Татьяна Перешивко? А одессит Константин Балан? А латыш Антон Бартулис? Да это же счастье наше, что нога в ногу с Чижом зашагали сотни борцов за дешевое мясо, и этим счастьем надо пользоваться!

Да и вообще не пора ли задуматься над пользой дальних вояжей за опытом? Нет ли на них следов той распроклятой «показухи», которая вьется вокруг живого дела, как заразиха вокруг подсолнуха?! Почему на заводах довольствуются печатной технической информацией и только в сложных случаях посылают человека для личного изучения? И опять-таки человека, а не целую свадьбу! Почему же ходоки из колхозов такими компаниями катаются по стране? В прошлом году в Пятигорск глянуть на беспривязное содержание коров приезжало около пятнадцати тысяч гостей! Даже с Дальнего Востока примчалась делегация! Были потрачены миллионы рублей на командировки, а ведь простой и доступный опыт пятигорцев был детальнейше, с чертежами описан и в газетах, и в журналах, и в плакатах, и в инструкциях!

Это все отметили: Чиж как бы повзрослел, побывав на Пленуме ЦК партии. В те редкие минуты, когда гости не тревожат его, он задумчив, рассеян, точно весь ушел в какие-то свои неотступные думы. Что заботит его? Ответственность? Новый замах? Или поступь тех, кто стремится, по словам Никиты Сергеевича, поймать Чижа за хвост?

Нет, не только азарт соревнования заботит Чижа.

— Машин нема! — сказал он както с горечью.— Кабы машины!

Об этом он говорил и на Пленуме. Кабы поскорей дала промышленность механизмы для ферм! Ведь и сегодня знатный свинарь работает вручную. Нечем, кроме ведра, заполнить самокормушки, нечем убрать помещение. Были б машины — еще б дешевле вышла свинина! Слышите, товарищи машиностроители, какой сильной подмоги ждет от вас возмужавшая деревня?

...Простившись с Чижом, мы под вечер возвращались в Золочев. Выехали на большак, и из-за поворота навстречу вывернулся полнехонький грузовик. Мелькнули цветастые платки, тулупы, шапки.

— Едут,— вздохнул Бондарь,— опять едут...

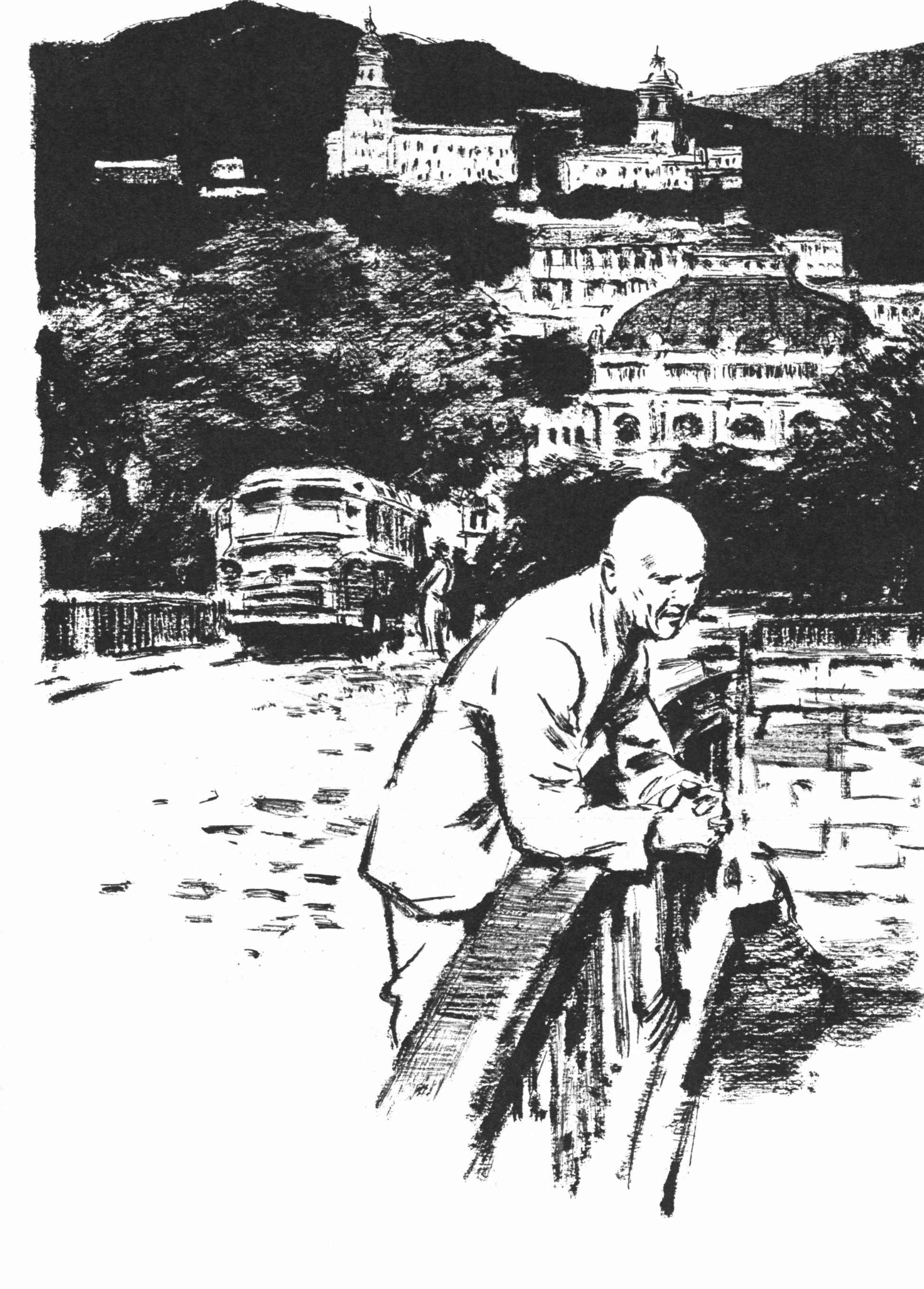
— Ничего, ничего! — подбодрил его Николай Афанасьевич Постников.— Раз едут — примем как следует! Расскажем, покажем. Такая уж наша доля...

Жарким июньским днем

Рассказ

Юрий НАГИБИН

Рисунки П. НАУМОВА.

Высокая стеклянная дверь водолечебницы мягко закрылась за генералом. Он с удовольствием вдохнул жаркий и свежий, пахнущий цветами воздух и легко сбежал по ступенькам белой, под мрамор лестницы.

Хорошо, что первой процедурой у него был подводный массаж: он будто сразу скинул с плеч добрый десяток лет. Отличная процедура, и делают ее здесь, в Лазнях, как нигде. Массажист, здоровенный парень с руками гориллы, в густой черной шерсти, вертел его в ванне, как ребенка, надраивая тело жесткой струей из шланга. Мастерская работа, она вернула былую крепость мышцам генерала.

Отдых и лечение начинались самым лучшим образом. Он получил отличный номер, выходивший окнами на теневую сторону, за два дня прошел все необходимые исследования и выслушал уверенное заявление врача: «Печенку мы вам наладим»,— получил как раз те процедуры, какие ему хотелось, уже завязал несколько приятных знакомств, а на танцах единодушно был признан первым кавалером.

Довольный собой, ровным, неспешным шагом он шел вдоль каменного парапета набережной, в легком, ладно сшитом чесучовом костюме, и прохожие женщины, встречаясь с ним взглядом, невольно улыбались этому пожилому человеку, сохранившему силу мужского обаяния.

Генералу было шестьдесят два года, но давали ему всегда больше, и вовсе не потому, что он выглядел старше своих лет. Напротив, по виду ему нельзя было дать больше пятидесяти. Среднего роста, прямой и плечистый, с гладко выбритой хорошей формы головой, он не носил ни бороды, ни усов. Смуглое чистое лицо с узким фасом и широким профилем было тронуто морщинами лишь на лбу и в углах глаз. Он легко и ловко двигался, не теряя при этом всегдашней веской солидности. Словом, он выглядел прекрасно, и если люди считали его старше, чем он был на самом деле, то лишь в силу того, что принимали его за генерала еще царской службы. Его немного подчеркнутая выправка, солидность, доходившая до сановитости, вежливость, отдававшая старомодной любезностью, обличали в нем для окружающих генерала старой школы. Ему это казалось забавным, и он нарочно усиливал невесть как создавшееся сходство. Этой маленькой, безобидной игрой он занялся, когда вышел в отставку и ощутил избыток времени, нуждавшегося в заполнении. Надо было чем-то развлекать себя, вот он и развлекался в свободное от писания своих военных воспоминаний время.

Странно, что люди, знавшие его настоящий возраст, все равно считали его старым генералом. Придуманный образ был сильнее и живучей очевидности, по которой выходило, что революция застала его двадцатилетним. Он был тогда на германском фронте, командовал броневиком в чине прапорщика. Свой первый офицерский чин он заслужил на передовой. Сын телеграфиста, только что окончивший гимназию, он попал на фронт рядовым. Он был участником революции, прошел всю гражданскую войну и навсегда связал себя с Красной Армией. В пору Отечественной войны занимал ряд штабных должностей, а под конец командовал танковой дивизией. Участвовал в освобождении Праги и по пути к чешской столице слизнул бронированным языком одной из своих бригад и эти вот Лазни, курортный городок, лежащий в ущелье гор. Он лично провел операцию, интересную тем, что высшее командование сомневалось в возможности овладеть городком с помощью танков. Но его танки, одолев высокие, размытые по весне кручи гор, с трех сторон ворвались в городок и захватили врасплох гарнизон противника. Эта операция принесла ему славу, уважение военных кругов, звание генерал-лейтенанта. После войны болезнь печени заставила его выйти в отставку раньше, чем он намеревался. Эта же болезнь привела его в Лазни, которые теперь должны были освободить своего освободителя от хворостей...

Генерал направлялся к центру города, и путь его шел вдоль мелководной быстрой Светлы. Река бежала ему навстречу, спотыкаясь на больших гладких камнях, выстилавших дно. Там, где не было камней, темнели длинные распластанные водоросли. Светла тщетно пыталась утянуть их следом за собой. Меж камней и водорослей шныряли форели, на отвесных, одетых в гранит берегах пристроились

рыболовы. Генерал подошел к одному из них, как раз снимавшему с крючка маленькую форель с пятнистой спинкой. Рыболов, краснолицый старик в зеленой тирольской куртке, зеленых суконных штанах, заправленных в короткие резиновые сапоги, и зеленой шляпе с перышком, осторожно отцеплял крючок от выпяченной рыбьей губы. Потом он пустил ее в реку. Форель немного постояла у самого берега, словно не веря в свое освобождение, вильнула гибким телом и скрылась в водорослях. «Молодец, мелочь не берет!» — одобрил про себя генерал, сам страстный рыболов. Старик взмахнул красным нейлоновым удилищем и сразу повел к берегу довольно крупную рыбу. «Везет!» — азартно подумал генерал и перегнулся через перила, чтобы получше рассмотреть добычу.

Держа форель в левой, смоченной в воде руке, старик свободной рукой достал из кармана куртки линейку и, не прикасаясь к нежному телу рыбы, смерил ее. Рыба была чуть короче линейки. Старик сунул линейку в карман, наклонился и выпустил форель.

— Что вы делаете? — не выдержав, закричал генерал.

Старик повернул голову, улыбнулся беззубым ртом и что-то сказал по-чешски.

— Не понимаю, я русский!..

— Нужно дрейсиг сантиметр, а он ахт унд цванциг сантиметр,— сказал «по-русски» старик.

«Удивительный народ!» — думал генерал, продолжая свою прогулку, и решил отказаться от лицензии на лов форелей, которую ему вчера предлагал директор санатория.

Узкая прямая асфальтированная улица, по которой шел генерал, была зажата между рекой и отвесной кручей, поросшей старыми буками с гладкими, серебристыми стволами. Буки накрыли улицу прохладной сумрачной тенью, изредка прорезаемой слепяще золотыми просветами. Приятны были эти короткие ожоги солнца, тут же остужаемые мягкой, чуть сыроватой от реки прохладой. Кое-где кирпичная кладка предохраняла кручу от оползания, и там неизменно оказывались мраморные доски с барельефными профилями и высказываниями великих людей, некогда посетивших Лазни. Гёте, Бетховен, Дворжак, актриса императорских театров Савина и другие знаменитости благодарили Лазни за целительную силу здешних источников. Великаны открывались со своей интимной, ущербной человеческой стороны. Оказывается, они тоже мучились и печенью, и желчным пузырем, и несварением желудка — так, кажется, назывался тогда гастрит — и с доверчивостью простых смертных искали спасения во всемогущем «Шпруделе».

Напротив входа в фуникулер, связывающий санаторий «Континенталь» с водолечебницей, через реку перекинулся легкий металлический мостик. У перил стояли двое детей: мальчик и девочка. На них были одинаковые ярко-клетчатые рубашки с короткими рукавами, клетчатые носки до колен, перлоновые туфли на толстой подошве, на мальчике — замшевые в обтяжку штаны с красными шнурами, на девочке — короткая фланелевая юбочка. Мальчик, коренастый крепыш с облупившимся носом и побитыми коленками, был непримечателен, обыкновенный здоровый мальчишка. А девочка поражала, как чудо: смугло-румяная, с огромными глазами, полными синевы и блеска, тонкая и сильная, гибко-напряженная, звереныш и птица, ребенок и женщина... Завидев генерала, дети подбежали к нему, и девочка с отчаянным вызовом, в упор спросила:

— Вы генерал?

— Да,— улыбнулся генерал.— А как ты догадалась?

— Я выиграла, выиграла! — Девочка захлопала в ладоши.— Я всегда угадываю! — В ее произношении почти не чувствовалось акцента.

— Ты хорошо говоришь по-русски,— заметил генерал.

— Я посещаю академию русского языка,— важно сказала девочка.

— Академию?..

— Это курсы, они называются академией,— сказал мальчик. Он говорил еще чище девочки.

— Молодцы! — похвалил генерал.— Но почему все-таки вы угадали, кто я?

— Это я угадала! — воскликнула девочка.— А он думал, что вы артист.

— Заслуженный артист,— поправил мальчик.

— Так как же ты догадалась? — снова спросил генерал.

Девочка кинула быстрый взгляд на своего приятеля, отбежала в сторону и поманила генерала пальцем. А когда он приблизился, стала на носки и шепнула ему на ухо, тронув его лицо нежным, теплым дыханием:

— Взгляд!..— Девочка отстранилась, резко вскинула ресницы, и глаза ее сверкнули.— Шаг...— Она оттянула носок туфли и с ватно-мягким звуком впечатала нейлоновую подошву в подтаявший асфальт.—И...— Она замялась, потом выгнула стройную спину и отвела плечи.

— Выправка,— подсказал генерал.

— Да, да! Выправка!..

— Ну, что же, портрет хорош! — Генерал рассмеялся, пожал маленькую крепкую руку девочки и пошел дальше...

«Зря я не сказал этим детям, что участвовал в освобождении их города,— думал он некоторое время спустя.— Скромность помешала?.. Да разве тут во мне дело! Я бы сказал о танкистах, перемахнувших горы на своих «тридцатьчетверках», чтоб эти дети выросли свободными, чтобы они могли вот так, доверчиво, без страха, бросаться навстречу посторонним, незнакомым людям, не задумываясь над тем,

кто они по крови и званию. Во всяком случае, сержант Васюта, первый ворвавшийся в город и сгоревший в танке на Рыночной площади, заслуживает, чтобы о нем знала эта чудесная девчонка».

Генерал досадовал на себя за излишнюю сдержанность, и вместе с тем в нем поднялось какое-то особенно теплое чувство к небольшому курортному городку, так тесно связанному с его судьбой, к его людям, нарядным улицам, открывшимся за изгибом Светлы, к бесчисленным, из стекла и светлого камня отелям, красивым витринам, летним кафе с крошечными мраморными столиками под розовыми, желтыми, голубыми зонтами, к легкой праздничности, разлитой над ним, как солнце.

Было очень жарко. Каштаны, высаженные вдоль тротуаров, не давали тени. Жаром дышали стены домов и подтаявший асфальт, на нем даже легкие «Шкоды» оставляли зубчатый, дегтярной черноты след; жаром палило от витрин, где жарко сверкало витое и гладкое чешское стекло, светлый и черный чешский хрусталь; матово поблескивала чешская керамика (каждый кувшин, что жаровня!) и чешская майолика (попробуй коснуться раскаленной глади!), и страшновато было глядеть на шерстяные джемперы и кофточки, яркие лыжные костюмы, драповые пальто и прорезиненные макинтоши. А гигантское, похожее на вокзал, с вокзальной стеклянной крышей здание городских ванн, облицованное снизу доверху толстым камнем, казалось адовой кухней: столько жары скопило оно вокруг себя. «Хорошо, что я поселился наверху! — думал генерал.— Одно дело — спуститься на часок в это пекло, другое — жить здесь постоянно...»

Его потянуло к воде; он пересек улицу и ступил на мост. Множество любопытных, свесившись через перила, глазело на крупных форелей, кишащих под мостом. Да, эти рыбы были не чета тем, что ловил зеленый, как куст, старик. Здесь бы ему не понадобилась линейка. Какой-то подросток кидал форелям хлеб. Рыбы устремлялись к плавающим на поверхности кусочкам, тыкались снизу острыми мордами и разочарованно отплывали прочь.

Генерал взял из рук подростка остаток булки, тонкими сильными пальцами смял мякиш в плотный шарик и кинул в реку. Шарик тут же стал тонуть, но, прежде чем он достиг дна, его склевала форель.

— Они не могут брать хлеб с поверхности,— пояснил генерал и зашагал дальше.

Он вошел в улицу, тесную и сумрачную, как ущелье. Сдавленная высокими домами, улица не знала солнца, но в ее теснине сгустилась жаркая, парная духота. В светлом конце ее, в разрыве ущелья, реяло, струилось марево, прозрачное и призрачное, как тень от дыма. Генерал вынул носовой платок, вытер лицо и темя. Ничего, колоннада в двух шагах, сейчас он выпьет воды «Мельничного» источника, и ему полегчает. Он прибавил шагу и вскоре ступил под блаженно прохладную сень колоннады, где из каменного пола, дробя могучий ствол коренного «Шпруделя», били струи многочисленных источников. Женщина в белом фартуке, получив от генерала номерок, подала ему в окошко синюю кружку.

Дородная монахиня склонилась над источником, загородив его своими широкими юбками, туго обтянувшими зад, плечами грузчика, огромным крахмальным чепцом. Но вот монахиня распрямила стан, перекрестилась, что-то прошептала, прикрыв глаза, и маленькими глотками стала пить воду.

Генерал ополоснул кружку, наполнил и стал тянуть из носика горячую, припахивающую глиной воду. У соседнего источника резвилась группа молодых парней, с которыми генерал встречался в биллиардной. Они смешивали воды разных источников и пили на быстроту; это называлось «хватить ерша». Генерал подумал, что девочка, с которой он познакомился, на этот раз не угадала бы профессии парней. По неуемной веселости и ширине брюк каждый из них напоминал циркового артиста, а были они народ заводской: токарь, лекальщик и двое фрезеровщиков.

То ли это было самовнушение, то ли вода и впрямь обладала чудодейственным свойством, но генерал снова почувствовал себя свежим и бодрым и решил продолжить прогулку.

Это произошло в парке, у озерца с лебедями. Генерал долго стоял над заросшим ряской, пересохшим озерцом, посреди которого высился постамент с черным мраморным лебедем. Встопырив крылья и вытянув шею с маленькой головой, и в наклоне сохранившей гордость, лебедь словно рвался с постамента в прохладу окружающих вод. Зато живые его собратья проявляли полное равнодушие к заплесневелому, грязноватому водоему, выкипяченному солнцем. Они стояли на берегу, под кустом жасмина, зарыв головы в крылья. В них не было ни гордости, ни лебяжьей недоступности; взъерошенные, жалкие, безучастные к окружающему, они изнемогали от жары. Генерал телесно чувствовал страдание этих птиц, чувствовал, как сухи и горячи их перья, как, прожигая глазные перепонки, впивается в зрачки неумолимое солнце, как им неможется, как трудно колотятся маленькие

твердые сердца, и вдруг понял, что не мука лебедей говорит в нем, а его собственная мука. Ему нехорошо, ему очень нехорошо! Неужели прав был врач, возражавший против его поездки в Лазни?..

Да нет, сейчас все пройдет: и этот красноватый туман перед глазами, и гуд в ушах, и боль, обручем сдавившая голову. Надо только скорее в тень, в прохладу, посидеть, отдохнуть...

Он увидел под кленами беседку, увитую диким виноградом, и быстро, почти вслепую зашагал к ней. Стенка из дикого винограда делила беседку пополам: в одной половине сидели на скамье две женщины, генерал не успел их рассмотреть, другая была пуста, и он вошел туда. Здесь была тень и прохлада, клен защищал беседку от солнца, здесь был мир и покой. Генерал опустился на скамейку, расстегнул воротничок рубашки и закрыл глаза.

— Дорогая моя,— щебетал рядом молодой женский голос.— Как я рада, что встретила вас! В прошлом году мы так и не успели ни о чем толком поговорить. Вы наверху?

— Да,— ответил низкий женский голос.— Я верна «Континенталю».

— А я перебралась вниз, в «Бристоль». Тут спокойнее, тише...

— Вот не думала, что вы так гонитесь за тишиной! — с мягкой усмешкой сказал низкий голос.

— И потом тут гораздо лучше публика,— не слушая, продолжала ее собеседница.— Прошлогодние поляки опять приехали, и этот композитор из Бухареста, помните?.. Ну, бог с ним! Как вы живете, помирились с мужем?

— Да мы не ссорились.

— Но у вас там что-то было!.. Какая-то женщина...

Генерал предупреждающе кашлянул, но женщины не обратили внимания. Впрочем, и ему стало не до них: недомогание его усилилось. Кровь молотками била в виски, голова пухла от не вмешающейся в ней боли, в глазах мглистый туман, и оттуда, из мглы, тянулся к нему шеей, головой, клювом черный лебедь. И вдруг все исчезло: и лебедь, и мгла, и боль. Мир прояснел вокруг, и сладкая усталость разлилась по телу. Генерал протер глаза и глубоко, полно вздохнул. С тем точным знанием своего физического состояния, какое дает возраст, он понял, что просто перегрелся на солнце. Легкий солнечный удар. Нельзя ходить с непокрытой головой — вот и все...

На другой половине женщины вели свой разговор. Странно, все эти минуты он был слишком занят собой, чтобы не только не вслушиваться, но хотя бы слышать их голоса, а сейчас с удивлением обнаружил, что неведомо для себя знает все, о чем они говорили, пока ему было плохо.

Старшая рассказывала о своей семейной беде: ее муж спустя много лет встретил женщину, которую любил и с которой был близок еще в первые годы их брака, и эта женщина поставила себе целью оторвать его от семьи. Оказывается, он уловил даже необычную фамилию женщины: Пересашкина — и помнил фразу, которую эта Пересашкина сказала по телефону той, что рассказывала: «Я не увела Василия Петровича двадцать лет назад, я это сделаю сейчас».

«Смело!» — усмехнулся генерал и вслед за тем подумал, что не имеет права быть свидетелем этого не для посторонних ушей разговора. Он застегнул воротничок, поднялся, шагнул к выходу и вновь ощутил головокружение. Нет, он еще не совсем в порядке, надо набраться сил. В конце концов, ему дела нет до этих женщин, а им до него, и уж если та, старшая, решается доверить свое сокровенное какой-то девчонке, то он, генерал, более надежное хранилище чужих тайн. Успокоив свою совесть, генерал опустился на скамейку.

Он добросовестно пытался отвлечь себя от того, что происходило за стенкой из дикого винограда. В прозорах между обвившими беседку лозами виднелась часть площади и набережной. Там мелькали фигуры прохожих: мужчин в ярких рубашках навыпуск и вельветовых брюках, женщин в полосатых кофточках, похожих на морские тельняшки, только без рукавов и тоже чаще всего в брюках; проехал в коляске весь в пене кружев роскошный, как инфант, младенец, коляску толкала старая женщина в чешском национальном костюме: короткая, выше колен юбка колоколом, баска, по-деревенски повязанный платок; два мальчика остановились напротив и стали по очереди лизать брусок мороженого, который держал в руке один из них. Генерал наблюдал уличную жизнь, а в уши ему назойливо толкались голоса женщин. Оказывается, невозможно выключить слух: чем больше стараешься, тем хуже выходит.

— Вот вы говорите, Василий мой — большой человек... Разве в этом дело?.. Я помню, как этого большого человека лупцевали парни с нашей шахты за то, что ко мне ходил. Я тогда откатчицей работала. Ох, и били же его! Каждый день рожа в синяках. Но упрямый он был, как черт! Остудит фонари медным пятаком и опять идет...

Женщина засмеялась. Голос у нее был гу-

стой, устоявшийся, довольно низкий, а смех неожиданно звонкий, рассыпчатый, девичий.

— И добил он меня своим упорством. Я ведь его тогда не любила, я учителя любила. А учитель робкий был, оттого что много меня старше, все молчал, сторонился, хоть тоже любил. Я его после войны встретила, старенький уже, а так и не женился. Конечно, Василий Петрович победил. Хоть вы не думайте, что я сама слабая. Я тоже упрямая: если решу, обязательно по-моему выйдет. Помню, в войну, когда мужа в госпиталь в Москву привезли, не было никакой возможности до него добраться. Я тогда с девочками моими под Саранском жила. Чего только я не делала — без пропуска не пускают. А пропуск оформлять — дней десять уйдет, за это время его могут дальше эвакуировать. И поверите, поехала я в Москву в качестве дезертира. Ей-богу! Там каких-то двух дезертиров схватили, и я с ними под конвоем в одном купе поехала. Меня бывший мужнин начальник устроил. Вагон общий, пассажиры скоро проведали, что дезертиров везут, и крыли же они нас в бога и в душу! Иной раз часовой недоглядит, они дверь нараспашку и в глаза плюют! А что поделаешь? Не могу же я сказать, что жена командира и к мужу раненому пробираюсь! Ох, и натерпелась я в этом поезде, до смерти не забуду!..

Она снова засмеялась легким своим смехом.

«Молодец!» — подумал генерал и, преисполнившись душевного участия к этой незнакомой женщине, уже с откровенным интересом стал прислушиваться к разговору.

— Значит, вы любили его? — спросила молодая.

— Конечно, любила! — легко и радостно прозвучал ответ.

— И сейчас любите?

— Привыкла...— после короткого раздумья ответила старшая.

— Странно,— сказала молодая женщина.— У меня с мужем прекрасные отношения и все такое. Но если бы я узнала, что у Андрея кто-то есть, я бы часу не осталась с ним. Я ему всегда говорю: делай что хочешь, но чтобы я ничего не знала.

— Вон как!.. Вы сколько прожили?

— Почти шесть лет.

— А мы двадцать шесть. Серебряную справили. Но у нас так не заведено, чтобы тишком: не умеем. Мне в прошлом году до того невмоготу стало: я ведь баба, нормальная, здоровая баба. Я мужу сказала: «Давай, пока ты с ней, у меня будет друг дома».

— Так и сказали?..

— Ну да! А он не согласился...

Теперь засмеялась молодая женщина.

— Простите, Верочка Сергеевна,— сказала она сквозь смех.— Но правда, все это так наивно! Разве можно спрашивать о таких вещах?

— Наверное, нельзя! — Старшая добродушно усмехнулась.— Да ведь задурилась я от всех этих дел. Думаете, легко?..

— А не лучше ли, чем мучиться, взять и все оборвать?

— Оборвать?.. Если бы я одна была. А как же семья, дом, дети?

— Муж, наверное, создаст вам условия...

— Нешто я сама без рук? Да я иглой всю семью прокормлю. Десять лет пошивочной фабрикой заведую, всю жизнь и мужа и ребят обшиваю.

— Ну, а квартира?..

— Вы меня, наверное, не понимаете. При чем тут квартира, условия? Расстанься мы, Василий Петрович все сделает, чтобы семью обеспечить...

— Но, Вера Сергеевна, тогда я вас в самом деле не понимаю! Что вас держит? Должна же быть наконец женская гордость?..

— Вот! — сказала старшая.— То-то и оно, что гордость! Не могу я двадцатишестилетнюю жизнь под ноги какой-то прощелыге бросить. Не могу я, чтобы ради прихоти дом и семья рухнули. Нашему Вовке седьмой год, а и он все понимает. Каково ему об отце думаться будет? Об отце, который для него первый человек на свете! Да и перед Василием буду виновата, если его отпущу. Он же деятель, ему надо ум и сердце в порядке держать, а человек немолодой, усталый, войной побитый. Она его в два счета доконает...

— Может быть, вы пристрастны к ней?

— Какой там пристрастна! Еще в прежние годы нагляделась. Василий тогда куда моложе и крепче был, а и то сошел весь — худой, черный, дерганый, глядеть жалко... Я винить его не могла. Мы неладно тогда жили. Я техникум кончала, работала, тут еще дочка родилась, и, чего греха таить, помнился мне тот учитель. Холодная я была к мужу. Ну, Пересашкина и подсыпалась. Женщина она, конечно, видная, интересная, но характера тяжелого, нервного: на слезе, на крике. Измучился с ней Василий. Сейчас-то, конечно, все это ему забылось, а молодость помнится. Что говорить, хорошая пора — молодость, но нельзя старость ей под ноги кидать... А все же, если б не гордость моя проклятая, я бы развязалась: уж больно нелегко эту ношу тащить. Устала лошадка...

Неожиданно, как здесь частенько бывает, из сини и солнца хлынул дождь. Он с яростным шипением дробился о мостовую. Казалось, весь асфальт зацвел бледными болотными цветочками. В прозорах между виноградными лозами замелькали фигуры спасающихся от дождя людей. Промчался в коляске с поднятым лакированным верхом младенец, его нянька журавлиным шагом высоко открытых костлявых ног мерила мостовую. Странно, что никто не хотел укрыться в беседке. Генерал смотрел на бегущих людей, на дождь и думал о женщине, чей разговор он случайно подслушал.

Откуда у молодой такой бедный подход к жизни? Казалось бы, от нее скорее можно ждать бескорыстия, душевной свободы, чем от ее старшей подруги. Но, как ни странно, поэзия и свежесть были именно в ней, старшей, а не в юном существе, возросшем в ином, куда более мягком климате...

Дождь, как-то засуетившись, косой отмашью хлестнул в беседку, окропив деревянный пол, отпрянул к другой стороне улицы и, задрав ноги, по кущам каштанов, не касаясь земли, умчался прочь. Как драгоценные, засверкали капли на виноградных листьях.

— Вы по воду? — услышал генерал голос молодой женщины.

— Нет, до хаты. Я уже пила.

— У вас какой источник?

— Самый для меня подходящий — «Секрет красоты»!

— А у меня «Мельничный»; по-моему, все едино...

— Не-ет! Вы к здешней водичке так не относитесь. Это святая водичка. По себе скажу, меня эта вода на ноги ставит. Я бы, наверное, иначе не выдержала... Ну, пошли?..

Генерал быстро поднялся: женщины, выходя, могли заметить его присутствие. Но, быть может, потому, что ему хотелось их увидеть, он промешкал какие-то секунды и, выйдя из беседки, столкнулся с ними лицом к лицу.

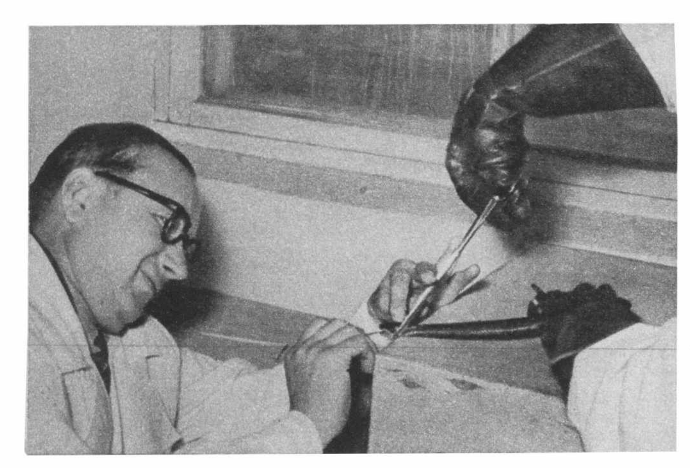
Одной было много за сорок; дородная, но статная, она подчеркнуто высоко держала массивную голову на прямой, полной и круглой шее. Четкий, сильный профиль, какие чеканят на монетах и медалях, взгляд прямой и твердый, мускулистые, крепкие ноги с большими ступнями, свободная белая одежда, не очень модная, но удобная и прохладная,— все это удивительно совпало с образом обладательницы низкого, грудного голоса, каким он сложился у генерала. Другая была тонкой, высокой, необыкновенно стройной. Покрашенные в красную медь волосы задорными, прихотливыми вихрами обрамляли маленькое, точеное личико, наполовину скрытое, как полумаской, темными пластмассовыми очками; большой, ярко накрашенный рот все время улыбался, казалось, он живет самостоятельной жизнью на этом неестественно бледном, не тронутом солнцем лице. Желтая кофточка открывала нежные плечи, синие в обтяжку брючки едва доходили до красивых, округлых икр. Держалось это тонкое, воздушное существо на острых иголочках каблуков и кончиках узких носков золоченых туфелек. Женщины обменялись рукопожатием, простецки широким и крепким с одной стороны, изящно и беспомощно-вялым — с другой.

Старшая пересекла площадь и двинулась по булыжной улице, которая, опетлив костел, круто забирала вверх. Это был нелегкий путь. Большинство курортников пользовалось фуникулером, а желавшие похудеть — каменной лестницей в триста ступенек, где на широких площадках стояли скамейки. Женщина шла, наклонив вперед верхнюю часть туловища, с силой отталкиваясь от булыжников ребром ступни. Быть может, следовало помочь ей, дать руку? Да нет, такая не нуждается в поддержке, не примет ее, похоже, что ей под силу любая круча...

Пока генерал колебался, молодая женщина в штанишках, некоторое время глядевшая вслед подруге с рассеянной улыбкой большого красного рта, повернулась и пошла к мосту. Сзади казалось, что она балансирует на двух тонюсеньких иголочках. Не было ничего удивительного, что маленький камешек, попавший под одну из иголочек, заставил ее чуть пошатнуться.

Генерал усмехнулся и пошел своей дорогой...

К. К. Лейдекер извлекает яд из пасти гадюки.

Фото Л. Келлера.

ЯД ИСЦЕЛЯЮЩИЙ

По узкой тропинке осторожной, крадущейся походкой охотника пробирается молодой паренек, обутый в высокие резиновые сапоги. Это семнадцатилетний Мати Суйк — охотник за змеями. Вот он кладет на землю ящичек, зорко озирается и, отойдя немного, внезапно быстро нагибается. А когда снова выпрямляется, то в его протянутой руке извивается пойманная им за хвост змея. Раздраженная змея изгибает шею, но поднять голову так, чтобы укусить охотника, не может. Охотник открывает крышку ящика и впускает туда очередную добычу. Это особенно крупный экземпляр гадюки вида «випера берус-берус».

Опасным промыслом в Эстонской республике занимаются пятнадцать человек. Мати Суйк по праву стоит среди них на первом месте. В хорошие дни ему удается изловить до сорока пресмыкающихся. За лето он поймал более пятисот гадюк.

Мати не применяет при ловле никаких приспособлений. Он знает, что змея обыкновенно успевает укусить приспособление, теряет яд и становится негодной. Он ловит гадюк голыми руками. Для этого необходимы смелость, ловкость и быстрота.

Гадюки трижды кусали Мати Суйка. Первый раз он проболел около месяца, пролежав все это время в постели. Второй укус он перенес уже легче, а третий не вызвал у него даже значительной опухоли.

Пойманных змей охотники сдают в лабораторию Тартуской городской клинической больницы или на Таллинский фармацевтический завод.

...Производственный цех фармзавода. В углу отдельный бокс. На створках двери большие буквы А и Б, как и на дверцах шкафов в аптеках, где хранятся особенно сильные яды. Изнутри бункер выкрашен белой эмалевой краской. За столом в белых халатах два провизора — Карл Карлович Лейдекер и Харальд Карлович Парис. У Париса на руках длинные, до локтя кожаные перчатки. У обоих защитные очки: одна только капля яда, случайно попавшая в глаз, может лишить оператора зрения. Операторы готовятся к изъятию змеиного яда. Вот они подходят к ящику с гадюками, покрытому толстой стеклянной пластинкой, прижатой сверху грузом. В бункере жарко. Змеи быстро извиваются, они очень раздражены. Работа с такими змеями крайне опасна, и поэтому операторы решают поместить гадюк в холодильник.

Через некоторое время змеи стали сонными, их движения ленивы и медленны. Парис поднимает стеклянную пластинку. В правую руку он берет специальные щипцы, которыми ловко захватывает одну из змей у самой головы, чтобы, повернув голову, она не смогла укусить щипцов и не потеряла бы яда. Левой рукой берет змею за хвост и вытягивает вдоль стола, головой к противоположному концу. Второй оператор в правой руке держит стерильное часовое стеклышко, а левой щелкает по змеиной голове. Змея разевает пасть. Стремительным, ловким движением Лейдекер вводит стеклышко в разинутую пасть змеи. Гадюка кусает стеклышко. Оператор снова слегка надавливает голову пресмыкающегося. Приоткрывается пасть, и на часовом стеклышке остаются две капли змеиного яда.

Мати Суйк после этого выпускает змей обратно на родное болото. Яд у них восстановится примерно через месяц.

Главный врач клинической больницы Тартуского университета доктор Моррис Рудольфович Эйтельберг в содружестве с главным инженером Таллинского фармзавода кандидатом химических наук Александром Яновичем Синка разработал технологию производства отечественного лечебного препарата. Он назван авторами «Випратокс»: от латинских слов «випра» (змея) и «токсин» (яд). «Випратокс» абсолютно безвреден в терапевтических дозах.

Таллинский фармацевтический завод располагает в настоящее время немногим более двух граммов сухого змеиного яда. Получен он от пятисот с лишним гадюк. Змея содержит настолько ничтожное количество яда, что получение одного килограмма его сухой субстанции обошлось бы в 37,5 миллиона рублей.

«Випратокс» — это водный раствор змеиного яда в ампулах. На изготовление 10 ампул достаточно всего семидесятипятитысячной доли грамма. Поэтому весь цикл лечения из 10 инъекций обходится всего в 5 рублей.

«Випратокс» рекомендуется применять в виде внутрикожных инъекций, предпочтительно в область болей. Препарат успешно применяется при лечении невралгии, миалгии, хронических артритах, ревматизме, ишиасе и — как болеутоляющее средство — при опухолевых заболеваниях организма. Механизм терапевтического действия змеиного яда окончательно еще не выяснен. Его клиническое применение основывается главным образом на данных опытов. Новый терапевтический препарат вырабатывается пока в сравнительно ограниченном количестве и поступит в клиники после завершения экспериментов.

А. КЕРДИ,
инженер

Таллин.

РАВНОВЕСИЕ И ЭЛЕКТРОНИКА

Пятый съезд отоларингологов. В Ленинград прибыли специалисты из 21 страны — гости из Америки, Англии, Франции, ФРГ. Наряду с другими учеными должен выступить челябинский профессор Абрам Харитонович Миньковский. Он поднялся на трибуну и попросил для доклада... полторы минуты. Еще семь минут заняла демонстрация документального фильма, иллюстрирующего доклад. Профессор показал участникам съезда действующее кресло с электронно-программным управлением для исследования функций равновесия.

...Здоровый человек не беспокоится о равновесии собственного тела. Эту сложную работу делают почти неведомые нам тончайшие органы. Еще сложнее врачам выяснять в случае необходимости причины потери равновесия. Приходится применять многочисленные и довольно разноречивые способы обследования больных. Точно такими же и далеко не идеальными средствами проверяется регулятор равновесия у здоровых людей — монтажников, водителей автомашин, связанных по работе с высотой, с большими скоростями. Как легко можно ошибиться и к каким тяжелым последствиям при такой профессии это может привести!

Профессор разрешает эту проблему методом комплексного обследования с помощью точнейших приборов. Кресло с пациентом вращается вокруг своей оси с наклонами вперед и назад, вправо и влево. Скорости при этом задаются самые различные — от еле видимых глазом до очень больших. Автоматически и синхронно аппараты ведут записи физиологических реакций — электрокардиограмма, пульс, движение глазных яблок, токи мозга, дыхание — и другие наблюдения.

Отоларинголог получает документацию и быстро, точно, глубоко оценивает состояние обследуемого. Ведь приборы зафиксировали даже незначительные нарушения функций равновесия!

«Аппарат-кресло системы Миньковского» — плод творческого содружества медицины и техники. Деятельно помогали отоларингологу профессора и студенты Челябинского политехнического института.

Опыты и исследования продолжаются. Челябинский хирург профессор Образцов считает возможным исследовать на кресле состояние организма перед хирургической операцией. Терапевт Синицын убежден, что аппарат Миньковского позволит изучать функциональное состояние сердечно-сосудистой системы. Медики, побывавшие в ушном отделении областной клинической больницы, говорят о необходимости применения такого аппарата при исследовании центральной нервной системы.

— Возможно, возможно, — задумчиво говорит Миньковский. — Клиницисты — народ смелый. Они приспособят кресло для своих целей. А мне хотелось помочь больному человеку скорее почувствовать твердую почву под ногами, восстановить физиологическое, а вместе с ним и душевное равновесие.

Обследование начинается...

Фото А. Ходова.

Г. МЕНЧИНОВ

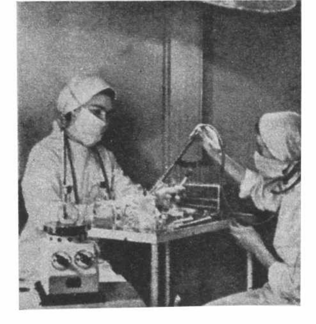
Челябинск.

Против лучевой болезни

Можно ли лечить эту страшную болезнь? Над этой проблемой работают ученые всего мира. Известно, что при облучении в организме возникают цепные реакции. В ходе их создаются ядовитые вещества. Они и отравляют живое существо, ведя к смерти. На основании теории токсического действия радиации разработан метод лечения лучевой болезни.

Перед нами две собаки. Обе получили смертельную дозу радиации. Одна быстро погибает. У другой заменена кровь — животное долго болеет, но выздоравливает.

Развитие ядерной энергетики, широкое использование атомной энергии в промышленности, медицине, сельском хозяйстве ставит перед учеными задачу — изучить влияние малых доз радиации на живой организм, и прежде всего на человека. Действие малой дозы нельзя увидеть сразу.

В Институте цитологии и генетики Сибирского филиала АН СССР. Сотрудники лаборатории радиационной генетики Э. Орлова (слева) и Л. Лебедева исследуют ткань эмбриона человека, облученную малыми дозами рентгеновских лучей.

Фото Ф. Григорьева.

Оно проявляется либо через некоторое время, либо у потомства. Исследования на половых клетках млекопитающих показали: эффект зависит не только от дозы, но и от физиологических особенностей каждого организма.

Радиобиологи упорно ищут ответа и на другие вопросы. Какова роль природного уровня излучений в жизнедеятельности организма? Какова зависимость частоты заболеваний раком и белокровием от повышения уровня радиации? Но уже сейчас можно спокойно сказать: успехи радиобиологии настолько значительны, что, например, современный реактор при нормальной его эксплуатации не представляет опасности ни для обслуживающего персонала, ни для проживающего вокруг населения.

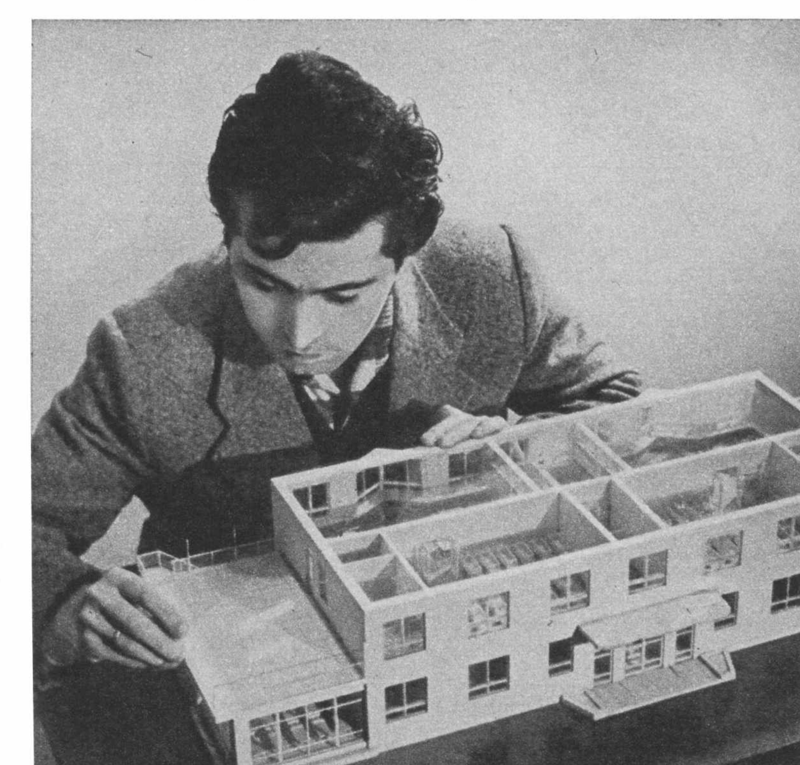
В. ПАРХИТЬКО

Новосибирск.

САД-ЯСЛИ

Утро. Вы торопитесь на работу. Сына нужно проводить в детский сад, дочурку отнести в ясли. А если садик и ясли на разных улицах? Это отнимет у вас много времени. Но и сад и ясли можно совместить в одном здании. Да и строить такие дома проще и дешевле. Разрешая эту задачу, Всесоюзный институт по проектированию медико-санитарных и лечебно-профилактических учреждений разработал серию типовых проектов яслей-садов — на 50, 90 и 135 мест. Архитекторы предусмотрели возможность их строительства как в городе, так и на селе.

Ф. КОРОТКЕВИЧ

Архитектор К. А. Никурадзе у одного из макетов сада-яслей.

Рисунок И. Оффенгендена.

Н. ТАРАСЕНКОВА

Здесь не рассыпаются в комплиментах. Здесь самая большая похвала, самая высокая награда — обыкновенное слово «принят».

Принят в музыкальную школу при Московской консерватории, в школу, где учатся особо одаренные дети.

Откуда ты приехал, юный музыкант? Сахалинец ты, ленинградец, киевлянин или москвич... Какое это имеет значение? Ты талантлив. И перед тобой распахнулись двери школы.

...Два года тому назад приехала из города Обояни Лена Варварова. Было ей всего семь лет. Она взобралась на стул. Положила свои маленькие, тонкие пальцы на клавиши... И через полчаса ей сказали: «Ты будешь учиться у одной из лучших учительниц музыки — Анаиды Степановны Сумбатян».

Пока дети сдавали экзамены, родители обступили Варварову:

— Вашу дочь приняли? Какое счастье! Вы москвичка?

— Нет, но разве это...

— А где же вы будете жить?..

Где вы будете жить, если у вас нет родственников в Москве? У кого вы оставите своего ребенка?

За несколько лет до приезда Лены в Москву, еще в 1954 году, было принято постановление: открыть интернат для детей музыкальной школы. Дирекция школы, в свою очередь, решила, что легче и проще будет сделать надстройку пятого этажа. Не надо привозить и отвозить детей. Да и строительство будет недолгим: ведь всего лишь один этаж!

...Все началось с комиссий. В школу приходили люди. Их было много. Из разных организаций. И вот уже наконец (это было в 1956 году) представлен проект. С множеством виз он отправлен в «Главмосстрой». Все облегченно вздохнули. Можно начинать надстройку. И вдруг документы возвращаются с короткой резолюцией: «В вашем проекте нестандартные детали. Надстройку наши строительные тресты выполнить не могут».

Снова чертежи отправлены на доработку в «Гипротеатр». Снова чертежи попадают в «Главмосстрой» и наконец передаются в строительный трест № 10.

Завтра в школу придут люди в рабочих комбинезонах, завтра придут сюда машины с кирпичом.

И действительно, приходят люди, но они не в рабочих комбинезонах. Работники стройтреста просто знакомятся со своим «объектом». Знакомятся... и изрекают нечто ошеломляющее:

— Мы строить не будем. Школа у вас неудобно расположена... Нет, не выгодно...

Чертежи передаются в трест № 17. И в школу приходят строители уже из другого треста.

— Можно, конечно, надстроить этаж, — говорят они, — но стены нужно ломать. Два глухих крана ставить. А такие краны у вас сметой не предусмотрены...

Говорят: стучись — откроют. Вот уже несколько лет стучится дирекция музыкальной школы в строительные организации. Но двери приоткрываются и тут же наглухо захлопываются. Ни один кирпич не привезен еще во двор школы, а за переработку чертежей уже заплачено шестьдесят тысяч!

Дело об интернате настолько разбухло, что превратилось в толстую книгу. Сколько в ней протоколов, заключений, писем! Да, это большой рассказ о непостроенном интернате. Но только ли об этом?

Нет, это рассказ и о Лене Варваровой из города Обояни, о ее матери Ирине Ильиничне, которая вынуждена была оставить свою работу в школе, где преподавала немецкий язык. Теперь мать Лены работает швейцаром в музыкальной школе, в той школе, где учится ее дочь. Два года вместе с дочкой они жили у чужих людей. А потом дирекция школы поселила их в шестиметровую комнату, которую занимала работница школы. Так в одной комнате очутились две семьи.

Это рассказ о том, как приехала из Куйбышева талантливая пианистка Иза Пикельная. Она была принята в школу, но вскоре уехала обратно. Причина та же. Но Иза уже не могла жить без этой школы. Через год она снова вернулась в Москву и сейчас учится в седьмом классе. Мать ее не оставила работу в Куйбышеве, и девочка одна живет у чужих людей.

Это рассказ о Вале Алешечкиной из Днепропетровска, о многих одаренных детях, приехавших в эту школу и вынужденных покинуть ее.

И вот волнуются мамы, оставив детей одних, волнуются педагоги, не зная, что делают дети в воскресенье без присмотра, волнуются работники паспортного стола. Не так давно они беседовали с директором школы Юрием Федоровичем Уткиным.

— Беда с вами!.. Неужели вы не можете принимать детей только с московской пропиской?

— Видите ли, мы принимаем детей не по этому признаку. Талант, талант нужен! — ответил директор.

Да, большая наша Москва. И в ней, безусловно, много талантливых детей. Но их много и в других городах. В наших селах, станицах, деревнях. Школа эта для всех. Она лучшая из лучших. Ведь сюда приезжают не только со всех уголков Советского Союза. Сюда приезжают дети разных стран.

И в каком-нибудь городе, в какой-нибудь музыкальной школе учитель, прощаясь со своим маленьким учеником, говорит: «То, что я мог дать тебе, я дал. Чему мог научить — научил. Теперь поезжай в Москву, там есть особая школа. Тебя примут, тебе не откажут».

Слава музыкальной школы при Московской консерватории очень велика. Пройдитесь по коридорам, и на стенах вы увидите портреты ее питомцев. Сейчас им рукоплещет весь мир. А ведь не так давно они учились здесь. И далеко не все были москвичами. Леонид Коган приехал из Днепропетровска, Татьяна Николаева — из Бежицы, Дмитрий Сахаров — из Горького.

В нашей стране очень бережно относятся к человеку, умело растят и берегут талант. Как же могло случиться, что музыкальная школа стала жертвой равнодушных людей из «Главмосстроя» и строительных трестов? Почему надстройка одного этажа стала неразрешимой проблемой, тогда как у нас в стране, как в сказке, вырастают улицы, поселки и города?!

Думается, что Министерство культуры РСФСР наконец поможет талантливым детям. Ведь не успеешь оглянуться, как снова приедут из других городов ребята сдавать экзамены. И, безусловно, среди них будет много талантливых. И их, конечно, примут. Им не откажут. А дальше?..

Многообразны и красивы пейзажи Цейлона. Утро на древнем водохранилище в Полоннаруве.

ПОД ТРОПИЧЕСКИМ СОЛНЦЕМ

И. АНТОНОВ

Фото В. ЯКОВЛЕВА.

«Жемчужиной Индийского океана» называют в Азии вечнозеленый, круглый год согреваемый лучами солнца остров Цейлон.

Здесь брошенный на землю черенок сахарного тростника пускает корни, и вот уже зеленый стебель начинает тянуться к солнцу. Чай, каучук, кокосовая пальма щедро вознаграждают человеческий труд. Когда-то здесь были и богатые плантации кофейного дерева, но страшная болезнь проникла на остров, и плантации погибли.

Еще более опустошительным бедствием оказались три нашествия заморских завоевателей-колонизаторов. Вначале это были португальцы, потом голландцы, и, наконец, пришли англичане. Они уничтожили на острове самое прекрасное растение земли — дерево свободы. Но они оказались бессильными убить его корни, ушедшие глубоко в толщу народную.

Пришли новые времена. По всему миру прокатился гром Великой Октябрьской социалистической революции, пала гитлеровская империя, родился на Востоке народный Китай, и по всей Азии пронесся живительный ветер национального возрождения. В 1948 году Цейлон добился независимости. Перед страной открылась перспектива индустриализации, повышения уровня жизни, ликвидации безработицы.

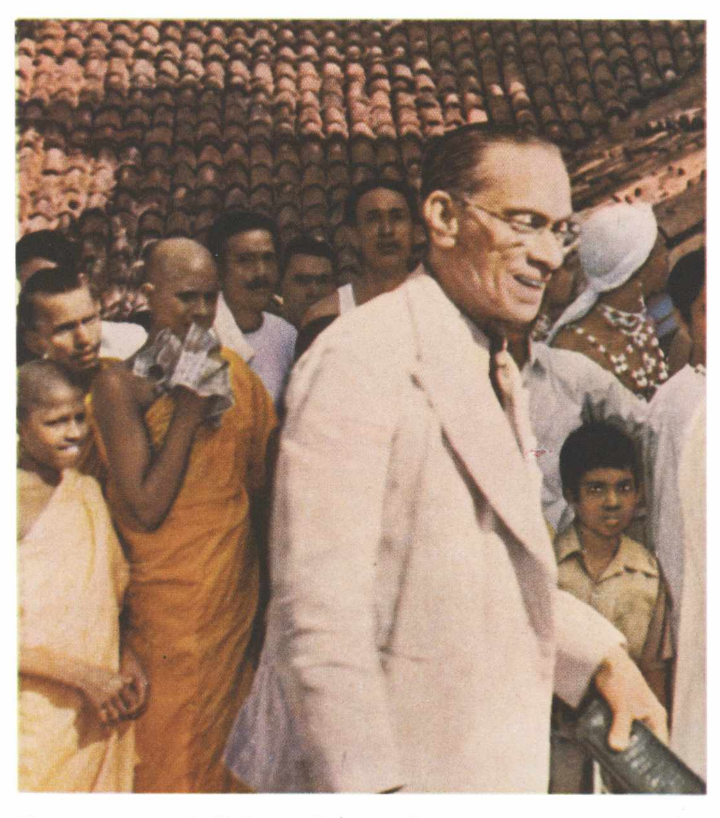
4 февраля дружественный Советскому Союзу цейлонский народ отмечает двенадцатую годовщину великой в его истории даты — День Независимости.

Этот день омрачен недавним злодейским убийством национального лидера страны — премьера Бандаранаике. Выстрел убийцы послужил сигналом к оживлению антинародных сил, поддерживаемых извне империалистическими кругами. На Цейлоне распущен парламент и в марте намечены досрочные выборы, на которых патриотическим силам нации предстоит вступить в политическую борьбу с силами реакции и компрадорской буржуазии. Эти силы отжившего прошлого стремятся задержать окончательное освобождение острова от иностранной зависимости, приостановить процесс ликвидации в стране пережитков феодализма.

Сейчас на Цейлоне, как всегда, стоит благодатное тепло. Бронзовые черноглазые ребятишки беззаботно плещутся в пенистых волнах безбрежного океана. А их отцы, вытирая натруженной рукой соленый пот, напряженно всматриваются в будущее и думают о предстоящих днях борьбы и грядущих испытаниях.

Древний цейлонский ритуальный танец.

Премьер-министр Цейлона Соломон Бандаранаике участвовал в закладке здания школы в местечке Доранагода, округа Гампаха. Выдающийся национальный лидер боролся за освобождение Цейлона от остатков колониального господства, проводил политику дружбы и сосуществования со всеми государствами мира. В сентябре 1959 года он был убит противниками его патриотического курса.

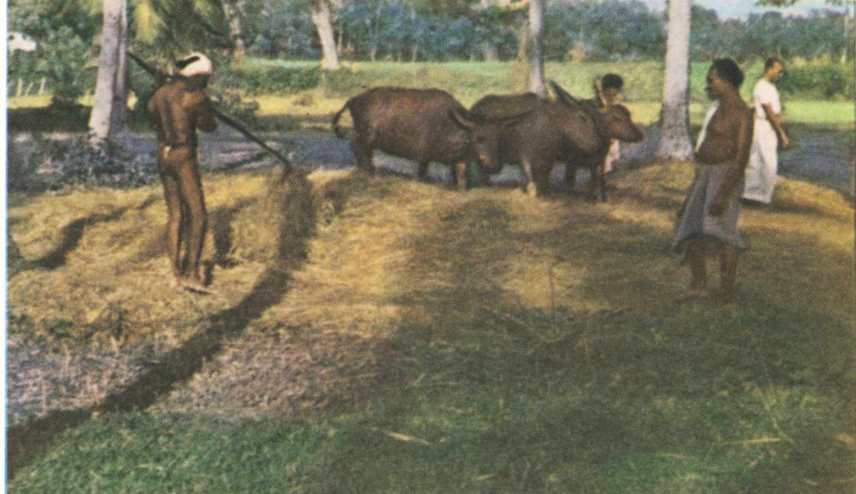
Знаменитый цейлонский чай — главное богатство страны и важнейший продукт вывоза за границу. Более половины чайных плантаций все еще находится в руках английских колонизаторов. На снимке: девушка-тамилка, сборщица чая.

Традиционная Эсала Перахера — храмовой праздник с участием нарядно убранных слонов. Перахера проводится в августе в храме древнего города Канди.

Рыбаки вытаскивают ору на берег. Ору — это лодка с противовесом, создающим ей особую устойчивость при штормах.

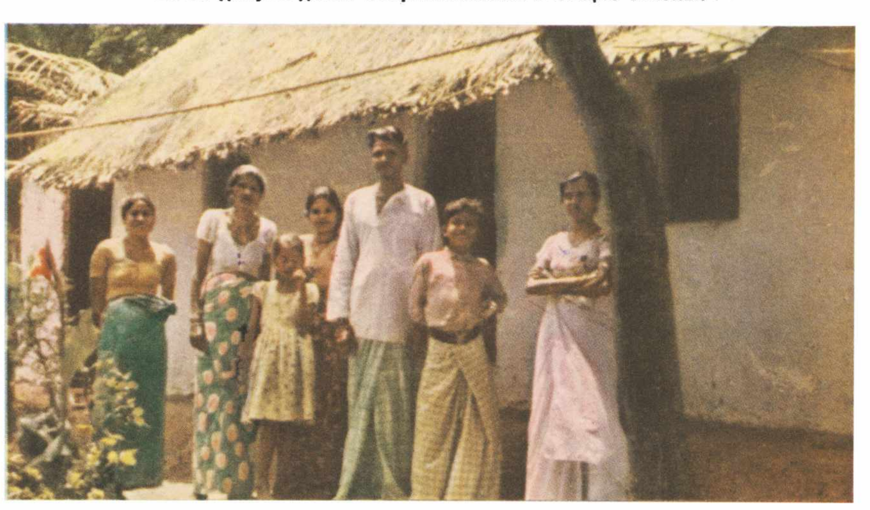
Монастырь Пурана Раджамаха. Группа буддийских монахов у подножия древней дагобы. На Цейлоне 20 тысяч монахов.

Обмолот риса — основного продукта питания.

Семья из касты родия (неприкасаемых) в селении Удугалпития, около Канди. Передовая общественность Цейлона делает попытки приобщить родия к труду в сельском хозяйстве и сломать вековые уродливые предрассудки, мешающие общению родия с людьми других высших каст, борется за допуск детей неприкасаемых в общие школы.

ВЫХОДИМ НА ЛЕДЯНУЮ ДОРОЖКУ

Римма ЖУКОВА,
заслуженный мастер спорта

Лед. О чем же другом может писать конькобежец в разгар зимнего сезона! Да, сверкающий, полированный лед беговых дорожек, еще недавно бывший привилегией нескольких крупных центральных городов, заставляет нынче волноваться сердца конькобежцев и болельщиков на многих меридианах и широтах нашей Родины. И не только нашей Родины: лед нынешней зимы волнует весь спортивный мир. Ведь предстоят жаркие схватки на ледяных дорожках: первенство мира по конькам среди женщин, первенство мира по конькам среди мужчин, VIII зимние Олимпийские игры.

Я могу вам открыть секрет: все конькобежцы влюблены. Кто в звезды над катком; кто в радостную голубизну льда, согретую недолгим зимним солнцем; кто в поэзию задумчивых вечеров с их легким снежком, тающим на лице; и все без исключения — в то прекрасное, гармоничное чувство приподнятости, ловкости и скорости, которое можно испытать на соревновании, когда ты тренирован и уверен в себе.

«Снежная фантазия» — так назывался кинофильм о VII зимних Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо. Все спортивные выступления, на основе которых построен фильм,— гонки лыжников, слалом, скоростной спуск, прыжки с трамплина, незабываемые по красоте танцы на льду, напряженная, захватывающая борьба хоккеистов, забеги конькобежцев — почти фантастичны по своему мастерству. Уже в наши дни спорт и искусство сливаются в одно целое.

Спортсмены Советского Союза, впервые участвовавшие в Олимпийских играх в 1956 году в Кортина д'Ампеццо, выступили весьма успешно. Они стали обладателями 37 медалей (26 золотых, 5 серебряных и 6 бронзовых). Большой успех выпал на долю советских мастеров скоростного бега на коньках.

Женщины — мастера скоростного бега на коньках — в Олимпийских играх не участвовали.

Женский конькобежный спорт сравнительно молод. Если первенство мира среди мужчин начало разыгрываться с 1893 года, то среди женщин первый официальный розыгрыш был проведен в 1936 году.

Начиная с 1948 года в борьбу за звание чемпионки мира включились советские спортсменки.

Совершенно особенное чувство охватывает вас, когда вы видите красный флаг и слышите родную мелодию гимна за рубежом. Я участвовала в семи первенствах мира, могла бы и привыкнуть, но меня всегда охватывало такое же волнение, как и в первый раз, в 1948 году...

В созвездии чемпионок и рекордсменок мира засверкали имена советских спортсменок: Марии Исаковой, Лидии Селиховой, Татьяны Карелиной, Софьи Кондаковой, Ольги Акифьевой, Халиды Щеголеевой, Тамары Рыловой, Инги Артамоновой. Советская конькобежная школа завоевала уважение, признание и авторитет.

С каждым годом все более популярным становится скоростной бег на коньках среди женщин. Изменяется и география встреч. Много раз взвивались флаги в честь открытия чемпионатов на катках Финляндии, Швеции, Норвегии, в столице нашей Родины — Москве.

Сейчас в Эстерсунде (Швеция) разыгрывается очередное первенство мира.

Впервые в Олимпийских зимних играх 1960 года в Скво Вэлли будут участвовать женщины.

Недавно в Медео, близ Алма-Аты, закончился чемпионат СССР. Вновь свой высокий класс подтвердила Тамара Рылова. Она выиграла звание абсолютной чемпионки и установила новый мировой рекорд по сумме очков многоборья.

Эти соревнования — своеобразный трамплин для Олимпийских игр и для чемпионатов мира.

На предыдущих первенствах мира Тамара Рылова стабильно занимала общее второе место и наконец в прошлую зиму заняла первое... Рылова — блестящий спринтер, неоднократная рекордсменка мира. Она добилась замечательных секунд: первая из советских спортсменок побила мировой рекорд в беге на 500 метров, установленный норвежкой Шоу-Нильсон в 1937 году (46,4 секунды). Этот рекорд считался «старейшим» в спорте, его пытались штурмовать многие, но лишь Тамара Рылова в 1955 году смогла улучшить мировое достижение на 0,8 секунды. На Олимпийских играх есть спринтерские дистанции, и наши спортсменки, в том числе и Рылова, имеют шансы на победу.

Инга Воронина (Артамонова) по своим данным и результатам — скорее стайер, чем спринтер. Ее спортивная биография насчитывает немало побед. И хотя ей пришлось в последнее время уступать первые места Т. Рыловой, В. Стениной и Л. Скобликовой, все же Инга — талантливая спортсменка, от которой можно ждать еще многого.

Конькобежный «центр» с катков Давоса и скандинавских стран постепенно перемещается на восток. Около Свердловска проходит граница между Европой и Азией. И, по-видимому, не за горами то время, когда ледяные дорожки стадионов Сибири и Дальнего Востока, Китайской Народной Республики будут принимать спортсменов всего мира. Об этом убедительно говорят высокие результаты, показываемые сибирскими и китайскими спортсменами.

Неожиданным сюрпризом явилось успешное выступление в прошлом году в Свердловске китайских, корейских и монгольских спортсменок. А давно ли на московских катках китайские спортсменки делали свои первые шаги! После тренировки, когда мы ехали в автобусе, они забрасывали меня вопросами: сколько дней в неделю нужно тренироваться, какие виды спорта использовать летом, полезны ли упражнения со штангой? Я едва успевала отвечать.

Три года назад на высокогорном катке в Алма-Ате я помогала осваивать элементы техники конькобежного спорта Хильде Хаазе, Инге Гермер, Маргит Грабе — спортсменкам Германской Демократической Республики, а теперь эти девушки превратились в настоящих скороходов.

Две из них — Хильда Хаазе и Инга Гермер — успешно выступили на первенстве мира, а Маргит Грабе прислала мне приглашение на свою помолвку, и я от души пожелала ей и ее молодому другу счастья.

Мир держится верностью друзей. Спортсмены Востока и Запада знают это. Давняя дружба связывает меня с Эви Хуттунен, прославленной финской спортсменкой. Много раз встречались мы с ней на соревнованиях и в острой спортивной борьбе помогали друг другу улучшать результаты. В ее родном городе Куопио я выиграла звание абсолютной чемпионки мира; в моем родном Свердловске Эви стала чемпионкой мира в беге на 3 тысячи метров.

Эви Хуттунен будет выступать в Эстерсунде и собирается в Скво Вэлли. На Олимпийских играх есть дистанция 3 тысячи метров, ее коронная дистанция...

Много обещает и молодая обаятельная финская спортсменка Ирис Сихвонен. Успешно могут выступить и представительницы Швеции: способные Кристина Шерлинг и Эльза Эйнарссен.

Многие наши зарубежные друзья говорят, что они хотят бегать «московским стилем». Высокая, обязывающая оценка!

«Потолок» результатов советских мастеров-женщин по скоростному бегу на коньках растет, лучшие секунды одиночек становятся достоянием многих спортсменок. Недавно в Медео 8 спортсменок превысили рекорд мира по сумме многоборья. Спортивная борьба на соревнованиях все более обостряется.

Не будем гадать, кто победит в Швеции и кто победит на Олимпийских играх в конце февраля. Но мы знаем, что быстрый рост молодых конькобежцев может внести существенные поправки в любые прогнозы. Так бывало не раз.

Тамара Рылова — абсолютная чемпионка Советского Союза и рекордсменка мира по скоростному бегу на коньках.
Фото А. Бочинина.

Чемпион Европы К. Юханнесен.

Чемпионат Европы

Любопытный снимок опубликовала норвежская газета «Дагбладет»: голова Юханнесена покоится на подушке, глаза сомкнуты. Кажется, прославленный конькобежец безмятежно спит. Но нет! Это лишь короткая передышка между забегами, и через полчаса вновь прозвучит властная команда стартера. Под снимком подпись: «Отдыхай, друг, ты заслужил это!»

Воскресным вечером Кнут Юханнесен блестяще закончил двухдневную борьбу на чемпионате Европы. Прошлой зимой он увез лавровый венок из Гетеборга, сейчас победил в родном городе.

За всю историю европейских первенств, пожалуй, не было столь трудного старта. Два дня в норвежской столице сеял частый дождь, на ледяном поле стояли огромные лужи и ртутный столбик не опускался ниже шести градусов. Но состязания шли своим чередом...

Норвежцы — страстные поклонники конькобежного спорта. Ни лютые морозы, ни дождь не прогонят их с катка, если там проходят интересные состязания.

Так было и сейчас. Температура поднялась, пошел дождь. Публика, заполнившая стадион «Бишлет», раскрыла тысячи зонтиков, но не покинула трибун.

К моменту начала состязаний лед на катке был покрыт водой. Поэтому вместо снежной пыльцы из-под коньков летели фонтанчики воды.

Читатели «Огонька» уже знают результаты соревнований. Напомним их вкратце. Бег на 500 метров выиграл Лев Зайцев. Это был первый и последний успех советских скороходов. На остальных дистанциях первенствовали норвежцы К. Юханнесен и Т. Сейерстен.

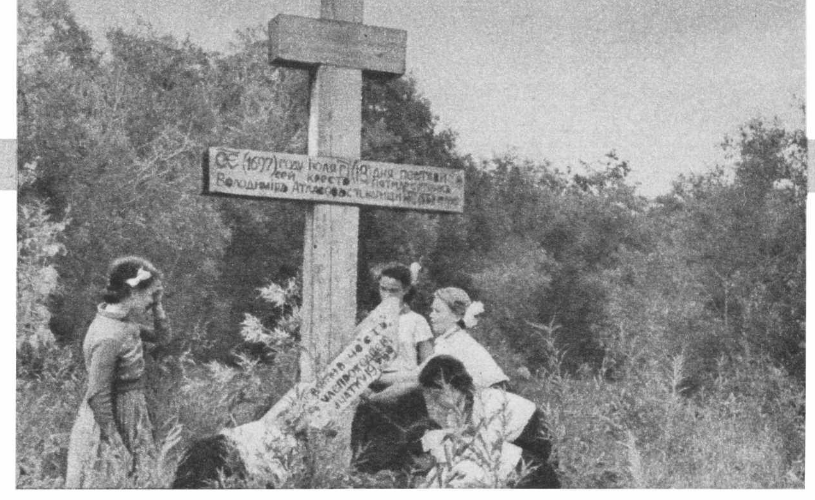
По сумме очков многоборья на первое место вышел К. Юханнесен. Таким образом, он второй раз завоевал звание чемпиона Европы.

На второе место вышел советский скороход Борис Стенин.

Советские спортсмены вылетели в г. Давос (Швейцария), где в начале февраля будет разыграно первенство мира по скоростному бегу на коньках.

И. МЕЛЬНИКОВ

ДАЛЕКОЕ–
–БЛИЗКОЕ

Камчатские школьники у креста Владимира Атласова.
Фото В. Воскобойникова.

Памятники Камчатки

Если вам случится быть пассажиром речного трамвая на широкой и полноводной реке Камчатке, то в одном из наиболее пустынных мест, в устье речки Белой, вы, конечно, заметите большой деревянный крест. На верхней перекладине его славянская вязь: «Сего 1697 года июля 18 дня поставилъ сей крестъ пятидесятникъ Володиміръ Атласовъ с товарищи 55 челов.». А на нижней — надпись по современной орфографии: «Восстановлено в честь русских землепроходцев, открывших Камчатку, 9 августа 1959 года».

Подвиги русского богатыря, которого Пушкин назвал «камчатским Ермаком», не забыты!

С момента открытия Камчатки Атласовым край этот при всей его отдаленности не оставался в стороне от большой дороги истории. И многочисленные памятники, разбросанные по полуострову и ближним островам, служат как бы вехами этого пути.

В Петропавловске красуется обелиск в честь основателя города Витуса Беринга — начальника Великой Северной экспедиции, созданной по указу Петра. Рядом лежит трехфунтовая чугунная пушка с пакетбота «Святой Петр», погибшего в шторм у островов, которые зовутся с той поры Командорскими. А могила самого командора Беринга отмечена крестом и бронзовым бюстом на острове его имени.

На главной улице Петропавловска зелень и цветы окружают обелиск с английской надписью. Здесь, по преданию, похоронен скончавшийся в 1779 году капитан Кларк — заместитель знаменитого Джеймса Кука. Восемью годами позднее гостем Авачинской губы был французский мореплаватель Лаперуз. И ему в Петропавловске стоит памятник, кстати сказать, единственный в мире.

Но одна чужеземная могила в окрестностях Петропавловска не отмечена никаким памятником. В ней лежит британский контр-адмирал Прайс, командовавший объединенной англо-французской эскадрой в 1854 году и покончивший самоубийством после неудачной попытки овладеть Петропавловском.

О героях беспримерной обороны Камчатки в Крымскую войну напоминает часовня на братской могиле у подножия Никольской сопки. На вершине сопки стоит «Памятник славы», а на перешейке, соединяющем Никольскую с сопкой Сигнальной, недавно восстановлена в своем подлинном виде легендарная батарея лейтенанта Александра Максутова. Командир батареи и артиллерийская прислуга вместе с орудиями сошли на берег с фрегата «Аврора» и мужественно отбивали атаки врага. Прославился и их корабль, прикрывавший вход во внутреннюю гавань Петропавловска, фрегат — предок легендарного крейсера «Аврора».

Жители Камчатки показали себя патриотами и во время русско-японской войны. Хотя на полуострове и не было регулярных войск, охотники, добровольно вступившие в дружины, отбили все десанты самураев. На одной из могил участников этого всенародного подвига сохранилась чугунная плита с надписью: «Ксаверий Бируля. Дружинник. Погиб в битве с японцами на реке Озерной. 1904 год».

В гражданскую войну труженики Камчатки боролись за Советскую власть. Близ деревни Паратунка, там, где сейчас курорт и пионерлагеря, под сенью берез лежит большевик партизан Георгий Елизов, умерший от ран, полученных в боях с белогвардейцами в 1922 году. В честь него один из районов области назван Елизовским.

Морякам-тихоокеанцам — участникам освобождения Курильских островов в 1945 году — воздвигнут обелиск в центре Петропавловска, а на берегу Авачинской бухты поставлен памятник матросу Петру Ильичеву, который повторил тогда подвиг Матросова.

Интереснейшие реликвии, документы, произведения искусства собраны в недавно открытом Музее боевой славы, созданном камчатскими моряками.

Герой Советского Союза
Г. ЩЕДРИН

ВСТРЕЧИ С ВЕРОЙ ХОРУЖЕЙ

Записки коммунистки Веры Хоружей, опубликованные недавно в «Правде», вызвали воспоминания ее друзей и соратников по борьбе. Жизнь Веры Хоружей, мужественного коммуниста-бойца, оборвалась в 1942 году в фашистском застенке.

В редакцию «Огонька» обратился Захар Филимонович Поплавский, член парткомиссии Брестского обкома партии, рассказавший о революционной деятельности Веры Хоружей в Западной Белоруссии в годы подполья. Рабочий-коммунист, он провел 13 лет в тюрьмах и на каторге.

Ниже публикуется беседа З. Ф. Поплавского с корреспондентом «Огонька» В. Борушко.

Весной 1924 года на южной окраине Бреста, близ реки Мухавец, проходила городская партийная конференция. В небольшой комнатушке собралось нас, делегатов, человек пятнадцать. Многие не знали друг друга, знакомились по партийным кличкам. Меня, например, звали тогда «Минаев». А одну из делегаток, худенькую девушку лет двадцати, секретарь окружкома отрекомендовал нам так:

— Представитель ЦК комсомола, Вера.

Виделся я с Верой и после конференции. Конспиративные встречи мы устраивали то на Госпитальной улице, то в сквере «плаца Пилсудского» (ныне площадь Свободы), то в пригородных деревнях. И всегда Вера заражала своей жизнерадостностью, смелостью, душевной теплотой, юмором. Вот она серьезно, слегка нахмурив брови, говорит о делах. И вдруг заулыбается, начинает шутить, высмеивая сыщиков дефензивы (польской охранки).

За небольшой период времени Вера Хоружая побывала почти во всех городах и местечках, в сотнях сел Западной Белоруссии. Она умела запросто, сердечно потолковать с тружениками, зажечь их сердца жаждой борьбы. С друзьями — польскими трудящимися — она свободно говорила по-польски, с евреями — по-еврейски, хорошо владела и немецким языком. Была человеком большой культуры, отлично знала многие произведения Маркса, Энгельса и Ленина.

Особенно подружились мы с Верой после известного в те годы «процесса 31-го».

В ночь на 6 и 7 ноября 1925 года, в канун 8-й годовщины Октября, в застенки дефензивы попало свыше двухсот подпольщиков — коммунистов и комсомольцев Западной Белоруссии. Среди арестованных я, например, был по счету 211-м, что видно по снимку, сделанному тогда в дефензиве. Стремясь подавить нараставшее в Западной Белоруссии революционное движение, власти панской Польши хотели провести в Бресте громкий процесс «о государственной измене».

Следствием руководил «судья по особо важным поручениям» белогвардейский офицер Павлюц. На помощь ему из Варшавы прислали опытных охранников. В их числе был инспектор Снарский, который, допрашивая, истязал арестованных. Зверским пыткам Снарский подверг восемнадцатилетнего ученика 6-го класса русской гимназии Мишу Будько — секретаря подпольной комсомольской ячейки.

Веру Хоружую арестовали в одном из воеводств и в конце 1926 года привезли в Брест. О прибытии ее мы узнали по морзянке «тюремного телеграфа», вскоре встретились в тюремной канцелярии, а затем вместе сели на скамью подсудимых. Вожаком нашим на суде стала Вера, хотя многие были старше ее по возрасту.

«Процесс 31-го» проходил с 10 по 17 января 1927 года. На суд нас вели под большим конвоем. Больных — Мишу Будько и полячку Томаша Стемпеня — везли в телеге.

По дороге в суд нашу группу окружили сотни жителей Бреста, открыто высказывая свои симпатии. Пришлось полицейским затем каждый раз менять маршрут от тюрьмы до суда. И все же каждый раз сотни, а иногда тысячи людей провожали. На телеграфные провода и деревья забрасывали красные полотнища, выкрикивали революционные лозунги.

По предложению Веры подсудимые устроили бурную демонстрацию протеста. Как только в зал вошел прибывший из Варшавы Снарский, мы все, как один, встали с мест и минут двадцать — тридцать скандировали: «Долой палача!», «Вон из зала ката!» К нам присоединилась и защита. Суд вынужден был удалить Снарского. Об этом, как о большой сенсации, писала польская и даже заграничная пресса.

Вера Хоружая после ареста польской дефензивой (снимок из архива).

Председательствовавший на суде белогвардеец Реутт стремился изобразить нас предателями и заговорщиками. Но Вера Хоружая разоблачала провокационный характер вопросов, которые задавал Реутт.

Не раз мы поднимали на смех Реутта и прокурора, когда шпики — свидетели обвинения — путались в показаниях. Вера рисовала карикатуры на Реутта и пускала их по скамьям подсудимых.

Когда подсудимым предоставили последнее слово, Вера Хоружая выступила с большой речью по поручению Центрального Комитета КП Западной Белоруссии и штаба тюремной парттройки (и в тюрьмах коммунисты объединялись, нелегально избирая руководящие органы).

В Брестском архиве хранятся материалы «процесса 31-го». Среди них краткая запись речи Веры Хоружей, сделанная секретарем суда, разумеется, с искажениями. Но даже и эта искаженная запись позволяет судить, как умело, мастерски юная революционерка использовала трибуну буржуазного суда.

— Я горжусь тем,— начала свое последнее слово Вера,— что яв-

З. Ф. Поплавский в дни «процесса 31-го».

«Страна Советов» на аэродроме Детройт по пути в Нью-Йорк.

ПЕРВЫЙ ПЕРЕЛЕТ ИЗ МОСКВЫ В НЬЮ-ЙОРК

2 ноября 1929 года мой брат Семен Александрович Шестаков, командир самолета «Страна Советов», завершил первый в истории перелет из Москвы в Нью-Йорк.

С. Шестаков и его спутники (пилот Ф. Болотов, штурман Б. Стерлигов и бортмеханик Д. Фуфаев) преодолели огромное расстояние, пересекли Тихий океан, не раз рискуя жизнью. Их подвиг был высоко оценен американской общественностью. Всюду на территории США, где опускался самолет «Страна Советов», экипаж встречал восторженный прием.

Впоследствии, участвуя в Великой Отечественной войне, мой брат, полковник авиации С. А. Шестаков, погиб смертью храбрых в боях с врагами Родины. Нет сегодня в живых и его спутников — Болотова и Фуфаева. Но подвиг отважного экипажа жив в сердцах соотечественников.

Я бережно храню дневник брата, рассказывающий о героическом перелете, его воспоминания о встречах с американскими друзьями, многочисленные фотографии, посвященные пребыванию первых советских летчиков в США, письма американцев экипажу «Страны Советов».

Вспомнить обо всем этом представилось мне уместным сейчас, после исторического визита в Соединенные Штаты Америки главы Советского правительства Никиты Сергеевича Хрущева, который так глубоко выразил чаяния советских людей, их стремление к мирному сосуществованию с американским народом.

Мы хотим мира и должны всеми силами укреплять мир.

М. А. ШЕСТАКОВ,
село Гиска, Бендерского района, Молдавской ССР

З. Ф. Поплавский в наши дни.

ляюсь членом Коммунистической партии Западной Белоруссии!

Наша партия не группа заговорщиков, она родилась и существует в тяжелых условиях подполья, выражая интересы всех трудящихся Западной Белоруссии, являясь частью Коммунистической партии Польши — секции III Коммунистического Интернационала...

Вы обвиняете КПЗБ в том, что она призывает народ к вооруженному восстанию. Но всем должно быть известно, что революция — результат исторического развития классовой борьбы, что никакая партия не может вызвать революцию искусственно.

Вы обвиняете нас в том, что мы хотим оторвать «кресы всходни» (восточные окраины) от Польши и присоединить их к Советской России. Такого требования нет в программе нашей партии. Но коммунисты всегда отстаивают право каждого народа на самоопределение вплоть до отделения...

В заключение Вера Хоружая заявила:

— С полным сознанием революционного долга перед рабочим классом и крестьянством я работала в рядах КПЗБ. Так буду работать и в дальнейшем, когда выйду из тюрьмы.

В последний день суда, как только Реутт начал зачитывать приговор, мы в один миг надели приготовленные еще в тюрьме красные бантики и стали выкрикивать: «Долой буржуазный суд!», «Долой буржуазное правительство!», «Да здравствует диктатура пролетариата!». Запели «Интернационал». Охранники избивали нас, выволакивали из зала суда, бросали в полицейские машины.

Веру присудили к шести годам каторги, меня — к пяти. На каторгу попали и другие товарищи.

Вскоре после суда Веру перевезли из Бреста в Белостокскую тюрьму, где дефензива готовила «процесс 133-х», проходивший в 1928 году.

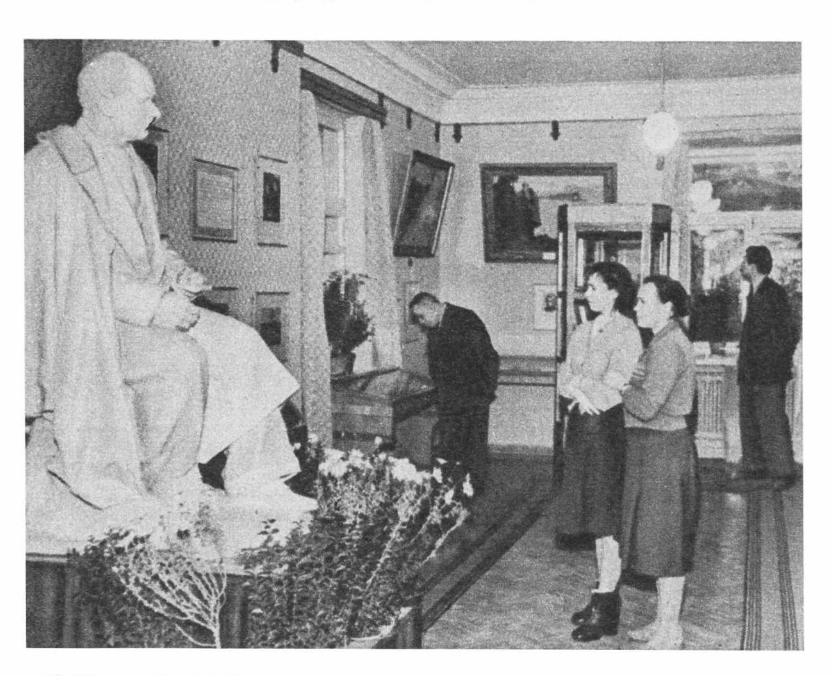
Я отбывал заключение в городе Седлеце, а Вера, получив после второго процесса 8 лет каторги,— в женской тюрьме «Фордонь». Но связь между нами не прекращалась. Мы писали друг другу письма о «природе, погоде, свободе», зашифровав, насколько это было возможно, некоторые наши партийные новости.

После пятилетней каторги меня судили еще дважды. И всегда, стоя перед буржуазным судом, я помнил гордую речь Веры на «процессе 31-го» в Бресте, всегда ее поведение было для меня образцом революционного мужества.

Как и другие товарищи, Вера считала, что в середине 30-х годов я умер в тюрьме. Так, оказывается, сообщалось в газетах. В 1941 году, после воссоединения Западной Белоруссии с Советским Союзом, когда уже началась Великая Отечественная война, Вера узнала, что я жив, разыскала мой адрес, прислала несколько дружеских писем. Только в начале 1942 года мы встретились в Москве, где тогда находился ЦК КП Белоруссии. Оба мы готовились тогда лететь в тыл врага: Вера — в район Витебска, я — в район Бреста.

Не выдержали старые друзья: и у Веры и у меня на глазах навернулись слезы... Наперебой стали расспрашивать друг друга о брестских товарищах. Вспомнили «процесс 31-го», годы каторги, дни свободы, которую принесла нам Советская Родина.

Седина уже припудрила волосы Веры, но она была такой же веселой и жизнерадостной, как в молодости, в дни подполья...

В Музее Якуба Коласа.

Фото Вл. Китаса.

МУЗЕЙ НАРОДНОГО ПОЭТА

Музей народного поэта Белоруссии Якуба Коласа открыт в Минске. Он помещается в доме, где поэт провел последние годы своей жизни.

Среди экспонатов — рукописи, личные вещи Якуба Коласа, его переписка с литераторами, учеными, артистами и читателями. На стендах — сотни книг, изданных на многих языках народов Советского Союза и зарубежных стран. Один из разделов музея рассказывает о дружбе двух замечательных сыновей белорусского народа — Янки Купалы и Якуба Коласа.

В. ФОМИЧЕВ

Дружба началась в Италии

Их дружба проверена в трудные годы. В отряде русских партизан, действовавшем в горах Италии, сражались ленинградцы Анатолий Тарасов и Михаил Кобиясов.

И сейчас друзья порой вспоминают стычки партизан с фашистскими частями, дерзкие налеты на коммуникации врага. Встречаясь, вместе просматривают почту из Италии. Каждое письмо, каждый подарок они бережно хранят. «Золотой книгой» о партизанах одной провинции открывается эта коллекция. На титуле книги, подаренной Анатолию Тарасову, выведено: «От итальянской делегации молодежи Реджио-Эмили в знак памяти о партизанской борьбе в провинции, где живет папаша Черви, тебе, кто вместе с братьями Черви боролся за нашу свободу. Желаем счастья. Большой привет советскому народу!»

...Дорогу в дом братьев Черви Анатолию, бежавшему из плена, показали антифашисты. Многие борцы за свободу находили приют в этом доме. Отсюда им помогали уходить в горы к партизанам. Однажды фашисты внезапно окружили, подожгли дом, схватили патриотов и бросили их в тюрьму.

Страшное горе постигло стариков Черви: без суда и следствия были расстреляны их семь сыновей.

Среди писем хранит Анатолий Макарович фотооткрытку с портретом сыновей Альчиде Черви. На обороте открытки папаша Черви пишет:

«Дорогой Анатолий! Получив твой подарок — барельеф Ленина и гравюру, — я горд мыслью о том, что в далеком Ленинграде есть человек, который меня помнит. Обнимаю тебя как одного из моих сыновей...»

— У Альчиде Черви,— говорит Тарасов,— много сыновей в Советском Союзе. Они всегда с благодарностью вспоминают эту героическую семью.

В своей книге «В горах Италии», которая недавно вышла из печати, Анатолий Макарович рассказывает о мужественной семье Черви.

Этой осенью Тарасов получил письмо от храброго подпольщика Отелло Сарци.

«Рад, очень рад, — пишет он, — что вы запустили лунник и Хрущев поехал в Белый дом. Снова и снова мысленно возвращаюсь к большим победам твоей страны. Ведь ваши успехи — это и наши успехи, это плоды многих лет борьбы и страданий. Твой товарищ Отелло Сарци».

К. ЧЕРЕВКОВ

А. М. Тарасов (слева) и М. В. Кобиясов в Монтофьерино. 1944 год.

— Бабушка, и я буду артисткой...— М. Р. Волостных беседует с внучкой.

АРТИСТЫ

А. МОРОВ

Фото Дм. Бальтерманца.

День был ветреный, холодный. С утра мела метель. Поездом местного сообщения я добрался от Воронежа до железнодорожного разъезда, а отсюда по заснеженной тропе до села Никольского.

Это село небольшое, всего сто двенадцать домов. Однако на одном из них красовалась свежая, больше того — сегодняшняя афиша, сообщавшая о спектакле «Поздняя любовь» А. Н. Островского. Вечером в этот же день я и отправился в Никольский сельский народный театр.

У входа в театр мерно дышал движок, и помещение было залито ярким электрическим светом.

Скромное, чисто прибранное фойе. За ним зрительный зал, тоже небольшой, но очень уютный, с удобными креслами. Сцену от зала отделяет добротный занавес из зеленого плюша.

Печи хорошо натоплены, и всем зрителям предлагают снять верхнюю одежду в специальной комнатке, отведенной под раздевалку.

— У нас, как в Московском Художественном, театр начинается с вешалки, — шутит Михаил Андреевич Ширяев, один из старейшин коллектива. Сегодня Ширяев не занят в спектакле, и на его долю пришлись обязанности ответственного распорядителя вечера.

В одной из комнат, примыкающей к фойе,— портрет К. С. Станиславского. Под ним на небольшой дощечке написано: «Умение воплощать в художественных типах героев драм, поставленных тобой, не превзойдено еще никем, учитель наш великий, наш Константин Сергеевич, наш гений дорогой».

Откуда эти слова? Спрашиваю Михаила Андреевича. И он рассказывает удивительную и прекрасную историю Никольского театра.

...За несколько лет до конца прошлого века в Никольском поселился со своей семьей земский врач Константин Константинович Соколов. На свои средства он организовал в селе амбулаторию для приема больных, построил школу, во время неурожая открыл столовую для детей, помогал погорельцам. Он стал и организатором крестьянского театра.

Начал Соколов с публичных чтений. Голос у него был красивый, глубокий.

Читал он больше всего классику: Гоголя, Некрасова, Толстого, Чехова. Иногда чтения происходили в доме Соколовых, а часто — в крестьянских избах, где Константин Константинович всегда был дорогим и желанным гостем.

Первой и неизменной помощни-

цей во всех затеях врача была его жена Зинаида Сергеевна, родная сестра К. С. Станиславского, в юности активная участница «Алексеевского кружка», где брат ее делал свои первые шаги на театральном поприще.

От чтений в Никольском решили перейти уже и к спектаклям. В 1896 году поставили «Аскольдову могилу».

— Вот тогда и родился наш сельский театр! С того самого дня и поныне он не прерывал своей работы, — говорит М. А. Ширяев.

За свои заслуги в развитии советского искусства Ширяев награжден Почетной грамотой Верховного Совета РСФСР.

Пока мы беседуем, к нам подходят все новые и новые люди. Среди них и молодежь и старые члены коллектива. Пришла Домна Петровна, жена Ширяева, заслуженная учительница, награжденная орденом Ленина, около тридцати лет выступающая на здешних подмостках. Пришла и колхозница Мария Романовна Волостных, чей артистический стаж исчисляется с 1904 года.

Они рассказывают, как жители села любили свой театр, как серьезно относились к своим театральным обязанностям.

— Участвовали в спектаклях, — говорит Мария Романовна Волостных, — не только наши, никольские, но и из других сел. Придут, бывало, под праздник да так и не уходят отсюда по два — три дня...

Очень любили в Никольском пьесы Островского и другие произведения, в которых описывалась народная жизнь.

Большой успех пришелся на долю оперы «Русалка», которую поставили Соколовы. Долго перелистывала Зинаида Сергеевна клавир Даргомыжского: не уверена была, удастся ли осилить. Наконец решилась. Собрала всех, кто поет и пляшет, для участия в сцене свадьбы. Решено было, что отберут тех, у кого лучше выйдет. Так состоялся в Никольском первый в такля? Лежать ли князю мертвым у ног русалки, или быть ему живым? Все наперебой настаивали:

— Пусть живым остается!..

Так и поступили. Князь живой встречался с русалкой на дне реки. Это имело огромный успех у публики.

Я спросил о Станиславском. Бывал ли он сам в Никольском театре?

— Да, конечно, Константин Сергеевич приезжал сюда! Гостил у сестры. Вместе с женой приезжал, артисткой Лилиной.

— И спектакли ваши видел?

— Видел, как же!

— Какие?

Стали вспоминать. Назвали «Кручину» Шпажинского, «Женитьбу» Гоголя и драму из крестьянского быта. Но вот какая была драма, точно не могли вспомнить: то ли «Мирская вдова», то ли «Бездольная».

«Кручина» была одним из наиболее удачных спектаклей театра в смысле художественного исполнения. Но когда Станиславский смотрел спектакль, один из участников-крестьян от волнения сбился и не так, как следовало, произнес текст. Он замолчал, осмотрел присутствующих и сконфуженно сказал:

— Фу, ошибся!

В зале раздался смех. Смеялся и Константин Сергеевич. А потом, уже после спектакля, он говорил:

— Помните, как он произнес: «Фу, ошибся!»? Лицо его помните? Вот попробуйте придать своему лицу такое выражение, стоя перед зеркалом. Ничего не получится! Зато все выйдет у вас само собой, как только ваши мысли, чувства, все ваше состояние будут, как у этого человека, подчинены внутреннему содержанию произносимого. Это трудно, это очень трудно, но именно отсюда начинается театр!..

Заинтересовала Станиславского и постановка «Женитьбы», в которой большое участие принимали актеры-крестьяне. Роль Подколесина исполнял Соколов, а слуги Степана — Хитров. Он больше всех понравился Константину Сергеевичу.

— Ни один режиссер не сумел бы показать ему то, что он дает сам, — сказал Станиславский. — Мимика, интонация, походка — все это дополняется одно другим, и все самобытно!

В тот приезд Константин Сергеевич, очень ценивший Соколовых как артистов, спросил их, не согласятся ли они вступить в труппу Художественного театра. Соколов даже захохотал.

— Ну какой я актер! — ответил он. — Я ведь играю, как самоучка, как птицы поют. И потом, как же Никольское оставить? Мне ведь здесь людей лечить!..

И остался. Позже, борясь с эпидемией сыпного тифа, он заразился и умер. А Зинаида Сергеевна уехала в Москву, стала работать в студии Станиславского и вместе с ним осуществила постановку оперы Чайковского «Евгений Онегин».

Но и после Соколовых театр в Никольском не заглох. В селе остались люди, воспитанные ими...

— Много ли их было?..

— Да вот судите сами, — вступила в разговор Домна Петровна. — Взять хотя бы Марию Романовну Волостных. Она ведь родоначальница целой династии никольских актеров! Сегодня в «Поздней любви» ее родная внучка Нина Летникова, санитарка медпункта, играет роль Людмилы. Она еще молодая артистка, но очень талантливая, подает большие надежды. А муж Нины, Николай Дмитриевич, комбайнер, выступает в роли отца Людмилы — Маргаритова. Играл в свое время и муж Марии Романовны — Митрофан Сергеевич, играет и ее дочь — колхозница Любовь Митрофановна Гладышева.

— Действительно целая династия!

Домна Петровна довольна.

— Думаете, это все? Ничуть не бывало! Сын Любови Митрофановны, Александр, комбайнер, играет в «Далях неоглядных» Хижнякова и Кряжа в «Веселке». Его жена, Валентина, учительница, играет в «Веселке» Светлану, а в «Далях неоглядных» — Ксению Кедрову. А одиннадцатилетний Шурик, сын Нины Летниковой, тоже артист, играет в «Далях» роль Андрюшки.

— Прямо как в знаменитой актерской семье Садовских! — говорю я.

— Конечно, таких больших актерских династий, как эта, может, не найдем, — отвечает Михаил Андреевич. — Однако по два — три человека из каждой семьи встретишь немало. А вообще нет, пожалуй, теперь такого дома в Никольском, где хоть кто-нибудь не играл бы в наших спектаклях!

И тут присутствующие начинают называть фамилию за фамилией, дом за домом. И действительно, их так много, что пришлось отказаться от намерения упомянуть о них хоть коротенько.

СЕЛА НИКОЛЬСКОГО

его истории танцевально-музыкальный конкурс. Победители приняли участие в постановке «Русалки».

Зинаида Сергеевна не отходила от рояля с утра до вечера, обучая хористов и танцоров. Уйдут одни, на смену являются другие. И так до самого представления. А потом, на спектакле, в котором Зинаида Сергеевна и сама участвовала в роли Наташи, ей пришлось еще всех одевать и гримировать. Успеть было решительно невозможно. Поэтому всех участников разбили на группы, и каждой назначили прийти в разное время. Спектакль начинался в семь часов вечера, а некоторые должны были прийти даже к двум часам дня, чтобы их одели и загримировали.

Яркое воспоминание оставил спектакль у зрителей!.. Затевая постановку, Соколовы опросили будущих участников: каким, по их мнению, должен быть финал спек-

«Поздняя любовь» — премьера. Посмотреть ее собрались не только никольские жители, но и колхозники сел Семеновка, Шукавка, Малая Приваловка. Даже из районного центра — Верхние Хавы, — за пятнадцать километров, пришли.

Аудитории хорошо знакомы решительно все исполнители. Вот Н. В. Владимирова, вот В. С. Пенкин, вот А. А. Столповский, чета Летниковых, К. П. Каширская, А. А. Родионов... Однако по мере того, как нарастают события комедии, все знакомое отступает, а на первом плане оказывается искусство.

За ту радость, которую оно приносит, и любят жители села Никольского свой замечательный народный театр, выросший по заветам великого Станиславского, чей гений познан и взят на вооружение современниками.

В. Л. Дуров с обезьяной.

Дерзновенный шут

Тот, кому приходилось бывать в ранние утренние часы в Москве, в районе площади Коммуны, вероятно, оказывался свидетелем любопытной сцены. Из ворот старинного особняка, что расположен в начале улицы Дурова, каждое утро выходит слон. В сопровождении служащего он направляется к зданию Центрального театра Советской Армии, шествует по Селезневке и снова возвращается «домой». Так совершает прогулку один из обитателей старинного дуровского особняка.

В Уголке имени Дурова проживает более 150 дрессированных животных.

При Уголке создан театр зверей. На занавесе театра вышиты слова: «Забавляя, поучать». Это завет великого русского артиста, дрессировщика и ученого Владимира Леонидовича Дурова.

В конце XIX века обитатели русского города Клина увидели афишу. На ней было написано:

«Проездом через здешний город в Москву, с дозволения начальства, будет дано представление в здании клуба, в трех разнообразных отделениях, состоящих из следующих номеров:

«Сила зубов или железной челюсти» — исполняет силач Владимиров. Сатирические куплеты «Все замерло» — исполняет комик Володин. Удивительные фокусы покажет профессор черной магии Вольдемаров. Первый русский оригинальный соло-клоун Дуров выступит как художник-моменталист и звукоподражатель».

Силач Владимиров, комик Володин, профессор черной магии Вольдемаров, соло-клоун Дуров... А выступал только один пятнадцатилетний артист — Владимир Дуров. Он бежал из дома, чтобы стать артистом цирка и театра.

В то время клинским надзирателем был известный взяточник. И вот Владимир Дуров решил его проучить.

За несколько минут до того, как должен был опуститься занавес, Владимир Дуров обратился к зрителям:

— Прошу у вас позволения рассказать, что случилось со мной в вашем милом городе.

Иду я берегом пруда и смотрю: собралось много народу. Спрашиваю: «Что делаете, ребята?» «Да вот стряслось у нас несчастье: бьемся у воды три часа и никак не можем вытащить». «Кого, чего?» — спрашиваю. «Надзиратель утонул». «Эх, ребята, помочь вам? Верный дам совет. Покажите ему трехрублевку, он сам из воды вылезет».

В зале поднялся шум. Надзиратель настолько растерялся, что, не шевелясь, сидел на стуле. Дали занавес. Зрители бурно аплодировали, вызывая Дурова на сцену. Но он убежал за кулисы, через окно выпрыгнул во двор и на ло-

шади ускакал из города, чтобы не попасть в «лапы» надзирателя.

После удачного дебюта в цирке Владимир Дуров купил себе козла, которого назвал Василием Васильевичем, гуся, собаку и выступал с ними перед публикой.

Вскоре он стал всемирно известным цирковым артистом, имя его более пятидесяти лет красовалось на цирковых афишах мира.

В отличие от других дрессировщиков Владимир Леонидович пользовался не кнутом и палкой, а лаской и вкусопоощрением. За всю свою жизнь Владимир Дуров выдрессировал свыше 1 500 различных животных, среди них были тюлени, страусы, морские львы, медведи, кошки, собаки, мыши, петухи, овцы, свиньи, гиены, слоны и другие.

Еще в дореволюционное время Владимир Леонидович вместе со своим братом Анатолием впервые создал жанр сатирической клоунады, в которой политические мотивы занимали первое место.

Артист в свое время рассказывал мне о своем знакомстве с Карлом Либкнехтом, вождем немецкого пролетариата.

— С Либкнехтом я познакомился при необычных обстоятельствах. Мне пришлось обратиться к нему, как к адвокату, по нашумевшей в то время истории с моей ученой свиньей. В Берлинском цирке я показывал эту свинью, и мною был, между прочим, проделан там следующий номер:

«Вас вильст ду? (Что ты хочешь?)» — спрашиваю я свинью.

Она бросается к каске, какую носил кайзер Вильгельм, и тычет в нее мордой.

«Их виль-гельм! (Я хочу каску!)» — отвечаю я за нее.

При соединении двух слов выходит: «Я — Вильгельм». За это меня выслали из Берлина. Мой гражданский иск вел Карл Либкнехт и выиграл его.

Владимир Леонидович дружил с Анатолием Васильевичем Луначарским — первым наркомом просвещения.

«О ваших заслугах, как замечательного комика,— пишет артисту А. В. Луначарский,— как исключительного, мирового дрессировщика, как смелого гражданина, умевшего колкими словами дерзновенного шута ранить спесь «сильных мира сего», о ваших глубоких и интересных наблюдениях и выводах, сделавших вас одной из заметнейших фигур современной зоопсихологии; о вашей любви к детям и о прелести ваших книг из жизни животных, написанных для детей, будут говорить другие, и я также хочу бегло упомянуть в своем письме. Мне хочется также вспомнить, что мы встретились с вами и подружились сейчас же после революции...»

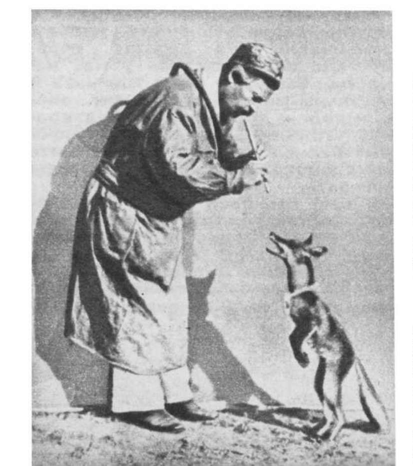
За несколько дней до своей кончины Владимир Леонидович написал «Обращение к ленинградским школьникам», но, к сожалению, не успел его отправить. Мы публикуем отрывок из него впервые.

«До сих пор,— писал В. Л. Дуров,— в сознании масс существует старое воззрение, будто на животных можно воздействовать только механическим болевым путем. Но вам, молодежи, предстоит преодолеть отголоски консервативного взгляда на животных, как на машину. Полагаю, что в каждой вашей ячейке будут устроены живые уголки и вы будете иметь возможность, строго следуя моим заветам, приручать различных зверей и птиц».

Миновало 25 лет после смерти Дурова. Его дочь Анна Владимировна Дурова-Садовская, вдова народного артиста СССР Прова Михайловича Садовского, уже в течение многих лет руководит Уголком имени Дурова.

Ан. ФИНОГЕНОВ

Репетиция.

Дядя Вася строит дачу

М. СЕМЕНОВ

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

Дядя Вася решил строить дачу.

— Разве это порядок,— сказал он,— мотаться каждую весну по всяким Малаховкам и падать в ноги каждой молочнице, чтобы она на лето чердак сдала? То ли дело свой угол. Хочешь живи, хочешь нет — никто тебе слова не скажет. Вот получу участок и начну строиться!

Разговор этот происходил у нас за столом, когда ели пирог с вязигой и осетриной по случаю Наташкиных именин.

Елена Казимировна, супруга дяди Васи, отрезала большой кусок пирога, положила ему на тарелку и промолвила:

— Закусывал бы ты, Вася, получше, а то несешь всякую эресь!

Тетя Лена была такой уж человек, что многие слова она обязательно переделывала на свой манер.

— Получу участок и начну строиться,— принимаясь за пирог, повторил дядя Вася.— Никакой ереси, все очень естественно.

Папа не раз говорил мне: если во что-нибудь сильно поверишь, то это обязательно сбудется. Видимо, дядя Вася так сильно поверил в свой дачный участок, что не сбыться это просто не могло. Буквально через месяц после разговора за пирогом его вызвали в заводской комитет.

— Присаживайся, Малемин, дело к тебе есть. Слышали мы, что строиться хочешь. Так вот, участок один свободный имеется: главбух отказался. У него какие-то нелады по линии тещи. А мы знаем, что ты человек трезвый, тещи не имеешь... Одним словом, поезжай в Дурылино, оформляй документы.

Когда дядя Вася рассказал об этом папе, тот предупредил:

— Смотри, Вася, наплачешься ты с этим оформлением!

Признаться, я не очень понял папу. Вообще слово «оформить» всегда казалось мне загадочным. Папа часто говорил: «Сегодня оформлял заготовки для механического, устал, как черт!» Мама рассказывала: «Опять у меня Наташку на прививки не оформили. Придется жаловаться школьному врачу». А когда мы были однажды на праздниках в ресторане, то папин знакомый сказал официанту: «Оформите нам, пожалуйста, селедочку натуральную». Оказывается, оформлять можно все: и заготовки, и Наташку, и сельдей. Но вот слезы! При чем они здесь?

Конечно, дядя Вася и не собирался нюни распускать, когда первый раз ехал в Дурылино. Он даже песенку веселую напевал и так, насвистывая, явился в коммунальный отдел.

— Гражданин, что вы делаете? — остановила его сидевшая за пишущей машинкой девушка.— Свистеть даже в церкви не разрешается, а здесь все-таки государственное учреждение! И вообще сегодня у нас семинар по противоэрозийной защите, приема нет. Приезжайте завтра.

Назавтра в Дурылине проводился день «зеленого друга», и все работники высаживали молодые деревца, потому что районные козы категорически отказывались глодать жалкие палки, уцелевшие от прошлых посадок. На третий день...

Но зачем продолжать? Понятно и так, что дядя Вася мог приступить к оформлению только в пятницу.

Девушка, сидевшая у пишущей машинки, сказала ему:

— Товарища Белобородова нет сейчас, но он скоро будет, подождите.

Дядя Вася остался ждать. Через час он спросил:

— А вы не можете сказать, где теперь товарищ Белобородов?

— Он в отделе планировки.

Пришлось идти туда.

— Белобородов был здесь, а сейчас вернулся к себе,— сказали в отделе планировки.

Дядя Вася побежал в коммунхоз.

— Он заходил,— сказала девушка,— и отправился обедать. Вон туда, напротив.— И указала на здание чайной.

В чайной было по крайней мере около двадцати мужчин. Который же из них Белобородов?

«Буду ждать здесь»,— решил дядя Вася и присел на крылечке. Люди входили и выходили из чайной, но не они интересовали дядю Васю. Он решил, что Белобородов — это толстый человек, который сидел в углу, под картиной «Мишки в лесу», читал районную газету и неторопливо ел борщ. Наконец мужчина пообедал, расплатился, свернул вдвое газету и направился к выходу.

— Товарищ Белобородов? — спросил его с надеждой дядя Вася.

— Да, я Белобородов! — с достоинством ответил мужчина.— Вы по какому вопросу? Если насчет обруча, то дуйте прямо в Загорянку. Теперь все лимиты оттуда надо выбирать.

Дядя Вася извинился и подошел к гардеробщице:

— Не знаете, который тут Белобородов?

— Как же, знаю! Вон сидит в синем костюме. Он самый и есть.

Обладатель синего костюма, увидев на крыльце дядю Васю, сам подошел к нему.

— Ага, наконец-то вы явились! Скажите, пожалуйста, кто же так пасет коров, что они, как шалые, разбрелись по всему району?!

— Но, товарищ Белобородов...— начал было дядя Вася.

— Что Белобородов! — вскипел синий костюм.— Я уже пятьдесят лет Белобородов и не намерен отвечать за разных разгильдяев! Расчет, немедленно расчет! И никаких отговорок, слышите вы?

Но дядя Вася уже ничего не слышал. Он понял, что в Дурылине Белобородовыми хоть пруд пруди и, действуя таким методом, он ничего не добьется. Самое верное в его положении было сидеть около машинистки и ждать.

И он стал ждать.

Ждал в коммунхозе, потом в райисполкоме, ждал в отделе планировки, ждал у нотариуса... Быстро промелькнули три недели отпуска, и дядя Вася стал наконец счастливым обладателем дачного участка.

— Вот это порядок! — сказал дядя Вася папе.— Теперь бы мне только нужного человека найти. Случайно не знаешь такого?

Папа знал. Несколько лет назад он познакомился с этим человеком на рыбалке, и с тех пор они были неразлучны. Человек этот разводил гладиолусы, делал бамбуковые удилища и состоял членом секции служебного собаководства. Он был не то на пенсии, не то имел какую-то группу инвалидности. Почему папа решил рекомендовать его дяде Васе, он и сам толком, наверное, не знал. Может быть, просто потому, что папин знакомый был очень обязателен: если уж что пообещает, то в доску расшибется, а сделает.

Папа привез человека к дяде Васе. Они быстро договорились.

— Сруб поставим бревенчатый, пять на пять,— сказал человек,— мансарду летнюю, веранду три на четыре. Чем будем крыть? Рекомендую толем и шифером. Лучшего защитного слоя в наших климатических условиях не придумаешь. По рукам?

Ударили по рукам. На столе появились соленые огурцы, отварной картофель, селедка.

Тетя Лена стояла рядом, смотрела, как мужчины закусывают, и тихо приговаривала:

— Все это эресь, какая эресь!

Но неверно пишут в книжках, что скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Дача дяди Васи росла, как по щучьему велению. Каменщики поставили уже каменные столбы, плотники уже собрали бревенчатый сруб, возвели стропила и начали крыть крышу.

Время от времени человек появлялся на квартире дяди Васи.

— Нужны деньги. Подтоварник есть хороший!

Или звонил по телефону:

— Елена Казимировна, достаньте гвоздей, четыре дюйма, килограммчиков этак пять.

Передавал через папу:

— Увидите Малемина, напомните, во вторник плотникам платить, у них престольный праздник.

Доставая утром из почтового ящика газету, Малемины находили там записку:

«Поезжайте в среду на Крестьянку. Будет сухая штукатурка. Берите двадцать листов. Придется нанять грузовое такси, в трамвай не пустят».

Дядя Вася мотался по городу как угорелый в погоне за белилами и натуральной олифой, выклянчивал в хозмагах оконные задвижки, дверные ручки и скобы. Елена Казимировна с тоской наблюдала, как тает ее сберкнижка.

Пришлось тете Лене сократить расходы на питание, продать соседке шубу, снести в комиссионный магазин радиолу.

Но всего этого было мало. Человек только входил во вкус. Он понял, что быть прорабом не менее интересно, чем разводить гладиолусы. Нет, он ничего не требовал для себя лично. Но каждый день в его воспаленном мозгу рождались новые идеи.

— Будем обшивать углы,— говорил он,— иначе бревна растрескаются, как лучины.

Или:

— Веранду придется перекрасить. Сначала пустим зеленый колер, а потом уж пройдемся по нему белилами. Так все делают.

Сначала он велел прибить на двери обыкновенные наличники, потом решил, что это некрасиво, и распорядился оторвать их и заказал резные.

Вся семья Малеминых уже перебралась на дачу, а вокруг еще что-то пилили, строгали и приколачивали.

В воскресенье мы приехали к ним в гости. И когда мама развернула привезенные с собой сосиски, то малеминский Петька стал уничтожать их прямо сырыми.

Елена Казимировна заплакала и жалобно сказала:

— Вася, с этой дачей мы превратились в лампен-пролетариев. Подумай, что будет с нами на следующий год, когда придется делать этот отсадочный ремонт, рыть колодец, проводить электричество, платить страховку?

Дядя Вася ответил:

— Во-первых, не лампен, а люмпен, не отсадочный, а осадочный...

Но Елена Казимировна не дала ему договорить:

— Посмотри, в кого ты превратился! Целыми неделями мечешься по городу небритый, грязный. Мы перестали ходить в театры, ты совсем забросил свое научно-техническое общество. От тебя отшатнулись все друзья. Да и поделом: кому интересно слушать, как ты разглагольствуешь о шпингалетах и оконной замазке, о шелевке, буте и еще черт знает о чем! Ты стал настоящим отщепенцем.

— Нет, отщепенцем я не буду! — сказал дядя Вася.— У меня уже созрел один вариант.

Прошло лето, начались осенние дожди, и дядя Вася приступил к осуществлению своего варианта. Он решил вступить в дачный кооператив.

Я расскажу об этом так, как передавал папе сам дядя Вася.

Прежде всего в кооперативе к дяде Васе отнеслись в высшей степени подозрительно.

— Ведь у вас строение уже возведено?

— Да, возведено! — со вздохом отвечал дядя Вася.

— Участок освоен?

— Освоен.

— Зачем же вы вступаете в кооператив?

— Мне нужен коллектив. Терпеть не могу индивидуалистов.

— Но ведь до сих пор вы жили без коллектива? Даже, говорят, высказывались в пользу индивидуальной собственности: «Свой угол», «Хочешь живи, хочешь нет — никто слова не скажет...» Ведь высказывались?

— Было такое дело. Заблуждался. Сознание отставало.

Но эти ответы не очень убедили членов правления: они опасались какого-нибудь подвоха со стороны дяди Васи.

Дачу дяди Васи осматривали и оценивали целый день. Брали пробу цемента из фундамента, ковыряли стены, исследовали крышу. Один член правления залез даже зачем-то под пол, а председатель ревкомиссии взобрался на самую высокую сосну и оглядел окрестности, но ничего подозрительного не обнаружил.

Наконец настал торжественный день. Дядю Васю приняли почти единогласно при одном воздержавшемся.

— Поздравляю вас, Василий Дмитриевич! — сказал председатель.— Сегодня вы влились в дружные ряды членов дачного кооператива «Трепетная лань». Отныне и на протяжении каждого дачного сезона вы будете чувствовать твердый локоть вашего товарища — члена кооператива. Кстати,— продолжал он уже будничным тоном,— вы, вероятно, уже знаете, что выход из кооператива, добровольный или вынужденный, влечет за собой утрату всей недвижимой собственности, но при условии получения определенной компенсации...

— Да, знаю, что влечет! — бодро ответил дядя Вася.— Поэтому прошу правление обсудить мое второе заявление.

И протянул председателю новую бумагу.

Председатель молча прочел и отдал заместителю, заместитель — секретарю. Секретарь пробежал бумагу глазами и вслух произнес:

— Гражданин Малемин В. Д. просит исключить его из членов дачного кооператива «Трепетная лань».

В комнате стало слышно, как капает вода из рукомойника. Потом из угла раздался чей-то голос:

— Мотивы!

— Да,— пришел в себя председатель,— вы уж, дорогой Василий Дмитриевич, потрудитесь изложить мотивы. Исключение из кооператива бывает обычно связано с каким-нибудь правонарушением. У вас же таких нарушений, как мне известно, не наблюдалось...

— Это — величайшее заблуждение. Перед вами закоренелый нарушитель!

По комнате пронесся легкий шумок.

— Я умышленно отклонился от первоначального проекта дачи, утвержденного райстройархконтролем. Моя супруга вырубила все березки...

— Позвольте,— перебил председатель,— но в отношении подлеска существует определенная установка, разрешающая...

— Да что там подлесок! Я готов был вырубить все сосны, окажись только у меня в руках приличный топор! Но вы великолепно знаете, какие никуда не годные топоры продают в хозмагах... Я не провел необходимых мероприятий по борьбе с непарным шелкопрядом. У меня просрочены платежи. Мой сын ходит, весь увешанный рогатками, моя дочь срывает лекарственные растения и скармливает их соседским кроликам. И вообще я индивидуалист от рождения. Если узнаю, что где-нибудь поблизости есть кооператив, вроде вашего, то всю ночь не сомкну глаз.

Атмосфера в комнате накалилась. Оскорбленные в лучших своих чувствах члены правления уже смотрели на дядю Васю с неприязнью и отвращением.

— Какие будут предложения? — спросил председатель.

— Судить его! — раздался тот же голос из угла.— Судить и потом взять на поруки. Но из кооператива не выпускать, пусть побарахтается вместе с нами!

— Исключить! — перебили его сразу несколько человек.

— Ставлю вопрос на голосование,— сказал председатель.

Дядю Васю исключили также почти единогласно, при одном воздержавшемся. Воздержался опять председатель ревкомиссии, который лазил на сосну. Оказывается, в углу сидел он.

— Таким образом,— торжественно промолвил председатель,— вы, Василий Дмитриевич, можете считать себя свободным от всех обязательств, связанных с пребыванием в кооперативе «Трепетная лань». Финансовые расчеты будут произведены бухгалтерией кооператива, согласно уставу и балансовой стоимости принадлежавшей вам недвижимости.

Так завершилась дачная эпопея, получившая, с легкой руки тети Лены, наименование эреси.

Теперь Малемины снова будут снимать чердак у малаховской молочницы и очень этим довольны.

Точка

Ф. КРИВИН

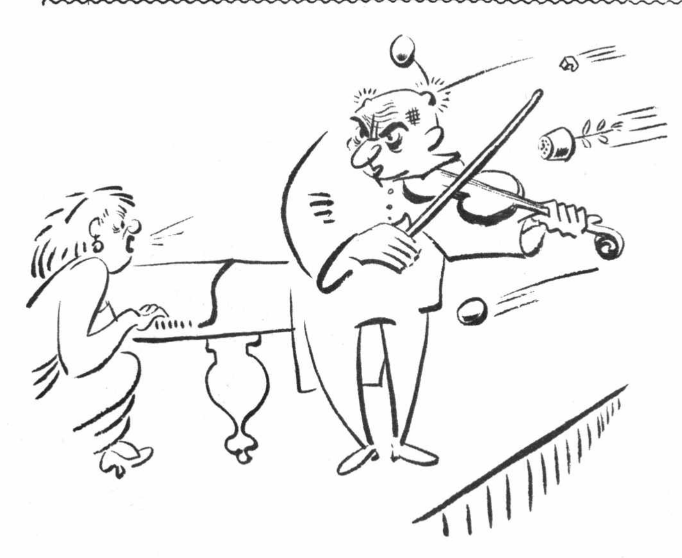
У нее особый пост
В самой малой строчке.
Если точка,
Вывод прост:
Это значит —
Точка.

Фразу следует кончать,
Если точка рядом.
Точку
Нужно уважать,
Точку
Слушать надо.

И хотя она тверда,
В книге и в тетради
Без особого труда
Можно с ней поладить,

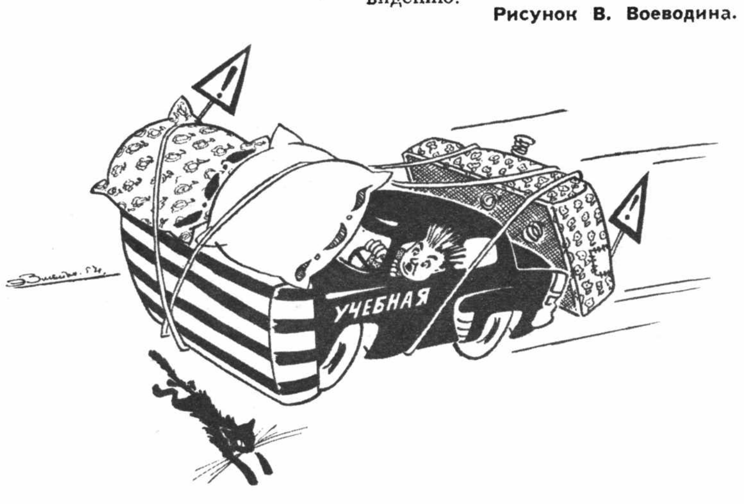
Если только
Мысли нить
От воды избавить,
Если точку
Не забыть
Вовремя поставить.

Ужгород.

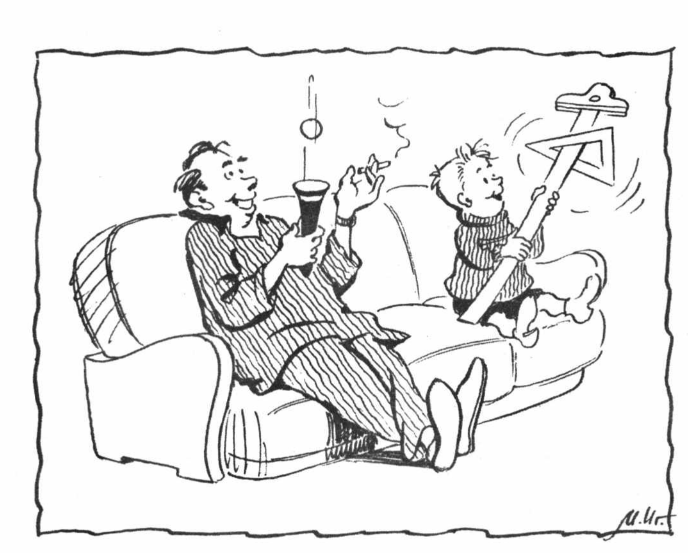
— Я же говорила, что вам лучше всего выступать по телевидению.

Рисунок В. Воеводина.

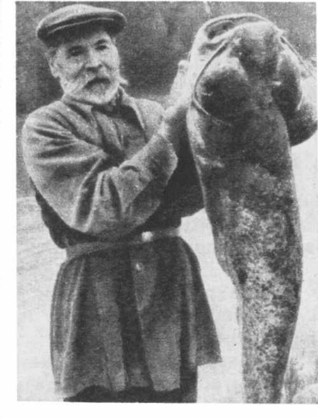
Меры предосторожности.

Рисунок Э. Змойро.

В ожидании мамы. **Рисунок И. Массина.**

ПОХИТИТЕЛЬ ПОЙМАН

На реке Осколе близ города Валуйки пропадали утки. Пастух Никита Иванович Макаров определил, что похититель уток — сом. Найдя его логово, Макаров сплел леску толщиной в карандаш, привязал ее к дереву и закинул в омут. Разбойник попался, но чтобы одержать победу, рыболову пришлось поработать дубинкой.

М. ПОДВИГИН

Воронеж.

ИГРА ПРИРОДЫ

Однажды в летний день нас застала гроза в окрестностях Звенигорода. Где-то совсем близко сверкнула молния и ударил гром. Вскоре мы увидели, что ствол большой ели, словно гигантским ножом, срезан от вершины до основания. А на траве лежали две ровные смолистые доски. Удивительный случай запечатлен на снимке.

Н. НЕКРАСОВ

Москва.

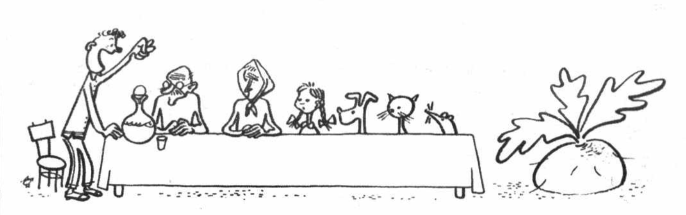
ВЕСЫ ИЗ ОДНОГО КУСКА ДЕРЕВА

В журнале «Огонек» я както увидел фотографию цепи, сделанной из одного куска дерева. Автору этой работы и другим читателям, вероятно, будет любопытно узнать, что в краеведческом музее города Боржоми хранятся весы, вырезанные в давние времена тоже из цельного куска. Весы были найдены при раскопках в 1946 году.

В. ШЛИМАК

Ленинград.

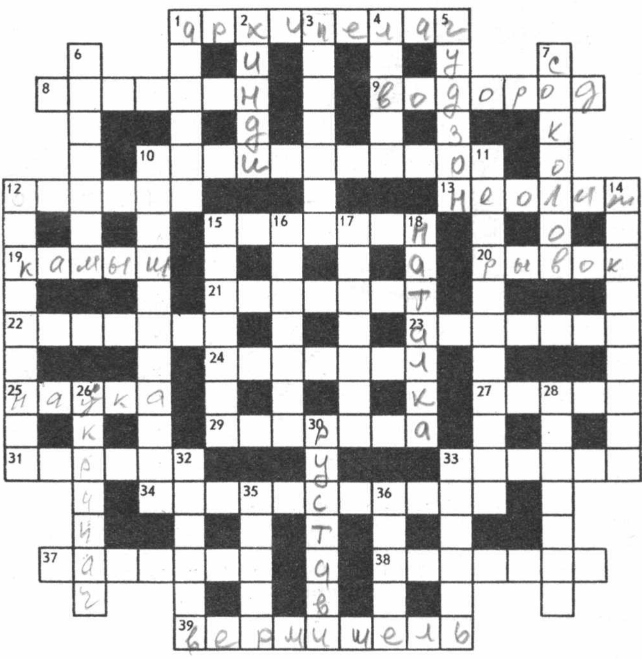

К вопросу о репке... **Рисунок Д. Донева**, Болгария.

Предприимчивость. **Рисунок Э. Змойро.**

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Группа островов. 8. Положение в боксе. 9. Самый легкий газ. 10. Эстрадный артист. 12. Ансамбль из семи исполнителей. 13. Эпоха каменного века. 15. Гудок на старых моделях автомобиля. 19. Распространенное пресноводное растение. 20. Резкое, порывистое движение. 21. Повесть Н. В. Гоголя. 22. Деревянная баржа. 23. Поэма А. С. Пушкина. 24. Математический знак. 25. Система знаний. 27. Игра. 29. Исчезновение гласного звука в середине слова. 31. Французский писатель. 33. Пространная реплика. 34. Записи для учета. 37. Русский критик. 38. Старательность. 39. Сорт лапши.

По вертикали:

1. Потухший вулкан в Азии. 2. Государственный язык республики Индии. 3. Рыболовная снасть. 4. Государство в Африке. 5. Английский мореплаватель, именем которого назван залив. 6. Созвездие северного неба. 7. Герой рассказа «Судьба человека». 10. Специалист по внедрению техники. 11. Воспроизведение изображения. 12. Испанский танец. 14. Отрасль геологии. 15. Хвойное дерево. 16. Составная часть каменноугольного дегтя. 17. Знойный ветер. 18. Героиня популярной оперы Н. В. Лысенко. 26. Музыкант оркестра. 28. Советский ученый-энергетик. 30. Город в Грузии. 32. Автор картины «Торг». 33. Сосуд для плавки металлов. 35. Сплав, применяемый для изготовления деталей измерительных приборов. 36. Приток Ориноко.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

2. Чайка. 5. Дробь. 6. Шторм. 9. Платок. 10. Налим. 13. «Разлом». 15. Изобретение. 16. Символ. 18. Контакт. 22. Камлот. 23. «Предложение». 24. Децима. 25. Меконг. 26. Антенна. 28. «Цирк». 29. Сена. 30. Менделеев. 31. Утес. 33. Ялта. 34. Вагиф.

По вертикали:

1. «Стрекоза». 2. Чабан. 3. Артем. 4. «Хирургия». 7. Чайковский. 8. «Владимирка». 9. Пришибеев. 11. Айран. 12. Истра. 14. Мастодонт. 17. Лопатин. 19. Орден. 20. Трощение. 21. Клеон. 22. Кремень. 26. Акцент. 27. Асбест. 32. Скат. 33. Ялик.

Медаль мира

На морских волнах ковчег, над ковчегом летит голубь с оливковой веткой в клюве, а над всем этим возносится арка радуги, соединяющая две столицы — Петербург и Стокгольм.

Такая композиция отчеканена на медали из красной меди диаметром в шесть сантиметров. Она не является простым отображением древней библейской легенды о всемирном потопе. Картина эта аллегорическая, что особенно характерно для медали XVIII века.

Эту медаль нашел на своем участке Г. Н. Николенко, живущий в станице Зеленчукской, Ставропольского края. Научный сотрудник отдела нумизматики Государственного исторического музея А. Н. Луппол пояснил:

— Медали, подобные найденной Г. Н. Николенко, чеканились в память Ништадтского мира 1721 года со Швецией, завершившего многолетнюю Северную войну, в результате которой Россия обеспечила себе выход к Балтийскому морю. Известны два типа этой довольно редкой медали, чеканенной из золота, с русским и латинским текстами. Русский текст аналогичен латинскому. На лицевой стороне он гласит: «Союзом мира связуемы»; внизу — «В Неистате по потопе Северныя войны 1721»; на обороте — «В. И. Б. Щ. (великому и благоверному, щастливому) Г-д-рю (государю) Петру I именем и делами Великому Императору и Отцу по двадесятилетних триумфов Север умиривщему сия из злата домашнего медалия усерднейше преподносится».

Найденная медаль, очевидно, копия с золотой. Аллегория изображения ясна из текста. Голубь мира — вестник конца войны.

Зимние зарисовки

Обогнал...

Сила примера.

Вовочка стал на лыжи.

Любовь и спорт.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Говорящий снег

Группа туристов решила сфотографировать величественную панораму южной части острова Уруп с действующими вулканами Трезубец и Берга. Было удивительно тихо и солнечно. Начинаем подъем на сопку. Вот уже видим на западе темную воду Охотского моря. Ощущаем высоту, дыхание учащается, двигаемся гуськом.

— Эй, что вы там шепчетесь? — крикнул Валентин Мельников.

— Это тебе показалось,— ответил ему Валентин Марков.

Мы поменялись местами и опять пошли. Но и я теперь слышу беседу, а ее смысла не могу разобрать. Заспорили. Присели на снегу, отдыхаем. И тут-то мы все явственно услышали шум, похожий на говор далекой толпы людей, шорохи.

— Неужели это от снега? — высказал предположение Марков.— Нет, не может быть! Читал я про поющие пески, но о говорящем снеге не приходилось слышать.

Н. ДЕРЕВЯНЧЕНКО

г. Шахты.

— В рассказе читателя Н. Деревянченко приведен интересный случай внутреннего плавления большой массы кристаллов льда,— объяснил нам Ким Семенович Лосев, редактор раздела «Снежный покров, ледники, мерзлота» реферативного журнала «География».— Внутри кристаллов льда за счет поглощения лучистой энергии начинается образование плоских дисков из воды, которые затем разрастаются в подобие цветков с шестью лепестками, называемых «цветами Тиндаля». В центре такого «цветка» появляется пустота, что сопровождается треском. Центрами таяния служат мельчайшие пузырьки воздуха и другие инородные тела. При сильном солнечном излучении не исключен разрыв кристаллов. Южный склон, по которому шли туристы, и ясный солнечный день, по-видимому, благоприятствовали массовому образованию «цветов Тиндаля». В таких случаях снег издает звуки, похожие на шипение, треск, шорох, а при оседании огромных полей снега, как это бывает, например, в Гренландии, возникают звуки, похожие на раскаты грома.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

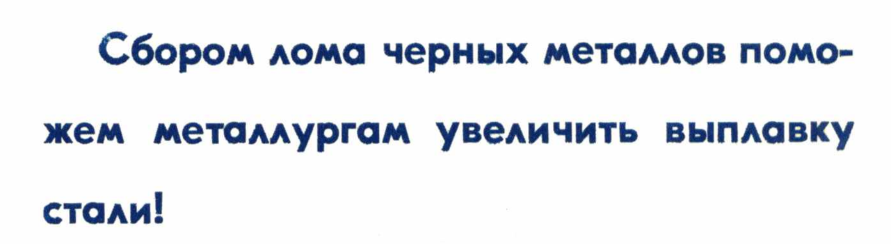
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00212. Подписано к печати 27/I 1960 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 6. Заказ 55.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 3 руб.

Сбором лома черных металлов поможем металлургам увеличить выплавку стали!

Сбор лома черных и цветных металлов—дело большой государственной важности.

Из 110 тонн собранного и переработанного металлолома можно сделать: 5 мощных гусеничных тракторов «С-80», 5 плугов к ним, 4 прицепных комбайна «Сталинец», 9 самоходных косилок «КС-10» или мощный паровоз, тепловоз или электровоз, или 5 000 велосипедов, 1000 мотоциклов, 9 000 швейных машин.

«Росглаввтормет»

Собирайте МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЛОМ!